

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 7

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 7

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022. Vol. 44, No 7

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrSU.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Лебедев А. А.	Отрицательные безличные конструкции и их роль в поэзии М. В. Ломоносова	79
ЯЗЫКОЗНАНИЕ				
Петрова З. Ю., Северская О. И., Фатеева Н. А.				
Лексико-семантическая группа «Отсутствие речи» в русской поэзии: конструкции персонификации	8			
Проконова М. В., Ермакова Е. Н.				
Гипербола и литота как способ смысловой метаморфозы в сфере фразообразования	19			
Давыдова Т. С.				
О некоторых трудностях перевода произведений Ф. М. Достоевского на английский язык	27			
Приходько С. А.				
Концепт смех в полемической книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»	34			
Пукита А. П.				
Морская профессиональная лексика в романе Евгения Богданова «Поморы»	41			
Вопросы карельской диалектологии				
Паикова Т. В.				
Состав и семантика сочинительных союзов в диалектах собственно карельского наречия в аспекте языковых контактов	48			
Новак И. П.				
«Глухой» и «звонкий» карельский: диалектные маркеры на кластерных картах	54			
Родионова А. П.				
О коллекциях людиковских диалектных материалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН	64			
К 130-летию со дня рождения М. И. Пигина				
Патроева Н. В.				
Архаичные формы связки <i>быть</i> в поэтической речи XVIII столетия: грамматические и стилистические особенности	71			
		Иванян Е. П., Айрян З. Г.	Вариативная интерпретация действительности в литературной сказке: комплексный подход	85
		Черняк М. А., Наумова Л. Н.	Трансформация понятия «современность» в прозе Виктора Пелевина	94
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ				
К 95-летию со дня рождения Д. М. Балашова				
		Лызлова А. С.	Терская поморская сказочная традиция (по экспедиционным записям Д. М. Балашова 1950–1960-х годов)	101
		Петров А. М.	Д. М. Балашов как собиратель фольклора: от научного поиска к литературному мастерству	111
Рецензии				
		Шарапенкова Н. Г.	Рец. на кн.: Андрей Белый и Наташа Тургенева: Роман в письмах	119
Юбилей				
			К 75-летию Е. И. Марковой	121
			К 70-летию А. Е. Кунильского	122
Память				
		Лоитер С. М., Нилова И. М.	Памяти Л. П. Новинской	123
			Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.10.2022. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 128

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор
А. В. Пигин

Alexander V. Pigin,
Deputy Editor-in-Chief,
Dr. Sc. (Philology), Professor

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Октябрьский номер посвящен вопросам языкознания и литературоведения. Часть статей объединены в тематические разделы. Один из них – «Вопросы карельской диалектологии» – составляют исследования лингвистов из Карельского научного центра и Петрозаводского госуниверситета. В них предлагается обзор людиковских аудиоматериалов, хранящихся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН (А. П. Родионова), решаются конкретные задачи в изучении фонетики и синтаксиса карельских диалектов с применением методов кластерного анализа (И. П. Новак) и в аспекте языковых контактов (Т. В. Пашкова). Другой тематический раздел посвящен 130-летию со дня рождения Матвея Ивановича Пигина (1892–1964) – исследователя грамматики мордовских языков и исторического синтаксиса русского языка, заведующего кафедрой русского языка Петрозаводского университета в 1949–1962 годах. В статьях Н. В. Патроевой и А. А. Лебедева анализируются, с опорой на работы ученого, формы связки «быть» и отрицательные безличные конструкции в поэтических текстах XVIII века. Литературоведческий коммеморативный раздел приурочен к 95-летию со дня рождения Дмитрия Михайловича Балашова (1927–2000). Он известен не только как автор исторических романов, но и как фольклорист, в 1960–1968 годах работавший в академическом институте Петрозаводска, сделавший в экспедициях по Карелии и Мурманской области ценные записи произведений народно-поэтического творчества. В статьях А. С. Лызловой и А. М. Петрова рассматриваются собранные ученым фольклорные материалы, значительная часть которых хранится в Научном архиве и Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. Основное внимание авторы уделяют сказочной традиции Терского берега Белого моря в записях Д. М. Балашова, а также комментариям собирателя к текстам народной традиции в его полевых материалах и отчетах.

Юбилейные даты являются приятным и знаменательным поводом для публикации в журнале поздравительных статей, посвященных научной деятельности литературоведов Е. И. Марковой – специалиста по литературе Карелии XX–XXI веков и А. Е. Кунильского – известного исследователя творчества Ф. М. Достоевского. Присоединяюсь к поздравлениям и желаю своим коллегам, с которыми посчастливилось работать, здоровья и новых обретений на пути научного поиска!

В сентябре этого года ушла из жизни литературовед, стиховед Л. П. Новинская (1937–1922), долгие годы работавшая в Карельском пединституте. Некролог, посвященный замечательному ученому и преподавателю, публикуется в рубрике «Память».

ЗОЯ ЮРЬЕВНА ПЕТРОВА

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5390-8029; zoyap@mail.ru

ОЛЬГА ИГОРЕВНА СЕВЕРСКАЯ

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6277-9756; oseverskaya@mail.ru

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-0916-1161; nafata@rambler.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ОТСУТСТВИЕ РЕЧИ»
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: КОНСТРУКЦИИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ**

А н н о т а ц и я . Статья посвящена проблеме описания системы метафор и сравнений русской литературы и ее эволюции. Рассматривается один из фрагментов этой системы – множество компаративных тропов русского поэтического языка XIX–XXI веков, образы сравнения которых относятся к лексико-семантической группе со значением отрицания говорения, входящей, в свою очередь, в семантическое поле «Язык, речь». Подобное исследование проводится впервые. Цель работы – представить целостное и многоаспектное описание фрагмента системы метафор и сравнений русской литературы, исследовать его эволюцию на протяжении около двух с половиной веков. Задачи – описание множества образов сравнения – элементов лексико-семантической группы «Отсутствие речи», выявление семантических классов предметов сравнения – описание эволюции этих классов, а также эволюции анализируемой ЛСГ образов сравнения в русском поэтическом языке XIX–XXI веков, анализ особенностей реализации образов сравнения указанной ЛСГ в поэтических текстах. При анализе языкового материала использовались корпусный метод, метод семантического поля, структурно-функциональный метод. В результате исследования был определен состав лексико-семантической группы «Отсутствие речи», проведен корпусный анализ ее элементов, выступающих в качестве персонификаторов в поэтических текстах. Выделены семантические классы предметов сравнения, характеризующихся рассматриваемыми персонификаторами – «Окружающий мир» («Природа» и «Предметы, созданные человеком»), «Время» и «Внутренний мир человека; социально-философский план; жизнь, смерть, судьба человека; языковые явления». Определен ранний срез исследуемого фрагмента метафорической системы – традиционные образы и предметы сравнения соответствующих компаративных тропов. Сделаны выводы об эволюции этого фрагмента на протяжении более двух веков развития русского поэтического языка, а именно об обновлении классов как предметов сравнения, так и образов сравнения. Особое внимание уделено эволюции образов сравнения ЛСГ «Отсутствие речи» – выявлено ее расширение за счет отношений словообразовательной деривации, синонимии. Показана роль стилистически отмеченных слов и фразеологически связанных сочетаний в обновлении традиционного семантического инварианта рассматриваемого класса компаративных тропов. Результаты исследования представляют фрагмент метафорической системы русского поэтического языка XIX–XXI веков в ее развитии.

Ключевые слова: персонификация, поэтический язык, метафора, компаративный троп, лексико-семантическая группа, молчание

Для цитирования: Петрова З. Ю., Северская О. И., Фатеева Н. А. Лексико-семантическая группа «Отсутствие речи» в русской поэзии: конструкции персонификации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.811

ВВЕДЕНИЕ

В системе компаративных тропов языка художественной литературы самую большую группу составляют конструкции со значением олицетворения, или персонификации. Образы сравнения этих тропов относятся к семантической категории «Человек», которая включает следующие основные классы: «Обозначения людей», «Движение», «Положение в пространстве», «Активные действия», «Социальный план», «Жизненный цикл», «Физические и психофизические состояния и свойства, процессы в организме», «Восприятие», «Язык, речь», «Интеллект», «Чувства» и др. Множество компаративных тропов, образы сравнения которых относятся к полю «Язык, речь», одно из самых значительных, разветвленных и широких по охвату предметов сравнения. В самом образном поле «Язык, речь» можно выделить две контрастные по значению лексико-семантические группы (ЛСГ). Одна из них включает слова, обозначающие разные типы говорения в конструкциях персонификации; эти слова уже описаны в работах авторов данной статьи [8], [9]. В другую ЛСГ входят слова с общим значением «отрицание говорения»: лексема *молчать* и ее дериваты (глаголы *замолчать*, *помолчать*, *помалкивать*, *примолкнуть*, *приумолкнуть*, *про-молчать*, *умолчать*, *намолчаться*, *отмолчаться*, имена существительные *молчание* (*молчанье*), *умолчание*, а также обозначения лиц, мотивированные центральной лексемой: *молчун*, *молчальник*, *молчальница*, прилагательное *молчаливый*; кроме того, в эту группу входят близкие по смыслу лексемы с другими основами, образующие концептосферу «молчание»: *безмолвствовать*, *безмолвие*, *отговорить*, устойчивые словосочетания *набрать в рот воды*, *язык проглотить*, *держат язык за зубами* и др. К этой же ЛСГ мы относим и слово *немой* и его производные *немота*, *немотствовать*¹.

Цель статьи – описать семантические классы предметов сравнения, соответствующие указанным персонификаторам, и выявить эволюцию этих классов; проследить эволюцию исследуемой ЛСГ образов сравнения, входящих в концептосферу «молчание», в поэтическом языке XIX–XXI веков, а также проанализировать особенности их реализации в поэтических текстах.

* * *

Концептосфера «молчание» становилась предметом анализа в ряде работ, среди которых основополагающей можно считать статью Н. Д. Арутюновой «Молчание. Контексты употребления». В этой работе отмечено, что «концепт молчания <...> формируется на фоне понятия говорения, вторичен по отношению к нему»

и является его отрицанием [2: 106]. Реализации этого концепта рассматриваются в разных типах контекстов – коммуникативном, психологическом, религиозно-мистическом и эстетическом. Н. Д. Арутюнова различает тишину и молчание:

«Тишина есть природный феномен, транспонируемый в мир человека; молчание есть человеческий феномен, транспонируемый в мир природы. В основе транспозиции лежит метафора» [2: 114].

Исследователи изучают семантические и семиотические характеристики молчания в культурном и коммуникативном аспектах [1], [7], [12], [15], [17], анализируют функции молчания в рамках теории Р. Якобсона о языковых функциях [18], в продолжение исследований Н. Д. Арутюновой выстраивают типологию контекстов употребления слов семантического класса «Молчание» [4], [5], [14]. Специальное направление составляют исследования, посвященные изучению концепта «молчание» в языке поэзии, в том числе в индивидуально-авторском преломлении [3], [6], [10], [16]. В этих работах молчание преимущественно рассматривается с точки зрения пишущего субъекта («экзистенциальное» молчание, по терминологии Т. Л. Рыбальченко), в то время как молчанию, «транспонируемому в мир природы» (исследователи называют его также «космогоническое» или «онтологическое» молчание), уделяется значительно меньше внимания. Это направление реализации концепта «молчание», непосредственно связанное с персонификацией, как раз и составляет предмет нашего исследования.

Объект исследования – соответствующий фрагмент системы метафор и сравнений русского поэтического языка, до сих пор не имеющий целостного описания. Основываясь на материале Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ)², мы предлагаем такое описание. В нем представлены основные семантические классы предметов сравнения, с которыми сочетаются анализируемые персонификаторы. Предметы сравнения и персонификаторы группируются по семантике, времени фиксации в текстах, частоте употребления и словообразовательно-гнездовому принципу.

Предметы сравнения, с которыми сочетаются лексемы ЛСГ «Отсутствие речи», входят в три крупных класса: «Окружающий мир» («Природа» и «Предметы, созданные человеком»), «Время» и «Внутренний мир человека; социально-философский план; жизнь, смерть, судьба человека; языковые явления».

Самый обширный класс предметов сравнения в конструкциях персонификации – это обозначения природных реалий и явлений. Он включает слова с наиболее широким значением – *природа*,

мир, вселенная, которые фиксируются в НКРЯ с самого начала рассматриваемого периода. Среди образов сравнения, которые их характеризуют в начале XIX века, центральное место занимают глагол *молчать* и его производные *молчание* и *молчаливый*, а также однокоренные слова другого словообразовательного гнезда – *безмолвный*, *безмолвно*, *безмолвствовать*:

«*Природа*, алчная к твоим восторгам, страстно Приникла и *молчит*! – Волшебница! – возришь, И я весь твой навек! – Струнами загремишь, И всё тебе подвластно!» (А. Мерзляков 1806), «*Безмолвствуй, мир* смятенный» (В. Жуковский 1808), «Смерть в увядшей душе, все мертво в *безмолвной природе*» (В. Кюхельбекер 1817), «Как долго целый *мир*, колена преклонив И чудно озарен его высокой славой, Пред ним *безмолвствовал*, смирен и молчалив» (А. Хомяков 1835).

Среди элементов этого класса широко употребительны обозначения разнообразных составляющих частей описываемой природной картины: *поле, долина, дол, луг, поляна, нива, пустыня, степь, дорога*; к их образной характеристике, помимо указанных персонификаторов, присоединяются *немой, немота, немотствовать*:

«Спокойно всё; *поля молчат*» (А. Пушкин 1824), «Луна встает за дальнею горою, *Молчат холмы, долины и леса*» (Н. Языков 1829), «Что взор склоняет твой в *безмолвные долины*?» (П. Катенин 1810), «Взор мой бродит везде по *немой*, по унылой *пустыне*» (В. Кюхельбекер 1817), «Не в людском шуму, пророк, В *немотствующей пустыне* Обретает свет высок!» (Е. Баратынский 1835–1836).

Отдельные семантические группы в классе обозначений природных реалий составляют «Растения», «Водные объекты», «Земля, горы, камни», «Атмосферные явления», «Небо, воздух», «Светила». Компаративные тропы с обозначениями этих семантических групп в качестве предметов сравнения включают указанные персонификаторы со значением молчания также с самого раннего периода русской поэзии. Группа «Растения» включает в начале XIX века названия совокупностей растений: *лес, бор, дубрава, роща, сад*, например:

«В *безмолвные* ль *дубовы*, Или в дремучий лес, Куда сквозь мрачны кровы Не светит луч небес?!» (А. Волков 1799), «Он с бардом песнь поет – и месяц в облаках, И Кромлы шумный *лес безмолвствуя* внимает» (К. Батюшков 1802–1803), «*Молчит* угрюмый *бор*, одетый ночи мглой» (П. Плетнев 1819), «Проснулись *рощи молчаливы*» (А. Пушкин 1817–1820), «Блестит луна, недвижно море спит, *Молчат сады* роскошные Гассана» (А. Пушкин 1825), «Не холнет ветер в тиши ночной; Не дрогнет лист *немой дубравы*» (П. Ершов 1835),

а также отдельные названия деревьев и цветов: *сосна, роза*:

«Древние *сосны* зноем томятся, Ноют – *молчат*» (Г. Каменев 1803), «Пленившись розой, соловей И день

и ночь поет над ней; Но *роза молча* песням внемлет, Невинный сон ее объемлет...» (А. Кольцов 1831).

Обозначения водных объектов: *воды, река* (и названия рек), *волна, струя, пруд, залив, пучина* – в начале XIX века чаще всего сочетаются с персонификаторами *молчать, молчанье, безмолвный, немой*:

«Пускай *молчат* во льдах уснувши *воды*» (В. Жуковский 1812), «*Молчит Дунай*, чернеет лес дремучий» (Н. Языков 1823), «Глухая ночь. *Молчит река*, Луна сокрылась в облака» (К. Рылеев 1825), «Кто в *пруд безмолвный* и дремучий Поток мятежный обратил?» (А. Пушкин 1823), «Прекрасно озеро Чудское <...> *Безмолвна синяя пучина*» (Н. Языков 1825), «*Молчанье волн*, утесы, горы И свод полнощных небес Пленяют, восхищают взоры Гармонией своих чудес!» (А. Муравьев 1825–1826), «Когда луны сияет лик двурогой И луч ее во мраке серебрит *Немой залив* и [склон горы] отлогой <...>» (А. Пушкин 1821).

Предметы сравнения класса «Земля, рельеф, горы, камни» чаще всего сочетаются в ранний период со словом *безмолвный*, реже с *немой*:

«Скоро и ты здесь, в *недрах безмолвных* Матери нашей *земли*, Скоро здесь будешь, в тесной могиле, С нами лежать» (Г. Каменев 1803), «Вот и *камни* те *безмолвные*, Мхом седым вокруг поросшие» (Ф. Иванов 1808), «И совершили долг последний и священный, Предав тебя *земле* холодной и *немой*» (А. Полежаев 1837).

Среди обозначений атмосферных явлений в ранний период развития поэтического языка со словами ЛСГ «Отсутствие речи» (*молчать, замолчать, неметь, онеметь*) сочетаются *гром* и *ветер*:

«Где *гром* еще *молчал, немяя*» (А. Радищев 1800–1802), «Увы! – и *громы онемели*, Ревущие тебя вокруг» (Г. Державин. Водопад, 1791–1794), «Речешь – и *громы онемеют*» (Н. Карамзин 1792), «Когда Перун, горящих царь громов, Свинцовы тучи собирает И мрачною стезей по небесам ступает, Сердитый *ветр молчит* и зной поля сжигает, И молнья спит в изгибах облаков» (А. Хомяков 1820),

несколько позже – *буря* и *гроза*:

«С рассветом *буря замолчала*» (И. Никитин 1854–1857), «*Гроза молчит*, с волной бездонной В сияньи спорят небеса» (Н. Некрасов 1855–1856).

Небо (представленное также номинациями *небеса, небосвод, неба свод, неба предел*) характеризуется образными словами *безмолвный, немой*:

«Я озираю сей *неба свод*, Великолепный и *безмолвный*» (Н. Языков 1826), «На недвижный и *безмолвный Неба* божьего *предел* Взор, уверенности полный, Как на родину смотрел» (Н. Некрасов 1839), «Забыл я порывы к *немым небесам*, К воздушным и светлым мечтам...» (А. Пальм 1847),

воздух – словом *молчанье*:

«В душном *воздуха молчанье*, Как предчувствие грозы, Жарче роз благоуханье, Резче голос стрекозы...» (Ф. Тютчев 1835).

Не часто сочетаются со словами ЛСГ «Отсутствие речи» (*молчаливый, безмолвный*) обозначения светил – *месяц, луна и звезда*:

«И *месяц молчаливый* Туманный свет лиет» (А. Пушкин 1814–1816), «Когда *безмолвная* наводит *Луна* свой робкий полусвет На лик уснувшая природы» (В. Жуковский 1819), «Что любовь теперь, к несчастью, Не зависит от погоды – Ни от бледного мерцанья *Звезд* небесных, *молчаливых* <...>» (М. Михайлов 1847), «Над вами *безмолвные звездные круги*, Под вами немые, глухие гроба» (Ф. Тютчев 1850).

В семантическом классе предметов сравнения, включающем созданные человеком предметы, в начале XIX века персонификаторами со значением «Отсутствие речи» характеризуются в основном строения и сооружения и их части, значительно преобладают обозначения *могила, гробница*:

«Почувствуйте в душе унылой, Как над *безмолвною могилой* Во мраке ночи воет ветер» (Г. Каменев 1803), «Чтоб там *безмолвная могила* Возвысилась надо мной И только б с ветром говорила Своей высокою травой» (Н. Гнедич 1806), «Ах, скоро трепетной девице Слезами мать возвестит, Что верный друг ее лежит В сырой земле, в *немой гробнице*» (Д. Веневитинов 1823–1824);

см. также *стены, замок, алтари*:

«Гремушку в руки – он блажен Один среди *безмолвных стен!*» (Н. Карамзин 1802), «В старину сей *замок* знатен был. Но теперь он, опустев, стоит И, разрушившись, *безмолвствует*» (В. Жуковский 1805–1810), «На гнев, на новые обиды! Сих стен, сих *алтарей безмолвных?*» (К. Батюшков 1813).

К этому классу примыкают тропы с предметами сравнения – обозначениями населенных пунктов и их частей: *город* (и названия городов), *столица, село, улица, стогны, площадь*:

«Се в грады и *безмолвны села* Их власть небесна пролетела!» (Е. Костров 1780), «В прозрачной мгле *безмолвствует столица*» (Н. Языков 1831), «Умолк на Бельте рев и онемели *стогны*» (Д. Хвостов 1824–1825), «Когда *безмолвная Варшава* поднялась, И бунтом опьянела <...>» (А. Пушкин 1831–1834), «Пустые *улицы безмолвны* были» (Н. Огарев 1842).

Отдельную группу названий «молчащих» предметов в начале XIX века образуют номинации музыкальных инструментов, среди которых преобладает *лира*. Соответствующие тропы образуют метафоры «второго порядка», иносказательно характеризующие поэтическое творчество (*лира молчит* ‘поэт не пишет стихи’):

«Виси, *безмолвствуя*, доколе Мой искренний, любезный друг На Марсовом пребудет поле...» (И. Дмитриев 1791), «*Лира* поэта при корне Древа *безмолвна*» (А. Беницкий 1805), «Она живит мой глас и с *лиры молчаливой* Свежает тихо сладкий сон, – И звук в немых струнах, как ветерок игривый, Весны дыханьем пробужден!» (А. Крылов 1821), «Пока не требует поэта К священ-

ной жертве Аполлон, В заботах суетного света Он малодушно погружен; *Молчит* его святая *лира*» (А. Пушкин 1827).

Реже встречаются другие обозначения – *арфа, струны*:

«Но дарователь песнопений Меня давно не посещал; Бывалых нет в душе видений, И *голос арфы замолчал*» (В. Жуковский 1823), «И веки уж над ним толпою пролетели – Но *струны* Флакковы еще не онемели!» (В. Жуковский 1814).

В следующем широком семантическом классе предметов сравнения, «Время», родовое обозначение *время* в сочетании с рассматриваемыми персонификаторами в ранний период встречается редко, ср. «Юноша с свежей душой выступает на поприще жизни <...> Но, *безмолвные*, ждут *скука* и *время* его» (В. Кюхельбекер 1820); обозначения единиц измерения времени – *век, год, час* и т. д. – в подобных контекстах не зафиксированы, зато высокой частотой употребления характеризуются сочетания слов *безмолвный, молчаливый, немой* с отдельными обозначениями частей суток – *ночь, полночь*:

«Угрюмый страх наводит *Безмолвной ночи мрак*» (А. Беницкий 1805), «И в час *безмолвной ночи*, Когда ленивый мак Покроет томны очи» (А. Пушкин 1814–1815), «О, сладостна мечта, дщерь *ночи молчаливой*, Сойди ко мне с небес в туманных облаках» (К. Батюшков 1802–1803), «Над кушей рыбака, в час *полночи немой*, Раздастся ветров свист и вой» (К. Батюшков 1817), «Что значат длинные ряды Высоких камней и курганов, В часы *полночи немой* Стоящих мрачно предо мной В сырой обители туманов?» (А. Полежаев 1832).

Помимо сочетания *безмолвная ночь*, в этот период широко распространены сочетания *безмолвие ночей, безмолвие ночное*:

«Что может нас вовлечь приятней в восхищенье, Как сладких перемен природы ощущение, *Безмолвие ночей*, полудня тяжкий зной И премеяющийся погоды с тишиной!» (М. Муравьев 1779), «Медлительно в *безмолвии ночей* С холма на холм порхает стая вранов» (Н. Языков 1825), «Стада шумят, и соловей Уж пел в *безмолвии ночей*» (А. Пушкин 1827–1828), «В реке бежит гремучий вал; В горах *безмолвие ночное*» (А. Пушкин 1820–1821).

Несколько позже фиксируется контекст со словом *вечер*, в котором персонификатором рассматриваемого семантического класса служит наречие *молча*: «Прохладный *вечер молча* расточает Поэзию без звуков, без речей» (П. Вяземский 1865).

Предметы сравнения с абстрактным значением, обозначающие сущности внутреннего, духовного мира человека, социально-философского плана, науки и культуры, экзистенциальные категории, языковые явления, также в ранний

период развития русского поэтического языка определяются персонификаторами со значением «Отсутствие речи». Чаще всего этими образными обозначениями (*молчать, замолчать, молчание, безмолвствовать, безмолвный, немой, онеметь*) характеризуются *дух, душа и сердце*:

«В унынии любви несчастной, *Безмолвствуя*, мой ропщет *дух*» (В. Красовский 1804), «Навек той *сердце* охладело, Кем было все оживлено; *Мое* без смерти *онемело*, Но чувства мук не лишено» (И. Козлов 1828), «И много я видел прелестных цветов, Но *сердце* упорно *молчало*» (П. Ершов 1835), «И он прочел в *немой душе* твоей Всё тайное своим печальным взором» (А. Пушкин 1824),

чувства — *любовь, страсть, счастье, ненависть, тоска, скука, грусть, зависть*:

«*Любовь и счастье* в романах говорливы, Но в истине своей и в сердце *молчаливы*» (Н. Карамзин 1802), «Перед улыбкою небесной Земная *ненависть молчит*» (А. Пушкин 1824), «Тогда *молчит тоска* в моей груди» (И. Никитин 1850),

интеллект — *мысль, мечта, воображение*:

«Кто разбудил воспоминанье И замолчавшие *мечты*?» (В. Жуковский 1818), «Мое *молчит воображенье*» (К. Бахтурин 1835–1839), «И *мысль* моя насильственно *молчит* (Н. Щербина 1848), «Брожу задумчиво, и с сумраком полей Сольются сумерки *немой мечты* моей» (П. Вяземский 1848),

судьба и смерть:

«Вдали *безмолвная судьба*» (С. Бобров 1802–1803), «Беспечному предав его веселью, *Судьба молчит* над тихой колыбелью (В. Жуковский 1819), «Я видел *смерть*; она в *молчаньи* села У мирного порогу моего» (А. Пушкин 1816),

реже — разные другие отвлеченные понятия, в том числе *вечность, искусство, свобода, закон*:

«На лоне *вечности безмолвной*» (В. Жуковский 1806), «О грозная *вечность, Безмолвная вечность!*» (И. Никитин 1849–1853), «Завеса *вечности* немой Упала с шумом предо мной...» (А. Полежаев 1828), «И обессиленно *безмолвствует искусство* <...>» (В. Жуковский 1819), «*Закон безмолвствовал*, дух доблести упал» (И. Дмитриев 1818), «Новорожденная *свобода*, Вдруг *онемев*, лишилась сил» (А. Пушкин 1821).

Среди элементов семантического класса «Языковые явления» в начале XIX века сочетаются с номинациями со значением молчания слова *стих, рифма*, характеризующие поэтическое творчество:

«*Рифма*, звучная подруга Вдохновенного досуга, Вдохновенного труда, [Ты *умолкла, онемела*]; [Ах], ужель ты улетела, Изменила навсегда!» (А. Пушкин 1828), «Опять *молчит* печально *стих* ленивый! Поэта ль дар уже во мне исчез, Или любовь моя охолодела?» (Н. Огарев 1843),

а также обозначения других литературных произведений, устного народного творчества: *летописи, предание* и т. п.: «Пусть не было б Петру

ваяний, Пусть *летописи умолчат!*» (С. Бобров 1801), «*Предание смолчало*; Стрелец ли, Дева ли, иное ль было что?» (А. Бунина 1811).

Что касается набора персонификаторов со значением «Отсутствие речи», то, как показывает исследованный корпусный материал, кроме перечисленных выше достаточно частых в поэтических текстах начала XIX века элементов рассматриваемой ЛСГ, в этот период фиксируются и слова с меньшей частотой употребления — дериваты слова *молчать*: *замолчать, смолчать, умолчать, промолчать, приумолкнуть*, которые добавляют к образному смыслу молчания новые семантические компоненты. См., например:

«Кинжал не выдал, *ночь смолчала*, Где втайне гроб тройной зарыт» (Д. Ознобишин 1833), «Под сенью сосен заступ светится В руках монаха — *лунный луч* То серебрится вдоль по заступу, То, чуть блистая, *промолчит*» (А. Одоевский 1829–1830), «Замолчал *поток* сердитый» (М. Лермонтов 1839), «Рдяное солнце в облаке мрачном Скоро сокрылось от глаз; *Всё приумолкло*, всё приуныло, Дремлют леса» (Г. Каменев 1803).

В дальнейшем в истории русского поэтического языка расширяются, пополняясь новыми элементами, семантические классы как предметов сравнения, так и образов сравнения персонифицирующих тропов с рассматриваемой семантикой. Так, если говорить о предметах сравнения, то в классе «Растения» ряд обозначений их совокупностей (*лес, бор, роща, сад* — эти предметы сравнения проходят через весь исследуемый период, активно употребляясь в метафорах) пополняется словами *аллея, дебри*:

«*Аллеи* спят, *безмолвны* и темны...» (М. Лохвицкая 1890), «Как будто вглубь ведет / *безмолвная аллея*, / касаясь тишины / старинной и густой» (В. Казаков 1977–1978), «В *немых аллеях* только ветра всхлип» (С. Маковский 1905–1962), «Гулко в *дебрях молчаливых*, В бесконечных дебрях бора, Прозвучали вопли эти» (И. Бунин 1903).

Кроме того, образы конкретизируются, появляется множество видовых обозначений растений, особенно деревьев: *ель, кипарис, ольха, вяз, ива, береза, пальма*, см., например:

«Деревья весело шумели, Когда вернулась к ним весна; И только *ель* одна меж ними Была *безмолвна* и мрачна» (А. Плещеев 1871), «Стоит в лесу угрюмая, / *безмолвная ольха*» (Л. Семенов 1903), «Море дикое, играй! Лейся звонко, ключ нагорный! *Кипарис, безмолвствуй*, черный!» (В. Иванов 1916), «Печальны одичавшие оливы, А *пальмы*, как паломники, *безмолвны*» (С. Липкин 1968).

Появляются обозначения частей деревьев: *лист, ветка*: «Запахи, гудящие над головой Того, кто, только что пройдя, Поломал *безмолвную ветку*» (Г. Оболдуев 1930), названия других растений: *осока, трава, полынь, камыши, кактус*:

«*Камыши молчали*, Как *молчали* они вначале» (П. Васильев 1929–1932), «Подражая *осоке безмолвной* и горькой, мы правы – Кто нас может заметить На солнце всемирной души?» (Б. Поплавский 1931), «У нас – только *кактусы* Стоят, *безмолвны* и холодны» (Б. Слуцкий 1959–1961), «И танец колдовства, и ветра переплески рисует на лугах *безмолвная трава*» (И. Жданов 1978–1991).

В классе предметов сравнения «Атмосферные явления» появляется группа обозначений со значением «Снег, лед»: *снег, снега, снежинки, лед, глетчер*, с конца XIX века становящаяся в поэтических текстах самой частотной в тропах с образами сравнения ЛСГ «Отсутствие речи»:

«Мне мила красота, как мечта непорочно-бесстрастная, Этих чистых *снежинок немых*» (А. Федоров 1896), «Строго и *молча*, без слов, без угроз, Падают медленно *снег*» (В. Брюсов 1913), «И *безмолвны* горные снега» (И. Коневской 1897), «*Поля снеговые безмолвны*» (М. Лохвицкая 1896–1898), «И померк далекий *глетчер*, Вечно гордый и *безмолвный*» (В. Брюсов 1896), «Дай бог ускользнуть по *безмолвному льду*, / два слова связать и добавить одно / единственное, замерев на ходу, чтоб боль отпустила» (Б. Кенжеев 1980–1988),

появляются также слова *туча, туман, дождик*:

«Тогда страшит меня *молчанье* Свинцовых *туч*, и ветра вой» (И. Суриков 1875), «На небе скучилась *грозда черных туч*. *Молчит* и копится их сила грозовая» (А. Кондратьев 1911–1920), «К *немолствующему туману* Вотще я слухом стану лнуть» (Б. Лившиц 1919), «*Дождик замолчал*, и капельки высохли» (В. Державин 1932).

Элементы класса «Светила» *месяц, луна* и *звезда*, входившие в тропы в ранний период, активно употребляются и в следующие периоды:

«Но *месяц* печальный *безмолвно* поник. Не знает. Склоняет все ниже свой лик» (К. Бальмонт 1895), «У моря, у тихого моря Одни мы бродили с тобой, Любуясь счастливою ночью, Любуясь *безмолвной луной*» (Д. Шестаков 1895), «Пустынная в *безмолвии луны*... В голубоватом трепете аллея...» (Б. Божнев 1939), «Над Лондоном – восточная *луна*. Раскосая, *немая* и глухая» (В. Лебедев 1926–1928), «И, как сиделка у кровати, / от недосыпа чуть бледна, / в своем синеющем халате / *молчала* зябкая *луна*» (Г. Семенов 1937–1941), «*Звезды немые* далеки, Ночь завернулась в туман» (В. Брюсов 1893), «И будто от ключа забвенья пили *Немые звезды* в вышине» (Г. Адамович 1922), «Вечерняя *Звезда, безмолвствуя*, ждала» (А. Блок 1901), «Но вспомни: струны пели, Роняли небеса *безмолвную звезду*...» (В. Набоков 1916), «Льетса, льется *безмолвных звезд* молодое млеко» (Б. Кенжеев 1990–2000).

Кроме этих обозначений, в XX веке в классе «Светила» появляется *солнце*:

«Веласкес, Веласкес, единственный гений, Сумевший таинственным сделать простое, Как властно над сонмом твоих сновидений *Безмолвствует Солнце*, всегда молодое!» (К. Бальмонт 1901), «Прежде за снежной пургой, Там, где красное *солнце молчит* Мне казалось, что жизнью другою Я смогу незаметно прожить» (Б. Поплавский 1932).

Значительно расширяется класс созданных человеком предметов. Сохраняя в сочетаниях с элементами ЛСГ «Отсутствие речи» обозначения, ассоциирующиеся со смертью (например, «*Молчат гробницы, мумии и кости*, – Лишь слову жизнь дана» (И. Бунин 1915), «*Молчат могилы, саркофаги, склепы*» (А. Межиров 1983)), как и обозначения различных строений и их частей:

«Железные затворы Молчат, *безмолвен храм*, ответа не дает...» (С. Фруг 1885), «*Безмолвна* родная *избушка*, Шумит непогода вокруг» (Н. Зарудин 1924), «Помню шкаф в кабинете, пожелтевшего Данте, *Молчаливые стены*, обитые кожей...» (М. Вега 1930), «*Молчат дома*, как терема. Вчера приехала зима» (С. Петров 1955),

он пополняется, в частности, названиями различных механизмов, аппаратов и машин:

«Стоят, *безмолвствуя*, старинные *часы*...» (К. Фофанов 1888), «И беспокойный *телефон* *Безмолвствует* в ночи» (Д. Кедрин 1928), «И кричит душа моя от боли, И *молчит* мой черный *телефон*» (Н. Заболоцкий 1957), «*Безмолвные* стояли *паровозы* И, темный пыл в себе тая, Застывшим ужасом железным В пустые палилисы поля» (Г. Санников 1922), «*Замолчала* робкая *машина*. Тракториста с головы до ног Кто-то облил теплым керосином...» (И. Молчанов 1929), «И на *приумолкшие станки*, / не забытые за дни разлуки, / тихо положили старики / мудрые и любящие руки» (О. Берггольц 1941),

оружия: «Что ж *молчали* зеландские *пушки*?» (О. Мандельштам 1921–1929).

Метафорами *молчать, безмолвствовать* и т. п. характеризуются *книги, газеты*:

«*Молчите*, проклятые *книги*! Я вас не писал никогда!» (А. Блок 1908), «Сжимает сонная рука *Молчащую* святую *книгу*» (А. Герцык 1921), «*Безмолвствует* черный *обхват переплета*, Страницы тесней обнялись в корешке, И книга недвижна. Но книге охота Прильнуть к человеческой теплой руке» (М. Светлов 1925), «*Молчите*, проклятые *газеты*!» (И. Юрков 1927).

Если в XIX веке с поэтическим творчеством связаны обозначения музыкальных инструментов (*лира, арфа*), то в XX веке – это орудия письма и бумага: *перо, карандаш, бумага, страницы*:

«*Безмолвие страницы* разграфленной Как бы неволит что-то написать, Но от моей ли немоты бессонной Ты слова ждешь, раскрытая тетрадь!» (М. Петровых 1956), «Но все-таки, какое это благо – Когда последний сломан карандаш, Когда *молчит перо, безмолвствует бумага*, И только слышен вещий шепот ваш» (Д. Самойлов 1963), «Не то чтобы мой *карандаш* онемел, Но он не затем заточился, – Я писем писать никогда не умел, А нынче совсем разучился» (Л. Мартынов 1968).

Молчание здесь носит метатекстовый характер и связано через орудия письма с возможностью / невозможностью творить.

В семантическом классе «Время» родовое слово становится более употребительным, сочетает-

ся с более широким кругом персонификаторов, в том числе *молчать*:

«Молчало *время*. Ночь не проходила» (К. Бальмонт 1903), «Пусть *время* обо мне *молчит*» (И. Бродский 1961), *немой*: «Несем для вас мы верные Скрижали вдохновенные – Хранить вас в многотрудные *Немые времена*» (К. Фофанов 1911), «Я, окруженный / на острове звуков / морем *немых времен*, / слушаю говор выросших внуков, / лепет их юных жен» (Н. Асеев 1941–1946), *онеметь*: «*Онемело время*... В мире вновь легла Поздняя ночная тишь и полумгла...» (Ю. Балтрушайтис 1911), «Здесь думы о бывалом И *время онемело*» (В. Хлебников 1920–1921), *безмолвствовать*: «О *время, время*, поверни порядок, / связующее раздели звено, / о *время!*.. Но *безмолвствует* оно, / в убежище колдунчиков и прятков / нам никому вернуться не дано» (Н. Горбаневская 1974).

Появляются предметы сравнения – обозначения единиц измерения времени: *век, час, год*:

«Когда и как и кто расскажет, О чем *безмолвствуют века?*» (С. Городецкий 1912), «Нам созвездья сияют светила и луны... Каждый *час* упоеньем своим *молчалив*» (Д. Бурлюк 1916), «Над *немой* Запеленных *лет* Заговорив Сожженными глазами <...>» (А. Белый 1931).

В группе обозначений частей суток увеличивается частота употребления слова *вечер*, расширяется диапазон характеризующих его персонификаторов:

«В этот *вечер*, горячий, *немой* и томительный, Не кричит коростель на туманных полях» (Д. Мережковский 1887), «Показалось, будто в рощице *Вечер* синий *приути*» (А. Макаров 1921).

Эта группа пополняется обозначениями других частей суток – *утро, день*:

«*Осенний день* хранил печальное *молчанье*» (Ф. Сокологуб 1895), «Но всходит *день*, равнодушный, *немой* и безликий, Ползет отвратительный, скарденный будень, Все тот же, тот...» (А. Лозина-Лозинский 1912), «*Утро молчит* и дождь не дожждется» (Г. Гор 1942).

Среди обозначений экзистенциальных категорий, включавших в начале XIX века слова *судьба* и *смерть*, в конце XIX – начале XX века в сочетании с персонификаторами со значением молчания начинает употребляться *жизнь*:

«Я жажду подвигов и дела, – А *жизнь* – их *жизнь* – вокруг меня И замерла и *онемела*» (С. Надсон 1883), «О, следуй же за мной в полночные мгновенья Туда, где *жизнь молчит*, где сказка наяву» (Т. Щепкина-Куперник 1913).

Эта тенденция проходит через весь XX век – ср. «Так *жизнь* свое *отговорила* И *замолчала* на века» (С. Гандлевский 1977).

Расширяется ряд обозначений отвлеченных понятий, в тропах начинают употребляться слова *наука, культура, истина, красота, слава* и др.:

«Вера спит. *Молчит наука*. И царит над нами скука, Мать порока и греха» (М. Лохвицкая 1896–1898), «Почему же *молчит культура*, И ваши университеты, И храмы

ваши, – Когда нас расстреливают?» (П. Орешин 1916), «К вечности, / к *немолвствующей истине* / Близкий нам / Сорок Четвертый Год» (А. Несмелов 1945), «Над нами время промолчит, / пройдет не говоря, / и чья-то *слава* закричит / *немая*, не моя» (И. Бродский 1961), «*Безмолвствует* такая *красота*, Она не для обычного сознания» (Ю. Кузнецов 1991).

Элементы семантического класса предметов сравнения «Языковые явления», употреблявшиеся в тропах с начала XIX века – *стих, рифма*, продолжают встречаться в текстах и в более поздних контекстах: «Уж испуганный *стих* не *молчит* в забыты, И слезами растаяла льдина» (М. Цветаева 1906–1912). Этот класс пополняется в XX века элементами *слово, строка, строфа, буква, словарь*:

«*Слова*, что *молчаливее молчания*» (Д. Кнут 1938), «Я бы забыл *немоту* На бумаге написанных *слов*» (А. Тарковский 1945), «Неужто / *слова* о том, что знающий, *умолчат?*» (Б. Ахмадулина 1999), «У меня есть враги – / это серые / *молчаливые строки* и *строфы*, / это слов трафаретные серии, / пира выдумок / жалкие крохи» (С. Кирсанов 1950–1959), «Без союзов *словарь онемет*, И я знаю: сойдет с колеи» (С. Липкин 1967), «Ты знаешь, но *молчишь*, – заговори, *словарь*. / Я сам себе никто, а ты всему главарь» (Е. Рейн 1990).

В ходе эволюции поэтического языка расширяются не только группы предметов сравнения тропов рассматриваемого семантического класса, но и группы образов сравнения – слов со значением «Отсутствие речи». Появляются суффиксальные образования, мотивированные лексемой *молчать*. Некоторые из них распространяются на широкий круг предметов сравнения, например *молчальник, молчальница – долг*:

«Вот Слава шумная, вот *Долг* – *молчальник* строгий» (Н. Минский 1887–1895), *лес*: «*молчальник-лес* под лиственной схимой» (В. Иванов 1907), *вечер*: «Как *молчальник*, синий *вечер* бродит И все реже шум колес» (А. Лозина-Лозинский 1916), *душа*: «Ночь златокрылая! <...> Как бы взаимный лад и некий сговор женских *Молчальницы-души* с Молчальницей вселенской» (В. Иванов 1918–1920), *полюнь*: «*Полюнь, полюнь*... <...> Шуршание твое Прошепчет смутно нам, *Молчальница* просторов неизжитых» (Е. Забелин 1926), *ночь*: «О *Ночь-молчальница*, у нашего порога Святую тайну стереги!» (В. Иванов 1926), *тайга*: «*Тайга молчальница* от века И рада быть глухонемой» (В. Шаламов 1937–1956), *море*: «Я море прошу, но *море* – *молчальник*» (Г. Гор 1942), *карпы*: «Голуби скоро начнут, как вороны, каркать, Будут кусаться и выть *молчальники карпы*» (И. Эренбург 1957), *сосны, елки*: «А после подслушать у леса, У *сосен, молчальниц* на вид, Пока дымовая завеса Тумана повсюду стоит» (А. Ахматова 1959), «И *елки*, неподвижны и суровы, Роняя низко рукава ветвей, Ждут, пригорюнясь, – матери и вдовы, *Молчальницы* в платочках до бровей» (В. Рождественский 1960), *стихи*: «*Стихи* мои, птенцы, наследники, Душеприказчики, истцы, *Молчальники* и собеседники, Смиренники и гордецы!» (А. Тарковский 1960)

(во многих контекстах реализуется религиозное значение этих лексем).

Другие дериваты характеризуют ограниченный круг предметов сравнения, некоторые из них стилистически отмечены, например слово *молчанка*, которое реализует как фразеологически связанное значение (*играть в молчанку*):

«Позабыли Татарск и Ачинск, Городишки одной межи, Как от взятия и до сдачи Проползала сквозь сутки жизнь. Их *домишкам* – *играть в молчанку*. Не расскажут уже они, Как скакал генерала Молчанова Мимо них адъютант Леонид» (А. Несмелов 1931), «Да и *время* *играет в молчанку* Или шепчет: “Отстань!”» (П. Антокольский 1970),

так и свободное значение (в словаре с пометой «Прост.»⁴):

«Уложено прошлое в пять осторожных мазков – / наскучила нам некрещеного *неба молчанка*...» (С. Кекова 1983),

молчок (с пометой «Обл.»):

«и ветра свист, и *скал молчки*» (С. Петров 1935–1942), «Прочла свой черновик и ужаснулась. Болтлив и вял нестройных *букв молчок*» (Б. Ахмадулина 2000) и др.

В текстах конца XX века появляются ранее не отмеченные префиксальные дериваты глагола *молчать*: *помалкивать*, *отмолчаться*:

«Вторая же [ворона] – взвилась под небеса / и каркнула во все воронье горло, / приказывая издали и впредь / *фарфоровому шару* (над нами) / *помалкивать* и взапуски белеть / с забредшими в болото валунами» (И. Бродский 1964), «*Помалкивала сталь* [трамвайные рельсы], и надо было ждать На утреннем кольце» (Е. Рейн 1990), «И спросил я у кукушки, Сколько лет мне жить осталось. И сначала показалось, Что *кукушка отмолчалась*. Но потом закуковала В утешенье простаку Добродушная кукушка Бесконечное ку-ку» (Л. Мартынов 1969).

В XX веке в тропах используются и стилистически отмеченные синонимы глагола *замолчать* – *заткнуться* (Груб. прост.) и *нишкнуть* (Обл.):

«*Заткнитесь*, болтливые *пушки*! / Баста!» (В. Маяковский 1919–1920), «*Заткнулись звонки*, улеглись разговоры» (Е. Рейн 1955–1982), «*Заткнись, цензура*! Не касайся сути!» (Д. Самойлов 1986), «*Телефон, нишкни, замолкни*! Говорить – охоты нет» (А. Галич 1972).

Кроме того, в тропах появляются фразеологически связанные сочетания *набрать в рот воды*, *проглотить язык*:

«Тиха, / что воды набрала в рот, / *часовня* святого Пантелеймона» (В. Маяковский 1921), «Толпится небо за стогами, / и, словно младшая сестра, / плутает *речка* меж лугами, / и быстроводна и шустра. / Плутует слева, дразнит справа, / шныряет, в рот воды набрав, / и в сомлевающие травы / ныряет, в прятки заиграв» (С. Петров 1959), «Но *моря* молчат, / *набравши в рот воды*» (В. Соснора 1960–1962), «Нет не *строка*, не умершее *слово* / язык проглотят» (А. Хвостенко 1965–1975), «Море – свалка всех словарей, только *твердь язык проглотила*» (А. Парщиков 1984).

Обращают на себя внимание и нестандартные конструкции с оксюморонной семантикой, в ко-

торых сочетаются взаимоисключающие смыслы ‘речь’ и ‘отсутствие речи’:

«А сердцем – *сердце* лишь молчит, Его молчанье яснее *говорит*» (В. Жуковский 1800–1805), «Там светлый дом! на мраморных столбах Поставлен свод; чертог горит в лучах; И *ликов ряд* недвижимых стоит; И, мнится, *их молчанье говорит*...» (В. Жуковский 1817), «Впиваю это бледное сиянье, Как эльф, качаюсь в сетке из лучей, Я слушаю, как *говорит молчанье*» (К. Бальмонт 1894), «Ты, разгадавшая немой язык *очей* Досель таившегося друга!» (С. Нечаев 1824), «Как много звезд – в их полутьме Безумных проблесков – в уме, Как родствен с этой полутьмой Язык *любви*, язык немой!» (К. Льдов 1902), «Чтобы некогда нашим потомкам рассказали *немым языком* Мусор вечности, камни живые, об отхлынувшем вале морском» (Амари 1920), «Проникни силою своей В язык безмолвия *ночного*!» (К. Бальмонт 1899), «*Безмолвные речи ручья*» (Г. Оболдуев 1930), «Навстречу первых звезд печально замигали Чуть видные огни далекого села. И мнится, те *огни со звездами ночными* Задумчиво ведут *безмолвный разговор*» (К. Фофанов 1888), «“Есть божий суд...” – безмолвствуя, кричали / *глаза* скидавших шапки крепостных» (Е. Евтушенко 1964).

Еще одно проявление отношения речи и молчания – это контексты, в которых выражен смысл «молчание – предвестник слова»:

«Тогда Из глубины молчания родится / *Слово*, В себе несущее Всю полноту сознания, воли, чувства, Все трепеты и все сиянья жизни» (М. Волошин 1917), «*Молчанье* – это будущее *слов*, / уже пожравших гласными всю вечность, страшашуюся собственных углов» (И. Бродский 1969).

Еще одна особенность поэтического языка, кроме конструкций, сочетающих взаимоисключающие смыслы ‘речь’ и ‘отсутствие речи’, – это наличие нестандартных синтаксических конструкций, в которых наблюдаются валентности, отсутствующие в общеязыковом употреблении. Это такие конструкции, как *молчать (безмолвствовать) о чем*:

«Когда и как и кто расскажет, *О чем безмолвствуют века?*» (С. Городецкий 1912), «Пусть время *обо мне молчит*» (И. Бродский 1961), *молчать кому что*: «Береза что ему сказала Своею чистою корой, И пропасть что *ему молчала* Пред очарованной горой?» (В. Хлебников 1920–1921), *молчать кому куда*: «И вот я в дверь стучу кулак: / Открой меня туды! / А дверь дубовая *молчит* / *хозяину в живот*» (Д. Хармс 1927), *молчать чем*: «*молчит* физическое небо / всей миллиардной *массой звезд*» (Н. Байтов 2000), *молчать на каком языке*: «*По-русски* старый парк *молчит*» (С. Черный 1924).

Что касается синтаксических особенностей персонифицирующих метафор со значением «отсутствие речи», то обращают на себя внимание конструкции, в которых сочетаются два или несколько предметов сравнения, например:

«Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит На *хляби* и *брега безмолвны*» (К. Батюшков 1814), «И вопросительно, и кротко – *Молчанье неба и земли*» (Д. Мережков-

ский 1890), «И призрачны, безмолвствуя вдали, *Дневная явь* и *пестрый круг земли...*» (Ю. Балтрушайтис 1912).

Подобные конструкции расширяют сферу «онтологического» молчания.

Расширение сферы молчания усиливается в конструкциях с повторами:

«Молчат спокойные *могилы*, Молчат заснувшие *кусты*» (А. Разоренов 1889), «Молчат *бульвары* и *сады*, Молчат унылые *дрозды*, Молчит *Марго*, бела, как мел, Молчит *Гюго*, он онемел» (И. Эренбург 1942).

В поэзии XX века повторы могут пронизывать весь текст стихотворения, организуя его как целое:

Молчит Творец. Молчит небесный хор.
Молчит судьба. Молчит земной простор.
Молчит береза под моим окном.
Молчит мой дом, объятый зимним сном.
Молчит моя огромная страна.
Молчит над ней бездомная луна,
А за луной, суровая, как смерть,
Всегда молчит насупленная твердь.
И ты, и ты, о, грусть моя, и ты,
Молчишь и ты во власти немоты,
И ты молчишь в покинутом, ночном
Пустынном сердце скованном моем!..

(Н. Белоцветов 1937–1950),

Душа моя безмолвствует внутри,
безмолвствует смятение в умах,
душа моя безмолвствует впотьмах,
безмолвствует за окнами январь,
безмолвствует на стенке календарь,
безмолвствует во мраке снегопад,
неслышанно безмолвствует распад,
в затылке нарастает перезвон,
безмолвствует окно и телефон,
безмолвствует душа моя, и рот
немотствует, безмолвствует народ,
неслышанно безмолвствует зима,
от жизни и от смерти без ума

(И. Бродский 1962).

Усилению смысла олицетворения способствуют сочетания рассматриваемых образных обозначений с другими персонификаторами, например:

«*Ночь* темна, молчит, смотрит букою?!» (К. Случевский 1874), «Так вечно плачущее *море* В безмолвный *берег* влюблено» (Н. Минский 1883–1887), «*Ночь*, пьяна и молчалива, Постучалась под окном» (Б. Корнилов 1927).

Среди сочетаний персонификаторов особо отметим конструкции, в которые входят обо-

значения лиц. Такие конструкции фиксируются в поэтическом языке с самого раннего периода. В первой половине XIX века в них входят такие обозначения лиц, как *друг*, *свидетель*, например:

«Стены ж опять, стены со мною, О *роща*, мой безмолвный *друг*!» (П. Шаликов 1797), «И *месяц* огненный, безмолвный ночи *друг*, Встает над ближнею горою» (И. Никитин 1855), «И *месяц* был один *свидетель* молчаливый Последних и невинных радостей моих!..» (М. Лермонтов 1829).

В более поздние периоды обозначения лиц в таких конструкциях становятся все более разнообразными, например:

«Вышел *месяц* – немой *паладин* На раздолья надземных пустынь» (А. Тиняков 1907), «И как над горящей Францией / глухое лицо Марата, – / среди лихорадящих в трансе / *луна* – онемевший *оратор*» (Н. Асеев 1917), «А *вечер* – немой *золотарь* – Вонзает рубиновые стрелы В звенящую черную гарь...» (Я. Бердников 1921), «*Душа* живет безмолвствующей *жрицей*, Надгробный звон растет, звучит *crescendo*» (Г. Голохвастов 1958).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели множество персонифицирующих тропов с образами сравнения ЛСГ «Отсутствие речи». Был определен состав этой группы, проведено корпусное исследование ее элементов. Выделены семантические классы предметов сравнения, характеризующих рассматриваемыми персонификаторами – «Окружающий мир» («Природа» и «Предметы, созданные человеком»), «Время» и «Внутренний мир человека; социально-философский план; жизнь, смерть, судьба человека; языковые явления». Прослежена эволюция классов предметов сравнения на протяжении более двух веков развития русского поэтического языка – показано пополнение этих классов новыми элементами. Проанализирована и эволюция образов сравнения ЛСГ «Отсутствие речи» – выявлено ее расширение за счет отношений словообразовательной деривации, синонимии. Показана роль стилистически отмеченных слов и фразеологически связанных сочетаний в обновлении традиционного семантического инварианта рассматриваемого класса компаративных тропов. Результаты нашего исследования представляют фрагмент метафорической системы русского поэтического языка XIX–XXI веков в ее развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При формировании состава указанной ЛСГ мы опирались на классификацию, приведенную в «Русском семантическом словаре» [13].

² НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 01.07.2022).

³ Ср. о связи тишины (молчания) и смерти [8: 80].

⁴ Пометы даются в соответствии с [МАС]: Словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амзаракова И. П. Молчание как семиотический знак в культуре и коммуникации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 23–27.
2. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 106–117.
3. Бабенко Н. Г. Семантический комплекс «молчание / немота / тишина» в языке русской поэзии второй половины XX века // Балтийский филологический курьер. 2003. Вып. 2. С. 69–89.
4. Иоанесян Е. Р. Семантика молчания и тишины // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2020. Т. 12, № 1. С. 164–186.
5. Ковшова М. Л. О культурных смыслах и семантике «слов молчания»: опыт исследования // Под знаком «мета»: Материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры» в Институте языкознания РАН 14–16 марта 2011 г. / Под ред. Ю. С. Степанова и др. М.; Калуга, 2011. С. 342–352.
6. Маслова В. А. Философия и поэтика молчания сквозь призму русской поэзии XX века // Культура народов Причерноморья. 2004. Т. 2, № 49. С. 130–133.
7. Мухаметов Д. Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 5 (3). С. 77–82.
8. Петрова З. Ю., Северская О. И. Говорящий мир в русской поэзии XVIII–XX вв. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 78–90.
9. Петрова З. Ю., Северская О. И. Говорящий мир человека в русской поэзии XVIII–XX вв. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 93–102.
10. Рыбальченко Т. Л. Семантика молчания в лирике И. Бродского // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 85–100.
11. Северская О. И. От молчания к шепоту и говорению: о поэтических *langue*, *langage* и *parole* // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 11–16.
12. Шабанова Я. В. Речевой акт «Молчание» в структуре вербальной и невербальной коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 7. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 183–192.
13. Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н. Ю. Шведовой. (Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова). Т. 4. М.: ИРЯ РАН, 2007. 952 с.
14. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. № 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/10/slovo-i-molchanie-v-russkoj-kulture.html> (дата обращения 01.07.2022).
15. Ephratt M. Verbal silence as figure: Its contribution to linguistic theory // *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*. 2016. Vol. 52 (1). P. 43–76.
16. Lo Yimon “A Tale of Silent Suffering”: Wordsworth’s poetics of silence and its function of reintegration // *Journal of the English Association*. 2020. Vol. 69, Issue 264. P. 25–41.
17. Semantics of silences in linguistics and literature (*Anglistische Forschungen* Bd. 244) / Ed. Gudrun Grabher, Ulrike Jessner. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1996. 370 p.
18. Shcherbak N. F., Potienko V. I. Linguistic and psycholinguistic aspects of silence: A structural model of communication // *DISCOURSE*. 2021. Vol. 7, No 3. P. 20–35.

Поступила в редакцию 06.08.2022; принята к публикации 05.09.2022

Original article

Zoya Yu. Petrova, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5390-8029; zoyap@mail.ru

Olga I. Severskaya, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6277-9756; oseverskaya@mail.ru

Natalia A. Fateeva, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0916-1161; nafata@rambler.ru

LEXICO-SEMANTIC GROUP “ABSENCE OF SPEECH” IN RUSSIAN POETRY:
CONSTRUCTIONS OF PERSONIFICATION

Abstract. The article addresses the issue of describing the system of metaphors and similes and its evolution in Russian literature, with particular focus on one of its constituent parts – a set of comparative tropes of the Russian poetic language of the XIX–XXI centuries, which contains the images of comparison from a lexico-semantic group with the meaning of negation of speaking, which, in turn, is included into the semantic field “Language, speech”. The relevance of the work is determined by the need for a detailed description of the system of metaphors and similes using

a large array of material in the language of fiction, taking into account corpus data. This study is aimed at giving a comprehensive and multifaceted description of the fragment of the system of metaphors and similes of Russian literature, and studying its evolution over two and a half centuries. The research objectives were to describe a set of comparison images belonging to the lexico-semantic group “Absence of speech”, to identify the semantic classes of the comparison objects – those entities that are figuratively characterized by the words from the studied group, to describe the evolution of these classes and the evolution of the analyzed lexico-semantic group containing the comparison images in the Russian poetic language of the XIX–XXI centuries, to analyze the specific features of using the comparison images from the said lexico-semantic group in poetic texts. The set objectives meet the criteria of research novelty: it is the first-of-its-kind study that offers a systematic multifaceted description of metaphors and similes, whose comparison images belong to a certain lexico-semantic group, based on extensive corpus data, with the analysis of the evolution of the corresponding fragment of the system of comparative tropes. The corpus method, the semantic field method, and the structural functional method were used for the language material analysis. The authors identified the composition of the lexico-semantic group “Absence of speech” and conducted the corpus analysis of its elements serving as personifiers in poetic texts. The authors also singled out the following semantic classes of the comparison objects characterized by the studied personifiers: “The outside world” (“Nature” and “Man-made objects”), “Time” and “Man’s inner world; socio-philosophical dimension; life, death, fate; linguistic phenomena”. The early segment of the studied fragment of the metaphorical system was determined, which includes the traditional images and comparison objects for the corresponding comparative tropes. The conclusion was made about the evolution of this fragment over two and a half centuries of the Russian poetic language development, namely that the classification of the objects and images of comparison was eventually updated. Special attention was paid to the evolution of the comparison images from the lexico-semantic group “Absence of speech”: the authors concluded that it was expanded through derivation and synonymy, with the special role of stylistically marked words and phraseological combinations in updating traditional semantic invariant of the studied class of comparative tropes. The study results present a fragment of the metaphorical system of the Russian poetic language of the XIX–XXI centuries in its development.

Key words: personification, poetic language, metaphor, comparative trope, lexico-semantic group, silence

For citation: Petrova, Z. Yu., Severskaya, O. I., Fateeva, N. A. Lexico-semantic group “Absence of speech” in Russian poetry: constructions of personification. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.811

REFERENCES

1. Amzarakova, I. P. Silence as a semiotic sign in culture and communication. *Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University*. 2013;4:23–27. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. Silence: contexts of use. *Logical analysis of language: The language of speech actions*. Moscow, 1994. P. 106–117. (In Russ.)
3. Babenko, N. G. The semantic complex “silence / dumbness” in the language of Russian poetry of the second half of the XX century. *Baltic Philological Courier*. 2003;2:69–89. (In Russ.)
4. Ioanesyan, E. R. Semantics of silence. *Linguistics and Language Teaching*. 2020;12(1):164–186. (In Russ.)
5. Kovshova, M. L. Cultural meanings and semantics of “words of silence”: research experience. *Under the sign of “meta”: Proceedings of the conference “Languages and Metalanguages in the Space of Culture” at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, March 14–16, 2011*. (Yu. S. Stepanov et al., Eds.). Moscow; Kaluga, 2011. P. 342–352. (In Russ.)
6. Maslova, V. A. Philosophy and poetics of silence through the prism of Russian poetry of the XX century. *Culture of the Peoples of the Black Sea Region*. 2004;2(49):130–133. (In Russ.)
7. Mukhametov, D. B. Silence as a component of Russian culture. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;5(3):77–82. (In Russ.)
8. Petrova, Z. Yu., Severskaya, O. I. Speaking world in the Russian poetry of the 18–20th centuries. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2018;1:78–90. (In Russ.)
9. Petrova, Z. Yu., Severskaya, O. I. Speaking human world in the Russian poetry of the 18–20th centuries. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2018;2:93–102. (In Russ.)
10. Rybalchenko, T. L. The meaning of silence in the lyric poetry of I. Brodsky. *The Siberian Journal of Philology*. 2011;2:85–100. (In Russ.)
11. Severskaya, O. I. From silence to murmur and speaking: on poetic language, language and parole. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2015;1:11–16. (In Russ.)
12. Shabanova, Ya. V. Speech act “Silence” in the structure of verbal and non-verbal communication. *Language, communication and social environment*. Issue 7. Voronezh, 2007. P. 183–192. (In Russ.)
13. Shvedova, N. Yu. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Vol. 4. Moscow, 2007. 952 p. (In Russ.)
14. Epstein, M. Word and silence in Russian culture. *Zvezda*. 2005;10. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/10/slovo-i-molchanie-v-russkoj-kulture.html> (accessed 01.07.2022). (In Russ.)
15. Ephratt, M. Verbal silence as figure: Its contribution to linguistic theory. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*. 2016;52(1):43–76.
16. Lo Yimon “A Tale of Silent Suffering”: Wordsworth’s poetics of silence and its function of reintegration. *Journal of the English Association*. 2020;69(264):25–41.
17. Semantics of silences in linguistics and literature (Anglistische Forschungen Bd. 244). (G. Grabher, U. Jessner, Eds.). Heidelberg, 1996. 370 p.
18. Shcherbak, N. F., Potienko, V. I. Linguistic and psycholinguistic aspects of silence: A structural model of communication. *DISCOURSE*. 2021;7(3):20–35.

Received: 6 August, 2022; accepted: 5 September, 2022

МАЙЯ ВЛАДИМИРОВНА ПРОКОПОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования
Тюменский государственный университет (Тобольск, Российская Федерация)
maya-vladi@yandex.ru

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ЕРМАКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования
Тюменский государственный университет (Тобольск, Российская Федерация)
ermakova25@yandex.ru

ГИПЕРБОЛА И ЛИТОТА КАК СПОСОБ СМЫСЛОВОЙ МЕТАМОРФОЗЫ В СФЕРЕ ФРАЗООБРАЗОВАНИЯ

А н н о т а ц и я . Представлен анализ фразеологических единиц русского языка, построенных по модели, соотносительной с гиперболой и литотой. Цель исследования – рассмотреть тропы как способ фразообразования в современном русском языке, проанализировать смысловую метаморфозу в сфере гиперболизирующих единиц, описать семантические свойства антонимически связанных фразеологизмов. Отбор материала осуществлялся методом сплошной выборки из фразеологических словарей; произведенный языковой анализ позволяет утверждать, что корпус фразеологизмов, намеренно преувеличивающих или преуменьшающих действительность, достаточно обширен, весьма разнообразен и структурно, и семантически. Исследование столь ярких языковых и речевых единиц велось с использованием системно-структурного и сравнительно-сопоставительного методов, в отдельных случаях использовались методы и приемы лингвокультурологического анализа. Комплекс использованных методов и приемов позволил представить многосторонность и сложность изучаемого материала и сделать ряд выводов. Результаты исследования показывают, что компонентами фразеологизмов становятся лексемы – эквиваленты предельно большого или предельно малого предмета, действия, явления и т. п. Фразеологические единицы, образность которых основана на гиперболе и литоте, позволяют обозначить определенные ориентиры в мировидении носителей языка, стереотипы их мышления и восприятия: что именно они считают большим и малым, значительным и ничтожным. Использование гиперболизирующих единиц обусловлено коммуникативно-прагматическими задачами говорящего или пишущего: фразеологизмы, соотносительные по семантике с гиперболой или литотой, позволяют не только придать высказыванию особую эмоциональность, экспрессию, но и дать оценку.

К л ю ч е в ы е с л о в а : фразеологизм, фразообразование, гипербола, литота, смысловая метаморфоза, образность фразеологизма

Д л я ц и т и р о в а н и я : Проконова М. В., Ермакова Е. Н. Гипербола и литота как способ смысловой метаморфозы в сфере фразообразования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.812

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в основе фразеологизма как воспроизводимого устойчивого выражения, значение которого не выводится из значения составляющих его компонентов, лежит яркая образность. Именно благодаря образу, зримому, динамичному, «цепляющему» воображение, возникает эффект узнаваемости фразеологической единицы (ФЕ) в общем потоке речи. Благодаря образу фразеологизм выполняет присущие ему коммуника-

тивные и экспрессивные функции, с одной стороны, экономя речевые усилия при оформлении содержания высказывания, с другой стороны, делая высказывание более точным и выразительным. В. Н. Телия указывала, что «смысловая метаморфоза, сопровождающая формирование фразеологизма-идиомы, основывается на каком-либо из видов тропа»¹. Троп, в буквальном переводе с греческого – «оборот», традиционно понимается как слово или выражение, используемое

в переносном значении для создания или усиления выразительности речи. Как утверждает В. Н. Топоров,

«укорененность тропов в самой структуре языка и органическая предрасположенность языка к созданию тропов никогда не отвергались, но явно недооценивались. Корни “тропичности” следует искать в дуплановости самой структуры языка как знаковой системы и в асимметрии плана содержания и плана выражения»².

Из всех видов тропов, к которым обычно относят метафору, метонимию, синекдоху, сравнение, эпитет, гиперболу, литоту, оксюморон, перифразу и др., особой продуктивностью в плане создания фразеологических единиц отличаются сравнение (например, *красный как рак, белый как смерть, злой как собака, кататься как сыр в масле*) и метафора (например, *ФЕ пустить красного петуха, купаться в золоте, голова дырявая, мышинный жеребчик, моя хата с краю*). Безусловно, огромное количество фразеологизмов сформировано именно на основе метафоры и сравнения, однако нельзя не обратить внимания и на то, насколько разнообразные и яркие выражения возникают при использовании в качестве фразеобразовательных моделей таких тропов, как гипербола и литота.

При всей противоречивости подходов к определению этих изобразительно-выразительных средств языка суть гиперболы – в намеренном и очевидном для говорящего и воспринимающего искажении действительности – преувеличении изображаемого предмета, действия или явления, а суть литоты, напротив, в преуменьшении его величины или значения. По мнению Л. П. Крысина, «явление гиперболы... в высшей степени характерно для непринужденного неподготовленного устного общения» [9], говорящий при этом преследует цель актуализировать эмоциональность высказывания, «дополнить» высказывание оценочностью. И. С. Курахтанова гиперолой называет

«лингвостилистический прием намеренного, образного, нереального преувеличения большой (или преуменьшения малой) меры актуального для говорящего признака предмета, явления или действия, служащий одновременно как для интенсификации меры признака, так и для передачи индивидуального эмоционального и эстетического восприятия этого признака»³.

Но при этом, несмотря на «повышенную» экспрессию, гипербола «не предполагает введения слушателя в заблуждение»⁴.

Троп, прямо противоположный гиперболе, – литота. Литота выражает непомерное преуменьшение размера, силы, значения и т. д. какого-либо явления [14: 359]. По словам Л. П. Крысина,

явление литоты – частный случай гиперболы, «гипербола наоборот»: преуменьшение предмета – это не что иное, как преувеличенное представление малых размеров предмета (*мужичок с ноготок* и под.) [9].

Гиперболизирующие высказывания могут выражать преувеличение и усиление. При усилении говорящий лишь эмоционально оценивает обобщающий факт, а при преувеличении, гиперболе, он дает этому факту некоторую «количественную меру», либо сравнивает его с другим фактом – и тогда возникает образная характеристика первого, либо указывает явно преувеличенные, неправдоподобные размеры предмета, выходящие за рамки реальности действия, и т. п. Ср.: *Такой ветер был, просто ужас!* – эмоциональное усиление. *Такой ветер был, просто с ног валил!* – гипербола (на самом деле, в буквальном смысле, – не валил) [9]. Определить, преувеличение это или усиление, возможно только в контексте. Границу между этими явлениями зачастую провести нелегко, однако, если говорящий для гиперболизации использует фразеологизм, это в подавляющем большинстве случаев преувеличение.

В отечественной литературе описываются разные языковые средства гиперболизации и преуменьшения: лексические [3], [4], [6], [7], [18], морфологические [1], [6], [8], [15], синтаксические [10], [15], [18], с помощью сравнительного оборота [11], [12]. В зарубежной лингвистике также рассматриваются вопросы гиперболизации [19], [20] и др. Ученые отмечают, что наиболее яркими и эмоциональными средствами выражения гиперболизации являются фразеологические единицы [3], [4], [5], [7], [9], [12], [13], [14], [16]. И все же до сих пор роль этих тропов в сфере фразеобразования не получила достаточного всестороннего освещения. Хотя заметим, что в тех работах, в которых в той или иной степени освещаются отдельные аспекты фразеобразовательного потенциала гиперболы и литоты, указывается на повышенную эмоциональность, экспрессивность высказываний, выраженных фразеологизмами. Ученые отмечают, что следствием использования фразеологизмов, построенных на гиперболе и литоте, является не только преувеличительный или преуменьшительный смысл всего высказывания, но придание говорящим оценочности сообщаемым фактам. Как утверждает Л. П. Крысин, гипербола имеет место только в высказывании, которое должно быть соотносено с ситуацией, так как само по себе высказывание может вполне соответствовать реальному положению вещей.

В качестве подтверждения автор приводит пример: *Хлеба в доме – ни крошки*: 1) реальное положение вещей; 2) описание ситуации буквально (при этом говорящий хочет создать у слушающего представление об абсолютном, полном его отсутствии (хотя, может быть, какие-то черствые куски и корки хлеба в доме все-таки есть)) [9].

Фразеологические единицы, образность которых основана на гиперболе или литоте, интересны для изучения не только в плане их структуры и семантики, они позволяют обозначить определенные ориентиры в мировидении носителей языка, стереотипы их мышления и восприятия: что именно они считают большим и малым, значительным и ничтожным.

ГИПЕРБОЛА КАК СПОСОБ ФРАЗЕОБРАЗОВАНИЯ

Фразеологизмы с подобной образной основой выступают эквивалентами свободных сочетаний слов, включающих наречия меры и степени *очень, весьма, слишком* и прочих синонимичных им: *очень большой, очень быстрый, очень сильный, очень маленький, очень медленный* и т. д. Исходя из этого можно представить классификацию фразеологических единиц, основанных на гиперболе или литоте, по значению. Среди фразеологизмов, образованных по модели, соотносительной с гиперболой, можно выделить следующие группы по значению:

- очень много: *море слез, ума палата, гора мышц, семи пядей во лбу, море разливанное, несть числа, говорить (о чем-то) десять / сто / тысячу раз, наговорить семь верст до небес, с три короба, денег куры не клюют, тьма тьмущая, как сельдей в бочке, пруд пруди*;
- очень большой (широкий, высокий, длинный, объемный): *глазом / оком не окинуть, гора горой, огурец с гору, пир горой, пир на весь мир, верста коломенская, кося сажень в плечах, бездонная бочка, каланча пожарная*;
- очень быстро: *в мгновение ока, семимильными шагами, с одного маху, одним махом, одним дыханием*;
- очень далеко: *за семь верст киселя хлебать, за морем, за семью морями, за тридевять земель*;
- быть очень знающим, проницательным: *видеть на три аршина в землю, видеть насквозь*;
- очень старый: *сто / двести лет в обед*;
- очень долго находиться вместе: *пуд соли съесть*;
- предельность, большая степень воздействия: *до костей, до мозга костей, пробирать до костей, до самых печенок, до самых потрохов*;
- дойти, совершая какое-либо действие, до крайности, до предела: *выплакать все глаза, помереть со смеху, лопнуть от смеха / злости / обжорства, до седьмого пота, до последнего*

издыхания, до последней капли крови, до потери сознания, до потери пульса, до посинения, до последней копейки;

- сделать очень трудное дело: *выпить море, горы свернуть* [2], [17].

Структура фразеологических единиц, внутренняя форма которых сложилась под влиянием гиперболы, многопланова, однако можно обозначить и определенные закономерности. Так, актуальными при фразеобразовании на основании гиперболы выступают лексемы, означающие масштабные природные объекты: *гора* и *море*. Физическая характеристика горы – ее высота. В мифопоэтической картине мира гора выстраивает вертикаль мироздания, это способ проникнуть в высшие сферы бытия, символ возвеличивания человека, повышения его статуса. Семантический потенциал образа горы во фразеологизмах существенно отличается от названного: коннотация фразеологических единиц *гора горой, гора мышц* скорее негативна, так как большой физический размер, физическая высота здесь не предполагают высоты в духовном плане, что не может быть одобрено народным мнением; *пир горой* – более нейтральная в этом смысле единица, однако и пир, как праздное времяпрепровождение, также не всегда оценивается позитивно; поэтому только фразеологизм *горы свернуть (своротить)* со значением ‘преодолевать трудности, справиться с задачей, несмотря ни на что’ наделяется качеством безусловной положительной оценки.

Образ моря задействован при создании фразеологизмов-гипербол, в которых обыгрывается идея необъятности, большого объема: *море слез, море разливанное, выпить море*. В народно-поэтическом восприятии самая большая мера объема – это именно море (ср. эпитеты: *море широкое, море бескрайнее*). Кроме того, море – природная стихия, неподконтрольная человеку, поэтому в значении всех гипербол с привлечением этого образа, наряду с семой ‘очень много’, присутствует сема неуправляемости, трудности, невозможности справиться с ситуацией: *со дна моря достать (с морского дна достать)* – ‘раздобыть, разыскать где бы то ни было’, *выпить море* – ‘сделать невозможное’.

Капля в море – ‘ничтожное количество, пустяк по сравнению с чем-либо’, *за морем* – ‘очень далеко, в чужих странах’, *море по колено* – ‘все нипочем, ничего не страшно’, *ждать у моря погоды* – ‘на что-л. рассчитывать, надеяться’.

Сема предельности, пороговости, крайней степени состояния появляется во фразеологизмах, имеющих в компонентном составе предлог

до со значением указания на пространственный, временной или логический предел какой-либо деятельности или действия какого-либо явления: *до последнего издыхания, до посинения, до последней копейки, до потери сознания, до потери пульса*. В большинстве случаев гипербола возникает за счет того, что таким пределом становится предел самой жизни человека, то есть самый крайний, самый окончательный рубеж, за которым уже ничего не последует. Стоит отметить и использование в составе фразеологизма бывшей лексемы *последний*, которая часто становится компонентом подобных конструкций: *до последнего издыхания, до последней капли крови, до последней копейки*. Эта же сема (предельности, предела жизни) наблюдается и во фразеологизмах-гиперболах, построенных по другой модели: *помереть со смеху, лопнуть от злости*. При этом фразеологическое значение выражения, конечно, не предназначено непременно для характеристики столь радикальных ситуаций: бежать *до последнего издыхания, кричать до посинения, работать до потери пульса* означает совершение действия не до смерти, а лишь до истощения всех физических сил и возможностей человека.

По аналогичной модели (с семой, выражающей предельность) построены фразеологизмы гиперболического характера с компонентами-соматизмами: *до мозга костей, пробирать до костей, до самых печенок, до самых потрохов, висеть на одном волоске*. Кости, костный мозг, печень, потроха – это то, что сокрыто в теле человека, находится внутри, должно быть максимально защищено от внешней среды. В этом случае компонент-соматизм подчеркивает степень воздействия какого-либо внешнего фактора (природного, социального явления) на человека, преувеличивает вовлеченность человека в какую-либо ситуацию.

Обращает на себя внимание также значительное количество фразеологизмов-гипербол, построенных с использованием метрических единиц (*пядь, аршин, сажень, верста*) и компонентов-числительных (*один, три, семь, десять, сто, двести*): *с одного маху, одним махом, одним дыханием, косая сажень в плечах, видеть на три аршина в землю, семи пядей во лбу, верста коломенская, за семь верст киселя хлебать, до седьмого пота, наговорить семь верст до небес, говорить (о чем-то) десять / сто / тысячу раз, сто / двести лет в обед*. Малые числа «один», «три», «семь» задействованы при создании гиперболы, вероятно, благодаря своей традиционной для народной культуры сакральности; числительные «десять», «сто», «двести» гиперболизируют

изображаемую ситуацию за счет своего внушительного числового значения. Выбор числительного варьируется в зависимости от объекта преувеличения: например, числительное «один» используется в основном при оценке скорости (согласно формулам физики, чем меньше время, затраченное на преодоление расстояния, тем выше скорость), «семь» – при оценке расстояния, так как в традиции русской фразеологии именно это число указывает на большую степень качества или признака, в конкретном случае – пространственной протяженности (*семь пядей, семь верст*).

Для использования гиперболизации необходимы определенные условия: во-первых, намерение говорящего / пишущего убедить собеседника / читателя в чем-либо, побудить к действию, заверить в чем-либо и т. д.; во-вторых, дать оценку предмету, действию, явлению. По мнению Л. П. Крысина, использование гиперболизации обусловлено психологическими причинами: во многих случаях говорящий представляет ситуацию в максимальной степени при необходимости подчеркнуть какие-либо свойства (собственные или свойства других людей: *Я в этом ни аза не смыслю*); желание высказать скептическое отношение к кому-л., чему-л.: *нос не дорос*; при желании создать у окружающих преувеличенное представление о собственных слабостях или, напротив, достоинствах: *лопну от злости*. Речевые акты (клятва, обещание, осуждение, угроза, просьба, заверение и др.) направлены на то, чтобы слушающий поверил заверениям или обещаниям и чтобы у него при этом не осталось и тени сомнения в их искренности: *до смерти не забуду, чтоб мне провалиться на этом месте! я миглом сбегая, в лепешку расшибусь, а достану* и т. п. [9]. В этом случае основной задачей ФЕ, передающих крайнюю степень интенсификации сопоставляемых признаков, следует считать не достижение номинативной функции, а эмоциональное воздействие на слушателя / читателя.

Итак, гиперболическая интенсификация меры признака описываемого предмета, явления, действия или состояния лежит в основе образности ФЕ, построенных на гиперболе, способствует появлению семы интенсивности в их семантике, следовательно, проявляется как смысловая метаморфоза.

На основе анализа значений ФЕ, основанных на гиперболе, можно утверждать, что использование гиперболизации во фразообразовании обусловлено желанием говорящего:

1) дать оценку предмету, действию, явлению как чему-то, отступающему от нормы, доходяще-

му до крайности, протекающему с крайней степенью интенсивности (*море слез, с одного маху*);

2) привлечь сочувствие собеседника к собственным (или чужим) предельным усилиям, физическим или психологическим страданиям, слабостям (*до седьмого пота, до последнего издыхания, до потери пульса*);

3) подчеркнуть или преувеличить свои (или чужие) достоинства и достижения с целью признания этих заслуг собеседниками (*горы своротить, со дна моря достать*) или же, напротив, с целью саркастического высказывания недоверия к таким заслугам, достоинствам (*семи пядей во лбу, верста коломенская*);

4) убедить собеседника в предельной искренности своих слов: по мнению Л. П. Крысина, использование фразеологизмов-гипербол в таких речевых актах, как клятва, обещание, осуждение, угроза, просьба, заверение и пр., направлено на то, чтобы слушающий поверил заверениям или обещаниям говорящего, чтобы у него при этом не осталось и тени сомнения в их правдивости [9] (*до самой смерти, до последней капли крови*).

Таким образом, основной задачей ФЕ, передающих крайнюю степень интенсификации сопоставляемых признаков, следует считать не достижение номинативной функции, а эмоциональное воздействие на слушателя / читателя.

ЛИТОТА КАК СПОСОБ ФРАЗЕОБРАЗОВАНИЯ

Количество семантических групп, которые можно выделить среди фразеологизмов, основанных на литоте, несколько меньше. В основном, это фразеологические единицы со следующими значениями:

- малое количество / полное отсутствие чего-либо: *капля в море, кот наплакал, с гулькин нос, ни капли, ни гроша, ни копейки, ни полушки, ни алтына, ни оболы, ни йоты, ни грана, ни кола, ни двора, хоть шаром покати, не знать ни аза, маковой росинки во рту не было, ни капли, ни крошки, ни слезинки*;
- малый размер: *небо с овчинку, мальчик с пальчик, мужичок с ноготок, метр с кепкой, с булавочную головку, тощий как спичка, от горшка два вершка, с маковую росинку, размером с ноготок, размером с палец, тоньше волоса, с игольное ушко, с крапивное семя*;
- малое расстояние, очень близко: *рукой подать, ни на йоту, ни пяди*;
- малая цена, малая значимость: *крапивное семя, грош цена, мизинца не стоит, выеденного яйца не стоит, овчинка выделки не стоит, дело десятое, игра не стоит свеч, мышинная возня*;

- малое расстояние, очень близко: *ни пяди, рукой подать, ни на йоту*;
- очень медленный: *черепахи темпы, ползти как черепаха, ползти как улитка*;
- малый промежуток времени: *без году неделя*;
- очень неприметный: *тише воды, ниже травы*;
- малая трудность, малая опасность: *море по колено*.

Наиболее часто фразеологизмы-литоты строятся по модели сравнения (*с гулькин нос, с булавочную головку, мальчик с пальчик, как спичка, ползти как черепаха*), а также по метрическим моделям (*ни на йоту, ни на гран*) [2], [17]. Чрезвычайно продуктивной также является модель «отрицательная частица *ни* плюс существительное в родительном падеже со значением малого объема» (*ни капли, ни крошки*). Вообще частицы *не* и *ни* особенно востребованы при образовании фразеологической литоты: не дать *ни копейки*, не иметь *ни кола, ни двора*, не видеть *ни аза в глаза*. Фразеологизмы со значением малой цены содержат в своем составе глагол *стоит* с отрицательной частицей *не* (*мизинца не стоит, овчинка выделки не стоит*). Еще одной заметной особенностью фразеологизмов-литот является наличие в них компонентов – имен существительных с суффиксами, имеющими уменьшительное значение (*пальчик, ноготок, ушко, головка, овчинка*) либо значение малой частицы массы (*росинка, слезинка*).

Фразеологизмы, основанные на литоте, не имеют таких явных приоритетов в плане построения образа, как фразеологизмы-гиперболы, однако определенные закономерности обнаруживаются и здесь.

Среди образов окружающего мира, реальные свойства которых были востребованы и переосмыслены при создании литоты, выделим следующие:

- малые предметы (*капля, семя, булавка, иголка, спичка, овчинка*);
- животные (*кот, черепаха, улитка, голубь*);
- части тела человека (*пальчик, ноготок, мизинец, колено, волос*);
- мелкие монеты (*грош, копейка, алтын, полушка*);
- малые метрические единицы (*йота, гран, вершок, пядь*).

Существительные, обозначающие предметы заведомо небольшого размера, привлекаются к созданию фразеологизмов-литот ради заложенной в них семы малости, невеликости: в бытовой жизни сложно найти предмет меньше иголки, булавки или спички. В основе образности, отсылающей к ассоциациям с животным миром, также лежат стереотипы восприятия размеров живот-

ных и птиц: наиболее распространенный в России сизый голубь имеет тело длиной 29 см, поэтому фразеологизм *с гулькин нос* служит для описания крайне небольшого количества, а виноградная улитка, чаще всего встречающаяся в нашей стране, передвигается с максимальной скоростью 7 см в минуту, отсюда и фразеологизм-литота *ползти как улитка* со значением 'передвигаться крайне медленно'.

Что касается использования во фразеологизмах-литотах компонентов, обозначающих части тела человека, то их смысловой и образный потенциал, вероятно, связан с тем обстоятельством, что в старорусской системе мер в качестве основы применялась средняя длина отдельных частей тела: так, пядь – это расстояние между концами разведенных большого и указательного пальцев (около 17 см), при этом $\frac{1}{16}$ пяди соответствовал 1 ноготь (чуть больше 1 см), а 1 волос насчитывал приблизительно 0,00434 см. Неудивительно, что фразеологизмы *размером с палец*, *размером с ноготь*, *мужичок с ноготок*, *тоньше волоса* передают размеры обсуждаемого предмета, образно указывая на его минимальный размер.

Вышесказанное подводит нас к выводу, что использование литоты в основе фразеологической образности обусловлено следующими причинами:

1) стремлением подчеркнуть небольшой размер предмета или расстояния, о которых идет речь, заострить на этом внимание слушателя, возможно, удивить и впечатлить его (*размером с палец*, *с булавочную головку*);

2) вызвать сочувствие собеседника отсутствием или малым количеством у говорящего (или другого лица) необходимых для жизни средств и предметов (*ни крошки*, *ни гроша*, *с гулькин нос*);

3) высказать свое отношение, чаще всего негативное, к предмету, действию, явлению (*ползти как улитка*, *без году неделя*, *метр с кепкой*, *грош цена*, *мышинная возня*).

Интересно, на наш взгляд, что при образовании фразеологической литоты могут быть использованы те же образы, что и в фразеологизмах-гиперболах, но в этом случае выстраивается внутренняя антитеза с целью противопоставить безмерно большое безмерно малому: например, во фразеологизме

капля в море со значением «ничтожное количество, пустяк по сравнению с чем-либо» образ моря появляется как противоположность своей малой части, выстраивая характерный смысловой контраст, а во фразеологизме *море по колено* – «все ни о чем, ничего не страшно» значение моря как очень глубокого водоема нивелируется небольшим расстоянием от ступни до колена человека, обыгрывается как нечто противоположное и лишается семы трудно преодолимой преграды, которая как раз и была задействована при формировании фразеологизмов-гипербол, имеющих в составе этот компонент. Отдельные метрические единицы также встречаются в качестве компонентов как во фразеологизмах-гиперболах, так и во фразеологизмах-литотах, в зависимости от состава сопутствующих компонентов формируя противоположные значения: например, во фразеологизме *семи пядей во лбу* компонент-числительное *семь* создает сему 'много, большой по количеству', а фразеологизм *ни пяди*, напротив, имеет значение преуменьшения: не отдать *ни пяди* своей земли.

Нельзя не отметить, что между фразеологизмами-гиперболами и фразеологизмами-литотами наблюдаются антонимические отношения. Так, например, лексемы «верста», «вершок», «метр» не только обозначают меры длины, которые объективно различаются разной физической протяженностью в пространстве: «верста» как фразеологический эталон большой длины, большого расстояния может быть противопоставлена «вершку» и «метру» как носителям семы малого размера, малой длины / высоты (ср.: *коломенская верста* – *от горшка три вершка*, *метр с кепкой*). То же можно сказать и о компонентах, выражающих меру объема (ср.: *море разлитое* – *капля в море*) и промежутков времени (ср.: *сто лет в обед* – *без году неделя*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, гипербола и литота в качестве тропов, лежащих в основе фразеологической образности, в определенной мере устанавливают ориентиры для осмысления физических и ценностных параметров реальности, определяя в языковой картине мира эквиваленты предельно большого и предельно малого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 520.

² Там же.

³ Курахтанова И. С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. С. 11.

⁴ Чудинов А. П. Практическая риторика: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1998. 107 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатский Д. И. Множественное число гиперболическое // Русский язык в школе. 1972. № 5. С. 91–96.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / Под ред. В. М. Мокиенко. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. Избранные труды. Т. 3. Лексикология и лексикография. М., 1977. 312 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / Под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 710 с.
5. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. Ростов н/Д., 1977. 312 с.
6. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы изучения: Учебное пособие. 5 изд., стереотип. М.: Флинта, 2016. 241 с.
7. Кобжицкая О. Г. Лексико-фразеологические средства гиперболизации речи в русском и китайском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 17 (728). С. 82–90.
8. Красильникова Е. В. Некоторые проблемы изучения морфологии русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. М., 1983. С. 107–120.
9. Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-04d.htm> (дата обращения 29.06.2020).
10. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 2008. 397 с.
11. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. СПб.: Азбука, 2007. 256 с.
12. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977. 284 с.
13. Пестова М. С. Эмотивность и оценочность как основные компоненты коннотации дисфемичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, в английском и русском языках // Лингвокультурология. 2010. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-i-otsenochnost-kak-osnovnye-komponenty-konnotatsii-disfemistichnyh-frazeologicheskikh-edinit-postroenny> (дата обращения 28.06.2020).
14. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 384 с.
15. Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1980.
16. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
17. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломов. М.: Рус. яз. Медиа, 2003. 336 с.
18. Шмелева Т. В. Средства выражения метасмысла «преувеличения» // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. С. 82–92.
19. Carston R., Wearing C. Hyperbolic language and its relation to metaphor and irony // Journal of Pragmatics. 2015. Vol. 79. P. 79–92 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216615000302> (дата обращения 03.08.2020).
20. McCarthy M., Carter R. “There’s millions of them”: hyperbole in everyday conversation // Journal of Pragmatics. 2004. Vol. 36. Issue 2. P. 149–184 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216603001164> (дата обращения 01.08.2020).

Поступила в редакцию 28.12.2021; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Maya V. Prokopova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, University of Tyumen (Tobolsk, Russian Federation)
maya-vladi@yandex.ru

Elena N. Ermakova, Dr. Sc. (Philology), Professor, University of Tyumen (Tobolsk, Russian Federation)
ermakova25@yandex.ru

HYPERBOLE AND LITOTES AS A WAY OF SEMANTIC METAMORPHOSIS IN THE SPHERE OF PHRASE FORMATION

Abstract. The article deals with the phraseological units of the Russian language structured along the model associated with hyperbole and litotes. The purpose of the research is to study the tropes as a way of forming phraseological units in the contemporary Russian language; to analyze semantic metamorphosis in the sphere of hyperbole units; and to describe semantic properties of antonymically related phraseological units. The research material was collected by

continuous sampling from phraseological dictionaries. The conducted language analysis suggests that the corpus of phraseological units that intentionally exaggerate or underestimate reality is quite extensive and rather diverse, both structurally and semantically. The study of such bright language and speech units was conducted with the help of the systemic structural method, the comparative method, and in some cases – certain methods and techniques of linguistic and cultural analysis. The complex of the applied methods and techniques enabled us to show the versatility and complexity of the studied material and draw a number of conclusions. The results of the research show that phraseological units are built from lexemes – the equivalents of extremely large or extremely small objects, actions, phenomena, etc. Phraseological units based on hyperbole and litotes help us to establish certain benchmarks in the worldview of native speakers and mark the stereotypes of their thinking and perception: what they consider large or small, significant or insignificant. The use of hyperbole units is conditioned by the communicative and pragmatic tasks of a speaker or writer: phraseological units that correlate semantically with hyperbole or litotes enable not only giving a particular emotional or expressive coloring to a statement, but also giving assessments.

Key words: phraseological unit, phrase formation, hyperbole, litotes, semantic metamorphosis, phraseological imagery

For citation: Prokopova, M. V., Ermakova, E. N. Hyperbole and litotes as a way of semantic metamorphosis in the sphere of phrase formation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.812

REFERENCES

1. Arbatsky, D. I. Hyperbolic plural. *Russian Language at School*. 1972;5:91–96. (In Russ.)
2. Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological handbook. (V. M. Mokienko, Ed.). St. Petersburg, 1998. 700 p. (In Russ.)
3. Vinogradov, V. V. The main types of word's lexical meanings. Selected works. Vol. 3. Lexicology and lexicography. Moscow, 1977. 312 p. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. Russian language. Grammatical teaching about the word. (G. A. Zolotova, Ed.). Moscow, 2001. 710 p. (In Russ.)
5. Gvozdev, Yu. A. Basics of the Russian phrase formation. Rostov-on-Don, 1977. 312 p. (In Russ.)
6. Zemskaya, E. A. Russian colloquial speech: linguistic analysis and problems of research: Textbook. Moscow, 2016. 241 p. (In Russ.)
7. Kobzhitskaya, O. G. Lexical and phraseological means of hyperbole speech in the Russian and Chinese languages. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2015;17(728):82–90. (In Russ.)
8. Krasil'nikova, E. V. Some problems of studying morphology of Russian colloquial speech. *Issues of Structural Linguistics*. Moscow, 1983. P. 107–120. (In Russ.)
9. Krysin, L. P. Hyperbole in Russian colloquial speech. *Russian word, our own and someone else's: Research on the contemporary Russian language and sociolinguistics*. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-04d.htm> (accessed 29.06.2020).
10. Lapteva, O. A. Russian colloquial syntax. Moscow, 2008. 397 p. (In Russ.)
11. Mokienko, V. M. Riddles of Russian phraseology. St. Petersburg, 2007. 256 p. (In Russ.)
12. Molotov, A. I. Fundamentals of the phraseology of the Russian language. Leningrad, 1977. 284 p. (In Russ.)
13. Pestova, M. S. Emotivity and evaluation as key components of connotation of dysphemistic phraseological units based on hyperbole in Russian and English. *Linguoculturology*. 2010;4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-i-otsenchnost-kak-osnovnye-komponenty-konnotatsii-disfemistichnyh-frazeologicheskikh-edinit-postroenny> (accessed 28.06.2020).
14. Rozental, D. E. Practical stylistics of the Russian language. Moscow, 1998. 384 p. (In Russ.)
15. Russian grammar. Moscow, 1980. Vols. 1–2. (In Russ.)
16. Telia, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.)
17. Phraseological dictionary of the Russian language. (A. N. Tikhonov, A. G. Lomov, L. A. Lomov, Comps.). Moscow, 2003. 336 p. (In Russ.)
18. Shmeleva, T. V. Means of expressing the metameaning of “exaggeration”. *Systemic analysis of significant units of the Russian language. Syntactic structures*. Krasnoyarsk, 1987. P. 82–92. (In Russ.)
19. Carston, R., Wearing, C. Hyperbolic language and its relation to metaphor and irony. *Journal of Pragmatics*. 2015;79:79–92. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216615000302> (accessed 03.08.2020).
20. McCarthy, M., Carter, R. “There’s millions of them”: hyperbole in everyday conversation. *Journal of Pragmatics*. 2004;36(2):149–184. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216603001164> (accessed 01.08.2020).

Received: 28 December, 2021; accepted: 25 July, 2022

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ДАВЫДОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
davita5@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

А н н о т а ц и я . Рассматриваются проблемы перевода на английский язык некоторых особенностей лексического строя идиолекта Ф. М. Достоевского, вызывающих определенные затруднения в восприятии. В ходе анализа двух вариантов перевода романа «Идиот» и ряда рассказов выявлены так называемые атопоны, то есть непонятные или малопонятные единицы в тексте, которые классифицируются в соответствии с уровнями языка на лексико-грамматические (агнони́мы или семанте́мы), когнитивные (когне́мы) и прагматические (прагме́мы). Каждый из классов подкрепляется в работе многочисленными примерами и преобладающими способами перевода. При этом используются сравнительно-сопоставительный метод, метод контекстуального и компонентного анализа, описания и обобщения, а также техника тщательного ознакомления с текстом и выборочного комментирования. Изучению подвергаются реалии (как общественно-политические, так и ономастические), фразеологические единицы, слова со сниженной стилистической окраской, обращения, модальные частицы и другие лингвистические явления. Особое внимание в группе агнонимов уделяется индивидуальным авторским образованиям, то есть гапаксам, использованным Ф. М. Достоевским для создания игрового эффекта и передачи экспрессивной функции. Делается вывод о необходимости принимать во внимание различные факторы для создания оптимального варианта перевода, вызывающего верные эстетические и эмоциональные чувства и сохраняющего колорит страны.

Ключевые слова: атопон, агноним (семантема), когнема, прагмема, гапакс, слова-реалии, транскрибирование, функциональный аналог, калькирование

Для цитирования: Давыдова Т. С. О некоторых трудностях перевода произведений Ф. М. Достоевского на английский язык // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 27–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.813

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике значительное место занимают проблемы переводоведения, поскольку они затрагивают как когнитивные, коммуникативные, так и чисто лингвистические аспекты. Если когнитивные и коммуникативные характеристики текстов оригинала и перевода практически тождественны, то лингвистические средства языка, отражающие особенности исходного и переводящего языков, зачастую значительно различаются, создавая тем самым определенные трудности в процессе перевода. Перевод художественного текста представляется в настоящее время особенно актуальным, так как до сих пор нет однозначного решения вопроса о качестве перевода, критериях правильности выбора языковых средств для достижения его адекватности, авторском переводе и т. д.

Проблеме трактовки различных лингвистических явлений и их перевода посвящены мно-

гочисленные работы известных отечественных и зарубежных ученых [4], [5], [8], [11], [12], [16], [17], [18], [19], [20], [21], [22]. Основные переводческие стратегии – доместикации и форенизации – обеспечивают как лингвистический, так и общекультурный ориентир для передачи культурной специфики исходного текста. Сохранение и донесение до читателя в адекватной оригиналу форме (то есть передача слова транскрибированием, транслитерацией или калькированием), а также экспликация (комментарии, сноски) свидетельствуют об избрании линии форенизации, напротив, опущение или перевод функциональным аналогом в переводящем языке без лингвокультурных пояснений свидетельствуют о доместикации [17], [22], [23]. Сохранение национально-исторического колорита обеспечивает передачу культурного фона произведения, духа народа и позволяет увидеть в слове отражение материальных, общественных и духовных процессов, происходящих в обществе [7: 42].

По мнению некоторых исследователей, сложность художественного перевода заключается не столько в передаче смысла, сколько в передаче «уникального авторского стиля произведения, его эстетики, богатства языковых средств, а также атмосферы, юмора, характера и настроения, заложенных в тексте», требующих присутствия творческой интуиции переводчика [3: 104]. Художественный перевод предполагает не дословность, а скорее творчество переводчика, который должен иметь определенные качества писателя, уметь проникнуть в суть текста, передать авторский замысел, точно отобразить смысл текста и сохранить его гармоничность [1: 153].

Определенные проблемы будет испытывать переводчик произведений Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. И. Куприна и других классиков XIX века, но трудности эти будут несопоставимы с теми, которые возникают у переводчика Ф. М. Достоевского –

«писателя-экспериментатора, игрока, автора во многих отношениях креативного, часто сознательно нарушающего литературную норму и этим создающего энтропию, хаос, отражающий внутренний мир и внутреннюю речь человека» [14: 150].

Чтение, а тем более перевод произведений Достоевского затруднены и философско-психологическим содержанием, и достаточно сложной композицией, и отдаленностью исторической эпохи, без знания которой часто невозможно понять замысел автора, и сложностью языка писателя – как на уровне синтаксиса, так и на уровне лексики.

Ф. М. Достоевский по праву считается самым читаемым на Западе русским писателем, а его имя давно стало неотъемлемой частью общемировой культуры. Его творчество исследуется с разных сторон, обсуждается на многочисленных конференциях и международных симпозиумах. Существуют фонды, научные центры, школы и общества по сохранению и изучению наследия Ф. М. Достоевского: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Омский региональный центр изучения творчества Ф. М. Достоевского, Петрозаводский государственный университет, Томский государственный университет, Международное общество Достоевского, объединяющее ученых и исследователей в области жизни и творчества писателя, во главе с Д. Кэрл Аполлонио, Общество Достоевского в Германии и др.

За полтора века сложилась богатая традиция переводов Достоевского на иностранные языки, в частности на английский. Существует не ме-

нее трех-четырёх переводов каждого крупного романа. Это работы английских переводчиков: Констанс Гарнетт, Евы Мартин, Дэвида Мэгаршэка, Дэвида Мак Даффа, Роналда Уилкса, С. Дж. Хогарта, Дэвида Лоу, Дэвида Пэттерсона, славистки, представляющей Британию, Сары Дж. Янг, американских супругов Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской, Майкла Каца, американского русиста Роберта Бёрда, отечественных переводчиков: Константина Федина, Ольги Шарце, Елены Блаватской и многих других. В подавляющем большинстве это качественные переводы, авторы которых находят интересные решения непростых художественных замыслов Ф. М. Достоевского, а некоторые известны и как исследователи его творчества.

На современном этапе развития транслатологии значительная часть работ в области передачи идиостиля Ф. М. Достоевского при переводе посвящена анализу психологических аспектов, духовных изысканий, языковых и авторских метафор, характеризующих внутренний мир персонажей, различных концептов, таких, например, как смерть, деньги, судьба. Появляются и чисто лингвистические работы, рассматривающие, как правило, адекватность передачи различных языковых явлений (фразеологических единиц, просторечий, безэквивалентной лексики, реалий и пр.) в варианте перевода [9], [10], [14], [15].

Целью настоящего исследования является выявление основных трудностей перевода лексики Ф. М. Достоевского на английский язык и характеристика способов их решения. В статье обобщаются результаты работы над романом «Идиот» и рядом рассказов: «Белые ночи», «Скверный анекдот», «Сон смешного человека», «Кроткая», «Слабое сердце» и их переводами, выполненными Евой Мартин, Юлиусом Катцером, Ольгой Шарце, Ивом Литвиновым, Константином Фединым.

* * *

Помехи в понимании немецкий философ Ханс-Георг Гадамер назвал атопами – непонятными или малопонятными единицами любого рода в тексте [6: 45], которые можно классифицировать в соответствии с уровнями языка. Так, выделяются лексико-грамматические атопы (агнотимы или семантемы), когнитивные атопы (когнемы) и прагматические атопы (прагмемы) [15]. Атопы-семантемы – это лексические единицы, непонимание которых связано с обыденным значением слов, это так называемые новообразования – лексические единицы, которые не употребляются в современном русском литературном языке, или сло-

ва, которые могут быть понятны современному читателю, но в другом значении. Это и жаргонизмы, коллоквиализмы, просторечные слова, историзмы, варваризмы. В эту же группу попадают и слова с заменой рода: *манер* (м. р.), *пенсне*, *мигрень* (м. р.), *апофеоза* (ж. р.), *апогея* (ж. р.) или слова с добавлением суффикса: *организовать*, *экономизировать* и, наоборот, отсутствием его: *анализовать*, *цитовать*. Такие индивидуальные авторские образования, которые часто квалифицируются как языковая игра, можно отнести к гапаксам. Эти слова, отсутствующие у современников Достоевского, используются для создания игрового эффекта, передачи экспрессивной функции – *пофанфаронить*, *заневинно*, *куцавешный*, *купчик* и т. д. Непонимание атопонов когнем обусловлено отсутствием необходимых фоновых знаний, в этот пласт лексики попадают реалии, фразеологические единицы, устойчивые терминологические сочетания, аллюзии, пословицы, поговорки, метафоры, иноязычные изречения. Атопоны-прагмемы – это единицы, непонимание которых зависит от их эмоционально-оценочных или функционально-стилистических характеристик. Это слова и словосочетания, которые вызваны непониманием авторской интенции, которые употребляются для создания иронического и любого другого эмоционально-экспрессивного эффекта. Это модальные частицы, междометия, бранная лексика, прозвища, звукоподражания, дразнилки и т. д. [15].

Следует отметить, что деление атопонов является относительным, условным, группы способны пересекаться друг с другом, поэтому предложенная выше классификация не претендует на безапелляционность и абсолютное совершенство. Тем не менее она научна, полезна и находит отражение в некоторых современных работах по переводу [9], [10]. Автор, а тем более переводчик должны оценивать и учитывать, что известно, а что является новым для адресата, насколько глубоко его знания в той или иной области. Результатом «неадекватной оценки (или игнорирования) уровня знаний собеседника» может стать сбой в коммуникации, проявляющийся «в мысленном отторжении текста» [2: 10]. Пояснение значений атопонов должно способствовать адекватному восприятию текста читателем и заполнению внутриязыковых и межкультурных лакун в его лексиконе.

Самой многочисленной группой лексем в исследуемых произведениях, создающих трудности при переводе, является группа атопонов, используемых для обозначения уникальных русских реалий, культурно-исторических феноменов, общественно-политического устройства, предметов быта и обихода, меры длины, средств пере-

движения, денежных единиц, мебели, сословий, чинов, рангов и др. На английский язык они переводятся либо эквивалентом, либо аналогом, либо описательным приемом: *уезд* – *district*, *фельдфебель* – *sergeant-major*, *поручик* – *lieutenant in the army*, *чепец* – *bonnet*, *свояк* – *related by marriage*, *нарочный* – *messenger*, *долговая* – *debtor's prison*, *галантип* – *meat jelly*, *сановник* – *a high official*, *управа* – *Municipal Council*, *копейка* – *kopek*, *рубль*, *целковый* – *rouble* и др.¹

Названия игр преимущественно переводятся описанием: *играть в жмурки* – *play blind man's buff* или с помощью функционального аналога с заменой названия одной игры, незнакомой читателю перевода, на другую, знакомую – *play hide-and-seek*, что соответствует русскому *в прятки*, а в случае с игрой в палки переводчик вообще прибегает к опущению и пропускает целое предложение.

При переводе ономастических реалий основным способом является транскрибирование или транслитерирование, что представляется вполне правомерным, поскольку механическая передача звукового или буквенного облика иноязычной лексической единицы позволяет сохранить и наиболее точно передать национально-исторический колорит. Это передача и имен: *Mrs. Yepanchin (Epanchin)*, *Parfyon Rogozhin*, *Nastasia Philippovna*, *Lev Nikolayevich Myshkin*, *Ganya*, *Ferdyshchenko*, *Varvara Ardalionovna*, *Aglaia Yepanchin*, и некоторых географических названий: *Pavlofsk*, *Yekaterinhof*, *Tsarskoye Selo*, *Kamenny Ostrov*. При переводе названий улиц, проспектов частотным способом является калькирование – *Summer Gardens* и полукалькирование, при котором в переводном тексте транскрибируется собственное имя и калькируется второй компонент: *Nevskiy prospect*, *Sadovaya Street*, *Liteiny Street*, *Morskaya Street*, *Gorokhovaya Street*, *Vorobyov Hills*. При переводе известных и частотных названий используется освоение, поскольку реалии данной категории адаптируются, получают обличье другого языка и трудностей не вызывают: *St. Petersburg*, *Moscow*, *Paris*, *Warsaw*, *Switzerland*, *Russia*, *Berlin*, *Siberia*.

Существует, однако, ряд проблем, связанных с переводом имен собственных в художественном тексте. Прежде всего это касается передачи уменьшительно-ласкательных, уничижительных или увеличительных значений, выраженных суффиксами субъективной оценки. Как известно, английский язык вообще не имеет диминутивных форм как регулярной семантической и словообразовательной категории [13: 174]. Опускание диминутивности при переводе ведет к недопустимому искажению коннотации, эмоционального характера коммуникации

и, как следствие, искажению авторского замысла. Например, *Ганя, Ганька, Ганечка* – все три варианта переводятся как *Ganya, Lenochka – Lena, Varyka – Varya, Алексаика – Alex, Коля, Коленька – Kolya*. Как видим, из приведенных примеров стирается коннотация более близких, теплых отношений, выражения симпатии и создаются потери в раскрытии образа. На наш взгляд, здесь уместнее было бы использование вариантов *dear Kolya, dear Lena* или, как предлагается в переводе Ольги Шатце, транскрибированного варианта *Vasyuk, Arkasha, Lizanka, Petenka*.

Эта же проблема стилистической нейтрализации и пренебрежения суффиксами субъективной оценки касается и перевода нарицательных существительных: *мамаша, маменька, маман – mother, деревенька – village, сестрица – sister, лгунишка – liar, бородаща – beard, сапожища – boots, флигелечек – wing, словцо – word, комнатка – room* и т. д. В то же время в исследованных вариантах перевода встречались и атрибутивные сочетания, подчеркивающие экспрессивный или уменьшительный оттенок: *кунчик – young merchant, голубчик – dear prince* (с элементом контекстуальной замены), *кредиторишки – petty creditors, молодка – my good woman, братец – dear fellow, домишко – little house*.

К частотным зарегистрированным нами атопонам-прагмемам относится так называемый словоерс – название частицы *-с*, этимологически связанное с так же часто используемым обращением в знак почтения сударь: *было-с, иди-с, пообещали-с, понятно-с*. Особенно изобилует словоерсом речь подобострастного, угодливого Лебедева. Во всех вариантах перевода это явление полностью игнорируется, за счет чего стирается эффект демонстративного самоунижения.

Несомненную трудность для переводчика представляют и атопоны-когнемы, выраженные фразеологическими единицами, которые широко представлены в исследуемом романе. Причина этой сложности заключается не столько в семантической спаянности компонентов фразеологических единиц, сколько в их функции: они употребляются преимущественно для экспрессивно-оценочного обозначения референта. Они не просто передают определенную информацию, но и оказывают воздействие на чувства и воображение реципиента. На сегодняшний день выделены три вида перевода фразеологизмов: фразеологический (аналогом или эквивалентом), нефразеологический (лексический – то есть словом, дословный – калькированием, описательный – толкованием) и контекстуальный (замена), когда отсутствуют эквиваленты и аналоги и фразеологизм приходится передавать нефразеологическими средствами.

Все три типа перевода фразеологических единиц присутствуют в анализируемых вариантах перевода. В большинстве случаев переводчики стремятся передать образность и сохранить экспрессивность: *сидеть как на иголках – to be on tenterhooks* (аналог), *мокрая курица – poor fish* (эквивалент), *делать из мухи слона – make a mountain out of a molehill* (эквивалент), *отправил его с плеч долой – set him packing* (нефразеологический – лексический), *сидеть на бобах – to be stranded* (нефразеологический – лексический), *приехал сюда сломя голову – has come rushing here like mad* (нефразеологический – описательный), *точно из мертвых воскрес – as if given a new lease of life* (во втором варианте перевода калькированием – *seemed to arise from the dead*), *дал стречка* (более частый вариант *стрекача*) – *made for the kitchen* (контекстуальная замена), пословица *Свежо предание, да верится с трудом – It's a new tale, but hard to believe* (калькирование), *сломать* (в тексте *разбить*) *лед – to break ice* (калькированный вариант перевода в пассиве *лед был разбит – the ice was broken*). В целом следует отметить, что переводчикам удалось сохранить и передать колорит и экспрессивность, хотя в ряде случаев окраска представляется несколько стертой, например: *намылил голову – gave her a piece of my mind*.

Еще одну трудность перевода представляют атопоны-прагмемы, то есть фамильярно-разговорные, просторечные слова и выражения со сниженной стилистической окраской, широко используемые для передачи негативного, пренебрежительного отношения или создания комического эффекта. Это такие слова, как *надуть – let somebody in for something, снятуть – to be mad, финтуть – to finesse, облагошуть – to humbug, уколошуть – to cut the throat, шваркнуть – cast down, шпынять – nag, простофиля – simpleton, сморчок – fool, кондрашка пришиб – had a stroke* и мн. др. Значительная часть подобных слов и выражений звучит из уст генеральши Епанчиной, одного из самых ярких образов романа, чья речь, изобилующая обращениями, эмоционально-экспрессивной лексикой, фразеологизмами, пословицами, императивом, представляет наибольший интерес с точки зрения перевода. Елизавета Прокофиевна остра на язык, не стесняется в выражениях и в проявлении чувств, называет все своими именами, может и позлословить, и покритиковать, и высмеять. Только она может сказать в лицо князю Мышкину *скверный князишка, дрянной идиотишка, уродик (wretched prince, miserable idiot, freak), дурачок, простофиля (simpleton, ninny), сморчок (fool)* или приказным тоном выкрикивать: *Не финти! – Don't try to shuffle out of replying! Молчу! – Hold your tongue!*

Экая галиматья! – *What balderdash!* Мальчишка! – *The whippersnapper!* Простофиля! Мокрая курица! – *Ninny!* Только она может назвать дочку самовластной, сумасшедшей, избалованной девочкой – *She is a willful, crazy and spoilt girl*, а Настасью Филипповну обозвать *тварью, этой тварью, наглой тварью, швалью* – *creature, that creature, jackanapes, trash, scum*. В последних примерах и русский вариант, и вариант перевода демонстрируют сниженную, уничижительную, грубую лексику. А примеры типа мерзкая шляпенка – *miserable little hat*, фанфаронщика – *mean little braggart*, хотя и переводятся на английский язык с помощью атрибутивного сочетания, на наш взгляд, не полностью передают экспрессию и приводят к некоторой потере образной составляющей. Самым наглядным примером этому является упоминание генеральшей княгини Белоконской, которая в оригинале упоминается как *старуха, старушонка, дрянная старушонка*. Эвфемистический перевод во всех случаях намеренно представлен нейтральным вариантом *old lady*.

Само слово *генеральша* неоднозначно переводится на английский язык. То оно предстает контекстуальной заменой *the lady of the house*, то *Mrs. General Yepanchin*, то *the mother*, то *Mrs. Yepanchin*, то *Lizaveta Prokofievna*, то *my wife*. Обратим внимание, что в английском варианте отсутствует конечный показатель женского рода в фамилиях и используется мужская форма в сочетании с женским именем (*Aglaia Yepanchin, Vera Lebedev, Mrs. Ivolgin, Mrs. Ptitsin*). Это подтверждает факт отсутствия морфологически выраженной категории рода у английских существительных, хотя в настоящее время это правило не соблюдается.

Большой интерес для переводчика представляет также группа гапаксов, лексических окказиональных новообразований, которые можно квалифицировать как языковую игру, у Достоевского часто с суффиксами субъективной оценки. Это такие слова, как: *сживывал* (на тот свет) – *would have shaken the soul out of a man, would have given a man a ticket to the other world*, *деспотка* – *despot*, *князишка* – *wretched prince*, *идиотишка* – *miserable idiot*, *уродик* – *freak*, *раскапиталист* – *a big capitalist*, *кунчик* – *young merchant*, *скуцнехонько* – *damnable bored*, *заночевывать* – *spend the rest of the night*, *пофанфаронить* – *swagger, play down one's braggadocio*, *вскидчива* – *headstrong*.

Достоевский для достижения стилистического эффекта нарушает грамматические и словообразовательные нормы, пренебрегает и лексической инвариантностью фразеологических единиц – *из мухи слона сочинили* (не сделали), *выйти из рельсов* (не сойти с).

намеренные нарушения словообразования и лексической сочетаемости, как правило, игнорируются и передаются нейтральными вариантами: *made a mountain out of a molehill, take a step off the road of convention*.

Определенную проблему представляет перевод междометий и обращений. В значительной степени вариант перевода зависит от интенции переводчика. Например: *Тью! Что взял!* – *Whew, you got it good and proper!*, в другом варианте: *Tfu! look what the fellow got!* Или *Тьфу!* – *Pfu!*; *Фью! Эх ведь вас!* – *Whew, that's a long way off!*, или *Wheugh! my goodness! Xe!* – *H'm!*, или *Hey! that's it!*

В переводе Юлиуса Катцера обращение генеральши к князю Мышкину *батюшка, голубчик* переводится *my dear boy, my good boy, my lad, my friend, my dear fellow, my good friend*, в то время как *голубчик*, адресованное к Лебедеву или Евгению Павловичу, как правило, опускается, а к Иволгину передается как *sir*.

ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели лишь некоторые случаи, представляющие трудности для переводчика. Анализ примеров подтвердил тот факт, что перевод апроповей в художественном тексте – одна из чрезвычайно сложных переводческих проблем, при решении которой следует принимать во внимание разнообразные факторы для создания оптимального варианта перевода, вызывающего верные эстетические и эмоциональные чувства и сохраняющего колорит страны. Когда мы имеем дело с текстом, созданным в другую историческую эпоху, всегда в этом тексте остается что-то непонятное или не полностью понятное. Тем более, это касается текста инокультурного, написанного на другом языке. Изначальная настроенность переводчика на области возможного непонимания или неполного понимания, естественно, затрудняет его работу, но одновременно позволяет выполнять перевод более качественно. Образное мышление, языковая грамотность, отсутствие дословного перевода, хорошее знание культуры и традиций страны, мастерство владения родным языком и определенным стилем художественного перевода, эстетика восприятия реальности являются теми качествами, которыми должны отличаться специалисты в области художественного перевода литературы. Осознавая тот факт, что абсолютно адекватная передача художественного текста в принципе невозможна, мы убеждены, что правильность перевода во многом зависит от того, насколько хорошо понимается переводчиком текст оригинала, и от умения спрогнозировать возможные трудности.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Предлагаемые в статье примеры взяты из следующих источников: Dostoyevsky F. *The Idiot. A novel in two books* / Translated from Russian by Julius Katzer. Moscow: Progress Publishers, 1971. 712 p.; Dostoyevsky F. *The Idiot* / Translated from Russian by Eva Martin. St. Petersburg: Caro. Russian Classic Literature, 2019. 747 p.; Dostoyevsky F. *Stories* / Translated by Olga Shartse, Ivy Litvinoff, Julius Katzer, Konstantin Fedin. Moscow: Progress Publishers, 1981. 375 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева В. Н. Проблема перевода художественного произведения на иностранный язык // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1, № 3. С. 153–155.
2. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2 (51). С. 5–14. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-5-14
3. Бурлакова М. В. Особенности обучения художественному переводу студентов педагогической специальности // Перевод в меняющемся мире: Материалы 2-го Междунар. науч. симпозиума. М.: Азбуковник, 2016. С. 104–107.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 415 с.
6. Гадамер Г. Г. Язык и понимание // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 43–59.
7. Давыдова Т. С. Особенности передачи наименований реалий на английский язык (на материале произведений русских писателей) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.599
8. Казакова Т. А. Практические вопросы перевода. М.: Союз, 2001. 320 с.
9. Котцова Е. Е. Семантическая адаптация англицизмов – агнонимов в лексике русского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 139–146. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-139-146
10. Котцова Е. Е. Агнонимы как объект языковой рефлексии в текстах современной периодики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 82–90. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.82
11. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: АCADEMA, 2003. 192 с.
12. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. 263 с.
13. Менькова Н. В. Русские диминутивы в английском переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 174–179.
14. Ружицкая Э. А., Ружицкий И. В. Переводчику Достоевского // Перевод в меняющемся мире: Материалы 2-го Междунар. науч. симпозиума. М.: Азбуковник, 2016. С. 150–154.
15. Ружицкий И. В. Атопоны Достоевского: к проекту словаря // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 56–75.
16. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
17. Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 202–207.
18. Baker M. A. *Coursebook on translation*. London: St. Jerome Publishing, 1992. 320 p.
19. Klaudy K. *Languages in translation. Lectures on the theory, teaching and practice of translation*. Budapest: Scholastica, 2003. 343 p. DOI: 10.5944/epos.20-21.2004.10492
20. Newmark P. *Approaches to translation*. London: Oxford University Press, 1988. 125 p.
21. Nida E. A. *Contexts in translating*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. 125 p. DOI: 10.5007/6321
22. Venuti L. *The translator's invisibility*. London; New York, 1995. 368 p. DOI: 10.5195/jffp.1997.390
23. Yang W. Brief study in domestication and foreignization in translation // *Journal of Language Teaching and Research*. 2010. Vol. 1 (1). P. 77–80. DOI: 10.4304/jltr.1.1.77-80

Поступила в редакцию 03.02.2022; принята к публикации: 25.07.2022

Original article

Tatyana S. Davidova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
davita5@yandex.ru

SOME DIFFICULTIES OF TRANSLATING FYODOR DOSTOYEVSKY'S WORKS INTO ENGLISH

Abstract. The article deals with the problem of translating into English some features of the lexical structure of Fyodor Dostoyevsky's idiolect that cause certain difficulties in perception. The analysis of two different translations of Dostoyevsky's novel *The Idiot* and a number of short stories revealed so-called atopons (incomprehensible or obscure

text units), which are classified according to the language levels into three groups: lexico-grammatical (agnonyms or semantemes), cognitive (cognemes) and pragmatic (pragmemes). Each of the classes is illustrated by numerous examples and prevailing methods of translation. The research methodology included the comparative method, the method of contextual and component analysis, description and generalization, as well as the technique of a thorough text examination and selective commenting. Culture-specific items (both socio-political and onomastic), phraseological units, low-colloquial words (with reduced stylistic coloring), addresses, modal particles and other linguistic phenomena are subjected to careful scrutiny. The study of agnonyms is particularly focused on individual author's formations – hapaxes used by Dostoyevsky to create a game effect and convey an expressive function. It is concluded that various factors should be taken into account in order to create a proper translation that would evoke the right emotional and esthetic feelings and preserve the national identity of the text.

Key words: atopon, agnonym (semanteme), cogneme, pragmem, hapax, culture-specific items, transcribing, functional analogue, loan translation

For citation: Davidova, T. S. Some difficulties of translating Fyodor Dostoyevsky's works into English. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):27–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.813

REFERENCES

1. Alekseeva, V. N. Problem of translation of a fiction to a foreign language. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2012;1(3):153–155. (In Russ.)
2. Boldyrev, N. N. Problems of verbal communication in cognitive perspective. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2017;2(51):5–14. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-5-14 (In Russ.)
3. Burlakova, M. V. Peculiarities of teaching literary translation to students of pedagogical majors. *Translation in the changing world: Proceedings of the II international research symposium*. Moscow, 2016. P. 104–107. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. S. Introduction into translatology (general and lexical issues). Moscow, 2001. 224 p. (In Russ.)
5. Vlahov, S., Florin, S. The untranslatable in translation. Moscow, 1980. 415 p. (In Russ.)
6. Gadamer, H. G. Language and understanding. *The relevance of the beautiful*. Moscow, 1991. P. 43–59. (In Russ.)
7. Davidova, T. S. Some peculiarities of translating Russian realia into the English language (analyzing the works of Russian writers). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.599 (In Russ.)
8. Kazakova, T. A. Practical issues of translation. Moscow, 2001. 320 p. (In Russ.)
9. Kotsova, E. E. Semantic adaptation of English loan words-agnonyms in Russian lexis. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2019;2:139–146. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-139-146 (In Russ.)
10. Kotsova, E. E. Agnonyms as an object of linguistic reflection in the texts of modern periodicals. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2019;4:82–90. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.4.82 (In Russ.)
11. Latyshev, L. K., Semenov, A. L. Translation: theory, practice and methods of teaching. Moscow, 2003. 192 p. (In Russ.)
12. Levitskaya, T. R., Fiterman, A. M. Theory and practice of translation from English into Russian. Moscow, 1963. 263 p. (In Russ.)
13. Men'kova, N. V. Russian diminutives in English translation of the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita". *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2010;3:174–179. (In Russ.)
14. Ruzhitskaya, E. A., Ruzhitskiy, I. V. For translators of Dostoyevsky. *Translation in the changing world: Proceedings of the II international research symposium*. Moscow, 2016. P. 150–154. (In Russ.)
15. Ruzhitskiy, I. V. Dostoyevsky's atopons: on the dictionary project. *Russian Journal of Lexicography*. 2014;1(5):56–75. (In Russ.)
16. Fedorov, A. V. Fundamentals of the general theory of translation. Moscow, 2002. 348 p. (In Russ.)
17. Shelestyuk, E. V., Gritsenko, E. D. Foreignization/domestication in translation and their linguistic evaluation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2016;4(386):202–207. (In Russ.)
18. Baker, M. A. Coursebook on translation. London, 1992. 320 p.
19. Klaudy, K. Languages in translation. Lectures on the theory, teaching and practice of translation. Budapest, 2003. 343 p. DOI: 10.5944/epos.20-21.2004.10492
20. Newmark, P. Approaches to translation. London, 1988. 125 p.
21. Nida, E. A. Contexts in translating. Amsterdam and Philadelphia, 2001. 125 p. DOI: 10.5007/6321
22. Venuti, L. The translator's invisibility. London, New York, 1995. 368 p. DOI: 10.5195/jffp.1997.390
23. Yang, W. Brief study in domestication and foreignization in translation. *Journal of Language Teaching and Research*. 2010;1(1):77–80. DOI: 10.4304/jltr.1.1.77-80

Received: 3 February, 2022; accepted: 25 July, 2022

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРИХОДЬКО

научный сотрудник

Новозыбковский краеведческий музей (Новозыбков, Российская Федерация)

sapclfl@yandex.ru

КОНЦЕПТ *СМЕХ* В ПОЛЕМИЧЕСКОЙ КНИГЕ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

А н н о т а ц и я . В последнее время наблюдается усиление интереса научного сообщества к ленинскому литературному наследию. Этому, возможно, способствовали следующие события: 2017 год был ознаменован 100-летием Октябрьской революции, в 2020 году отмечалось 150-летие со дня рождения В. И. Ленина, в 2022 году – 100-летие образования СССР. Новое прочтение работ В. И. Ленина предусматривает их анализ не как философских произведений, а как полемических текстов. Материалом исследования послужил текст книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Целью статьи является анализ концепта *смех* как полемического средства В. И. Ленина. Задачи исследования: выявить микроконцептуальный набор макроконцепта *смех*; определить функции концепта *смех*; раскрыть сопутствующие лексико-грамматические полемические инструменты В. И. Ленина; уточнить специфику речевого воздействия ленинского полемического текста. В ходе работы использовались методы количественного, литературного и текстологического анализа, интерпретации и сравнительного анализа. Научная новизна исследования состоит в том, что ленинский текст анализируется через призму лингвоконцептуального подхода. В статье представлена палитра полемических приемов В. И. Ленина, определяется контекстуальное значение каждого из них. Высмеивание, выступающее в качестве риторического инструмента, автор определяет как метод речевого суггестивного воздействия на читательскую аудиторию, который является частью стратегии самопрезентации.

Ключевые слова: концепт *смех*, полемическая книга «Материализм и эмпириокритицизм», русская национальная концептосфера, самопрезентация, самопрезентант, макроконцепт, микроконцепт, концепты В. И. Ленина

Для цитирования: Приходько С. А. Концепт *смех* в полемической книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 34–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.814

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX и XXI веков яркой тенденцией развития гуманитарной сферы стало взаимное проникновение научного знания. Лингвистика находит применение в культурологических и политических исследованиях, которые ускоряют свое развитие посредством науки о языке. Известно, что язык представляет собой основу культуры [15: 220]. В этом отношении можно упомянуть, что теория дискурса интегрирует культурологию и психологию, с которыми неразрывно связан смех как положительная эмоция индивида.

Мышление человека функционирует при помощи универсальных предметных кодов, которые формируют словесные концепты [17: 288]. Концепт является фрагментом концептуальной картины мира [20: 170]. Он представляет собой многослойный феномен, поэтому существуют его различные трактовки. Концепт

изучается более чем десятью гуманитарными науками: он в полной мере реализует идею междисциплинарного подхода [17], [22]. Концепция определяется как система взглядов на что-либо, основная мысль чего-либо¹.

Российские и зарубежные лингвисты проявляют интерес к концептам [1], [4], [6], [7], [13], [15], [19], [22], [23]. Концепты юмора также находятся в фокусе внимания многих исследователей [3], [8], [16], [18], [20], [21].

Различным видам юмора в творчестве В. И. Ленина посвящены многие публикации. Часто триггером его печатных выступлений становились книги эмпириокритиков или их публичные речи. Почти век назад в процессе исследований было установлено, что сарказм является атрибутом полемического дискурса В. И. Ленина². В своих книгах и статьях В. И. Ленин не столько излагает, сколько высмеивает, нападает, обличает и проклинает [23: 171]. Применение

юмористического замечания как полемического приема объясняется следующим образом:

«Если оратор предполагает, что аудитория относится к нему дружески, наилучшим способом привлечь внимание, настроить аудиторию на нужный лад является юмор» [12: 142].

Обращение В. И. Ленина к лексико-семантическому полю «смех» продиктовано тем, что концепт *смех* относится к категории базовых (универсальных) в русской национальной концептосфере. Прием высмеивания широко представлен в полемике, которую В. И. Ленин ведет на рубеже XIX и XX столетий с идеалистическим сообществом Российской империи. Полемическая детерминация предопределяет полифункциональный характер концепта *смех*, расширяя его границы в ленинской словесности.

Целью настоящей статьи является анализ концепта *смех* как полемического средства В. И. Ленина. Задачами исследования являются: выявление микроконцептуального набора макроконцепта *смех*; определение функции концепта *смех*; раскрытие сопутствующих лексико-грамматических полемических инструментов В. И. Ленина; уточнение специфики речевого воздействия ленинского полемического текста.

Самопрезентация предполагает представление человеком себя в наилучшем свете. Выступающий в роли самопрезентанта В. И. Ленин стремится произвести благоприятное впечатление на адресата – читателя. Самопрезентант в процессе отсроченного диалога оценивает себя как личность и описывает качества собственной полемической позиции, предполагая, что они являются важными для получателя информации, но исходя из своей интенции [9: 7]. В полемическом контексте В. И. Ленин излагает в позитивном ключе материалистическую концепцию и комплиментарно характеризует ее основоположников и сторонников.

В своем полемическом дискурсе В. И. Ленин задействует сходные по смыслу пословицы в различных значениях. В то же время поговорки и пословицы, идиомы и крылатые слова часто выступают в его полемических текстах и в своем исконном значении. Поговорки и пословицы являются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете русского народа, отражают идеологию и общественный строй дореволюционной эпохи. В таких случаях пласт поговорок и пословиц вносит в текст оживление и придает оттенки иронии, юмора, помогая усваивать какую-либо критику [2: 19–21]. Органической частью полемической работы «Материализм и эмпириокритицизм» признана ирония [20: 62–65],

во многих контекстах представленная в форме народной мудрости [14: 8–9]. Безусловно, в других трудах В. И. Ленина также реализован прием высмеивания [12: 257–261]. К примеру, юмористические концепты репрезентированы в ленинском публицистическом дискурсе [5], [10], [11].

Макроконцепт *смех* вербализуется в полемической словесности В. И. Ленина с помощью различных микроконцептов, реализующих те или иные оттенки смеха. В ряде контекстов в полемической книге «Материализм и эмпириокритицизм» микроконцепты смеха являются многофункциональными. К примеру, функция обращения к воображаемому адресату всегда предусматривает усиление его внимания к аргументу, выводу или тезису и часто представляет собой повтор элемента, служащего краеугольным камнем в ленинской системе доказательства.

МИКРОКОНЦЕПТ ВЫСМЕИВАНИЕ

Глагольная форма. Функция обвинения

После риторического вопроса В. И. Ленин использует концепт *высмеивание*, обвиняя немецкого идеолога И. Дицгена в отсутствии понимания диалектики:

«Почему Энгельс говорит здесь о “плоскостях”? Потому, что он опровергает и **высмеивает** догматического, метафизического материалиста Дюринга, который не умел применить диалектики к вопросу об отношении между абсолютной и относительной истиной»³ (143).

В отличие от предыдущего контекста, В. И. Ленин репрезентирует концепт не в ответном утверждении, а в предварительном выводе, затрагивая только отечественных мыслителей:

«“Чистый” эмпириокритик Валентинов выписал плехановское примечание и публично протанцевал канкан, **высмеивая** то, что Плеханов не назвал писателя и не объяснил, в чем дело» (166).

Вспомогательная ирония выражена в данном кейсе посредством лексемы «чистый». Также глава большевиков использует прием преувеличения, чтобы описать поведение Н. В. Валентинова («публично протанцевать канкан»). Данный вид танца был известен в Европе еще в середине XIX века, поэтому В. И. Ленин выбирает его в качестве иллюстративной реалии, запускающей процесс высмеивания.

После прямой цитаты работы А. А. Богданова снова заметна защита позиции Ф. Энгельса, организованная В. И. Лениным. Как и ранее, он трактует речевое поведение идеалиста А. А. Богданова как высмеивание:

«Как “сакраментальную” формулу, **высмеивает** здесь Богданов известное нам положение Энгельса, ко-

торого, однако, он дипломатично обходит! С Энгельсом мы не расходимся, ничего подобного...» (243).

Сопутствующая ирония обозначена лексической единицей «сакраментальный». Нотки иронии в отношении идеалистической доктрины снова зафиксированы в начале предложения.

Функция противопоставления

В процессе обороны теории Г. В. Плеханова, первого пропагандиста марксизма в России, В. И. Ленин предлагает В. А. Базарову изменить свою философскую позицию:

«Базаров **высмеивает** этот иероглифический материализм, и необходимо отметить, что он был бы прав, если бы отвергал материализм иероглифический в пользу материализма неиероглифического» (250).

В обозначенном контекстуальном поле локализованы противопоставление различных видов материализма и указание на перспективу, на выход из неприятной ситуации. Повторяемые лексические элементы («иероглифический материализм», «бы») служат провайдерами интенции высмеивания, акцентируя внимание получателя текстовой информации.

Ниже В. И. Ленин приводит фрагмент текста немецкого философа Е. Дюринга и начинает его разбор риторическим вопросом, а затем разграничивает ошибочную и правильную части в анализируемом сочинении:

«За это ли критиковал Дюринга Энгельс? Нет. Он **высмеивал** всякую напыщенность, но в признании объективной закономерности природы, отражаемой сознанием, Энгельс вполне сходил с Дюрингом, как и со всяким другим материалистом» (259).

Помимо противопоставления, В. И. Ленин очерчивает возможности ведения диалога между сторонниками материалистической картины мира.

Именная форма. Функция объяснения

После экскурса в историю философии XIX столетия и объяснения пути развития материализма В. И. Ленин посредством оценки указывает, что К. Маркс и Ф. Энгельс нашли отклонения от здравого смысла в положениях Е. Дюринга:

«И Маркс с Энгельсом и И. Дицген выступили на философское поприще тогда, когда в передовой интеллигенции вообще, в рабочих кругах в частности, царил материализм. Совершенно естественно поэтому, что не на повторение старого обратили все свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое развитие материализма, на применение его к истории, т. е. на достраивание здания материалистической философии доверху. Совершенно естественно, что они ограничивались в области гносеологии исправлением ошибок

Фейербаха, **высмеиванием** пошлостей у материалиста Дюринга» (260).

Синтаксические параллели («совершенно естественно, что») должны вызывать у адресата понимание безусловной истинности тезисов основоположников материалистического учения, а также И. Дицгена, поддерживающего их философскую систему, и признание огрехов (маркер общей оценки «ошибки» и указатель негативно-го отношения «пошлости») в умозаключениях Л. Фейербаха и Е. Дюринга.

В следующем примере В. И. Ленин критикует позицию Ф. Блей. В самом начале заключительного пункта репрезентирован концепт *высмеивание*, поскольку он является точкой отсчета в данном разборе В. И. Ленина:

«Шестой “довод”: **высмеивание** “объективной” истины. Блей сразу почуял, и почуял совершенно справедливо, что исторический материализм и все экономическое учение Маркса насквозь пропитаны признанием объективной истины. И Блей правильно выразил тенденции доктрины Маха и Авенариуса, когда он “с порога”, что называется, отверг марксизм именно за идею объективной истины, – когда он сразу объявил, что ничего, кроме “субъективных” взглядов Маркса, на деле за учением марксизма не скрывается» (344).

Локализованные в сложноподчиненном предложении лексические повторы (разговорный уничижающий глагол «почуять» и литературный нейтральный номинатив «марксизм») призваны усилить внимание адресата к краеугольным понятиям полемического дискурса. Прием контраста («объективная истина» и «субъективные взгляды»), усиленный приемом введения идиомы («отвергнуть с порога»), делает ленинский вывод запоминающимся и целостным.

МИКРОКОНЦЕПТ КЛОУН (ШУТ)

Функция объяснения

Отличительной чертой следующего контекста является прием генерализации. Если в предыдущих контекстах В. И. Ленин высмеивает конкретного оппонента, то далее фиксируется высмеивающее обобщение:

«Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии, вопрос, который может быть переряжен на тысячи ладов **клоунами-профессорами**, но который не может устареть, как не может устареть вопрос о том, является ли источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние» (140–141).

Анализируя оттенки многострадального «вопроса», В. И. Ленин плавно переходит от его сути к собственной интерпретации, включающей прием гиперболы («на тысячи ладов»). Лексические («материя», «познание») и синтаксические («вопрос о», «вопрос, который», «не может устареть») повторы раскрывают нюансы философской ситуации, так и не решенной идеалистическими горе-мыслителями, как указано автором, за всю историю философии.

Функция обращения к адресату

Вступление в изложение системы аргументации Ф. Блея включает в себя еще одно обобщение, сочетающее развернутую оценку и апеллятивы, подчеркивающие уважение к аудитории. В. И. Ленин имплицитно просит у адресата прощения за причиненные неудобства:

«Читатель, вероятно, негодует на нас за то, что мы так долго цитируем эту невероятно пошлую галиматью, это квазиученое **шутовство** в костюме терминологии Авенариуса. А философский журнал Р. Авенариуса – настоящая вражеская страна для марксистов. И мы приглашаем читателя преодолеть на минуту законное отвращение к **клоунам** буржуазной науки и проанализировать аргументацию ученика и сотрудника Авенариуса» (342).

Если первое предложение частично является предположением, то последующие структуры – абсолютными утверждениями, насыщенными категорическими определениями. Начиная предложения с союзов, В. И. Ленин концентрирует читательское внимание на новых смыслах своих разоблачений. Кроме синтаксических повторов, лидер большевиков использовал вводное слово «вероятно», приемы апелляции к аудитории и отрицательной оценки («невероятно пошлая галиматья», «настоящая вражеская страна для марксистов», «законное отвращение»). От высмеивания идеалистической доктрины в целом В. И. Ленин переходит к сужению философской проблематики – анализу утверждений ее отдельного сторонника, воплощая в тексте прием конкретизации.

Функция подведения итога

Возмущение идеями немецкого махиста Р. Вилли передается в книге В. И. Ленина с помощью начальных оценочных средств, отсылающих к образу циркового шута, и финального фразеологического оборота. В этом и последующих примерах В. И. Ленин рисует портрет оппонента, обозначая качества его одежды:

«Понятно, что за подобного обскуранта, наряженно-го в **шутовской** костюм модного позитивиста, ухватились обеими руками имманенты» (373).

Рисуемый образ недалекого человека позволяет внушить, что не следует учитывать его мнение:

в этом заключается механизм суггестивного речевого воздействия на адресата. Перебрасывая мостик благодаря эпитетам от своего антагониста к его единомышленникам, В. И. Ленин не только Р. Вилли дискредитирует, подавая как шута, но и его сторонников маркирует как не заслуживающих доверия людей, которые являются создателями псевдофилософии, противостоящей материалистическому подходу.

МИКРОКОНЦЕПТ ШУТКА

Функция эксплицитного обращения к адресату

Кроме приема скрытой апелляции, в полемическом дискурсе В. И. Ленина неоднократно зафиксирован прием открытого обращения к читателю, манифестированный после фрагмента какого-либо идеалистического труда. Концепт *шутка* вербализуется в повелительной форме («не шутите!»). В каждом полемическом контексте В. И. Ленин предваряет цитату кратким или развернутым призывом к читательской аудитории («слушайте» и «а вот вам отзыв»), чтобы усилить удары по идеалистической квазисистеме.

В первом контексте руководитель большевиков одновременно критикует положения двух немецких субъективистов – И. Петцольда и Г. Корнелиуса с помощью экспрессивных по своей семантике оценочных единиц, которые повторяются («фальшь») или нет («перл» с усилителем «прямо»), обозначая противоречия между носителями идеализма:

«Петцольдт без предупреждений заметил фальшь Корнелиуса, но его способ борьбы с этой фальшью – прямо перл. Слушайте: “Утверждать, что мир есть представление” (как утверждают идеалисты, с которыми мы воюем, **не шутите!**), “имеет смысл только тогда, если этим хотят сказать, что он есть представление говорящего или хотя бы всех говорящих (высказывающих), т. е. что он зависит в своем существовании исключительно от мышления этого лица или этих лиц: мир существует лишь поскольку это лицо его мыслит, и когда оно его не мыслит, мир не существует”» (237).

Сосредоточенные в приведенном предложении обращения отличаются друг от друга по смыслу. Если первый апеллятив манифестирует призыв к адресату, функционально являющийся распоряжением (глагол в форме повелительного наклонения), то второе обращение представляет собой именно расшифровку мнений идеалистических философов и позиций материалистов в полемическом столкновении, а не приказ, хотя и в нем присутствует глагол в форме императива. Также в данной ремарке сосредоточены многочисленные средства повтора, не выражающие эмоционального отношения автора-полемиста («мир», «есть», «представление», «этот», «говорящий», «существовать», «мыслить»). На-

низывание придаточных структур позволяет В. И. Ленину тщательно разобрать идеалистические словесные трюки, установить логическую ошибку «порочный круг»: по мнению главы русских материалистов, бесполезно опровергать суррогатные идеи посредством фальшивых тезисов.

Во втором контексте В. И. Ленин комбинирует множественные оценочные словосочетания и иронические уточнения, частично взятые в кавычки. Указывая на схоластические порядки идеалистов, В. И. Ленин доказывает, что их система является эрзац-философией:

«Понятна бессильная злоба философов против этого всесильного материализма. Мы привели выше отзыв “истинно русского” Лопатина. А вот вам отзыв г. Рудольфа Вилли, самого передового “эмпириокритика”, непримиримо враждебного идеализму (**не шутите!**): “хаотическая смесь некоторых естественноисторических законов, например, закона сохранения энергии и т. п., с рядом схоластических традиций насчет субстанции и вещи в себе”» (377–378).

Как и в предшествующей цитате, В. И. Ленин берет в скобки второй аппеллятив в восклицательной форме. В отличие от предыдущего примера, полемист не включает высмеивающее обращение к адресату в уточняющий оборот. Негативная оценка выражается с помощью словосочетаний «хаотическая смесь законов» и «ряд схоластических традиций». Словосочетания «бессильная злоба» и «всесильный материализм», репрезентированные в одном простом предложении в рамках приема контрастного изложения, позволяют объяснить даже далекому от философской науки читателю преимущество авторских (материалистических) идей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В полемической книге «Материализм и эмпириокритицизм» микроконцепты смеха во многих контекстах являются многофункциональными. Функция обращения к адресату всегда предусматривает усиление его внимания к аргументу, выводу или тезису и часто представляет собой повтор элемента, служащего главным звеном в цепи доводов В. И. Ленина. Набор микроконцептов в ленинской архитектонике обладает оценочной семантикой. Статистические данные подтверждают, что в работе «Материализм и эмпириокритицизм» превалирует негативная оценка. С помощью концепта *смех* В. И. Ленин выстраивает позитивную модель своих философских представлений. Смех позволяет: 1) смягчить проявленную в процессе критики речевую агрессию; 2) упростить налаживание доброжелательного и даже доверительного диалога; 3) показать широкой аудитории привычные понятия

с новой стороны, скрытой традиционным серьезным подходом.

Концепты В. И. Ленина образуют его полемически ориентированную индивидуальную концептосферу. Лексико-синтаксический анализ позволяет утверждать, что в книге «Материализм и эмпириокритицизм» легко распознать и проследить подробное самоописание (теории К. Маркса и Ф. Энгельса) и развернутое развенчание (учения Р. Авенариуса и Э. Маха). Таким образом, В. И. Ленин проводит большую двустороннюю разнонаправленную работу с противоречащими друг другу, но вместе с тем исключительно влиятельными в дореволюционном обществе концептосферами. Выставляя те или иные аспекты учения оппонентов на смех, полемист многократно подталкивает читательскую аудиторию к выводу, что догматы идеалистов представляют собой набор псевдофилософских мыслей, а не стройную систему. Чтобы обеспечить такой результат, он в ходе речевого воздействия раскрывает материалистическую картину мира, подбирая образы, наиболее распространенные в массовом сознании и вызывающие устойчивую реакцию почти у каждого человека. Эту закономерность в концептосфере В. И. Ленина можно объяснить следующим принципом вербального влияния: в качестве психического образования феномен важен как для индивидуума, так и для коллектива.

В ходе анализа текста «Материализм и эмпириокритицизм» было установлено, что концепт *смех* представлен в 21 контексте. Он репрезентирован различными частями речи: глаголом (9 случаев), существительным (7), наречием (3), прилагательным (2): «высмеивать» (7) и «шутить» (2); «высмеивание» (2) и «клоуны» (2), «шутники» (2) и «шутство» (1); «смешно» (3); «смешной» (2 случая употребления). Максимальным разнообразием среди репрезентантов концепта *смех* отличаются существительные, хотя глаголы имеют наибольшую частотность.

В момент опосредованного общения с адресатом В. И. Ленин использует смеховой язык в качестве инструмента, вызывающего у собеседника семантический перенос. В сознании читателя ленинский юмор вызывал положительную оценку материалистической теории и отрицательную оценку идеалистических позиций. После многократного запуска в сознании читателя цепочки концептов, вызывающих к жизни совокупность социокультурных отношений, В. И. Ленин рассчитывает на апперцепцию, формирование установок и стереотипов, служащих условиями достижения необходимого результата.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Оникс: Мир и образование, 2005. С. 375.
- ² Финкель А. М. О языке и стиле В. И. Ленина. Вып. 1. Харьков: Пролетарий, 1925. 103 с.
- ³ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1989. 508 с. В круглых скобках указаны страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедова З. М. Концепт времени в когнитивном аспекте в английском языке // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 1. С. 5–12.
2. Бабушкин Н. Ф. Фразеологические обороты в сочинениях В. И. Ленина (пословицы, поговорки, крылатые слова) // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. I. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 5–21.
3. Горностаева А. А. Прагматика иронии в современном политическом дискурсе (на примере русского и английского языков) // Филология и культура. 2018. № 2 (52). С. 24–30.
4. Грошева А. В. Политико-институциональные концепты в российских медиа: к определению понятия // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 1. С. 184–191.
5. Зиновьева В. Г. Библеизмы как средство сатиры в работах В. И. Ленина // Ученые записки Намаганского педагогического института. Серия вопросов языка и литературы. 1967. С. 29–34.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Колесов В. В. Основы концептологии. М.: Златоуст, 2019. 776 с.
8. Кошелев А. Д. О природе комического и функции смеха // Язык в движении. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 277–326.
9. Кулинич Е. В. Специфика самопрезентации как коммуникативного явления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299 (1). С. 7–10.
10. Наумов К. В. Пародия в ленинской публицистике // Русская речь. 1989. № 2. С. 12–16.
11. Наумов К. В., Силина В. И. Речевые средства юмора в публицистике В. И. Ленина // Русская речь. 1987. № 2. С. 19–24.
12. Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства (Методика лекторского мастерства и ораторского искусства). М.: Знание, 1981. 352 с.
13. Пименова Н. В. Концепты правда и истина и способы их объективации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 61–68.
14. Полюхов Н. М. Великий образец живого слова (К 50-летию выхода в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм») // Русский язык в школе. 1959. № 5. С. 6–11.
15. Самситова Л. Х., Ташбулатова Р. М. Концепт в современной лингвистической литературе: основные подходы и направления его изучения // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. 2015. Т. 20, № 1. С. 220–226.
16. Суровегина Д. И. Концепт смеха в прагмалингвистике (к вопросу о речевой комической ситуации) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 62–69.
17. Татарская Д. А. Понятие «концепт» в системе наук о культуре // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4. С. 287–293.
18. Тру Х. Энергия смеха // Секреты ораторского мастерства. Минск: Попурри, 2003. С. 47–56.
19. Турбина О. А. Концепт как объект лингвистической науки // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10, № 1. С. 59–64.
20. Фефелова Г. Г. Языковые средства выражения комического в юмористическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9, Ч. 2. С. 170–173.
21. Храменко Д. С. Ирония и юмор как дискурсивные механизмы прагматического воздействия (на материале англоязычных деловых публикаций СМИ) // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 4. С. 70–75.
22. Шулятиков И. С. Термин «концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 98–102.
23. Яров С. В. Риторика вождей: В. И. Ленин и И. В. Сталин как ораторы // Звезда. 2007. № 11. С. 168–179.

Поступила в редакцию 24.05.2021; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Sergey A. Prikhodko, Researcher, Novozybkov Museum of Local Lore (Novozybkov, Russian Federation)
sapclfl@yandex.ru

THE CONCEPT OF LAUGHTER IN VLADIMIR LENIN'S POLEMIC BOOK MATERIALISM AND EMPIRIO-CRITICISM

Abstract. The year 2017 was marked by the 100th anniversary of the October Revolution, in 2020 Vladimir Lenin's 150th anniversary was celebrated, in 2022 the 100th anniversary of the USSR formation was celebrated, so interest in Lenin's literary heritage is increasing among Russian scholars. A new reading of Lenin's books provides for studying

them not as philosophical works, but as polemic texts. The material for the research was drawn from Lenin's treatise *Materialism and Empirio-Criticism*. The purpose of this article is to analyze the concept of *laughter* as Lenin's polemic tool. The research objectives are to identify the micro-conceptual set of the *laughter* macro-concept; to determine the functions of the studied concept; to reveal Lenin's accompanying grammatical and lexical polemic tools; and to clarify the specific speech impact of Lenin's polemic text. The author used the methods of literary and textual analysis, interpretation and comparative analysis. The research novelty is in the fact that this study analyzes Lenin's text through the prism of the linguoconceptological approach. The author unfolds before the reader a set of Lenin's polemic techniques, defining the contextual meaning of each of them. The author defines the technique of derision as a rhetorical tool and a method of verbal suggestive influence on the audience, which also can be qualified as a part of the self-presentation strategy.

Keywords: concept of *laughter*, polemic book *Materialism and Empirio-Criticism*, Russian national sphere of concepts, self-presentation, self-presentant, macro-concept, micro-concept, Vladimir Lenin's concepts

For citation: Prihodko, S. A. The concept of *laughter* in Vladimir Lenin's polemic book *Materialism and Empirio-Criticism*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):34–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.814

REFERENCES

1. Ahmedova, Z. M. The concept of time in the cognitive aspect in English. *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev*. 2019;1(1):5–12. (In Russ.)
2. Babushkin, N. F. Phraseological structures in Vladimir Lenin's works (proverbs, sayings, winged words). *Russian folklore. Materials and research*. Vol. 1. Moscow, Leningrad, 1956. P. 5–21. (In Russ.)
3. Gornostaeva, A. A. The pragmatics of irony in modern political discourse (based on the English and Russian languages). *Philology and Culture*. 2018;2(52):24–30. (In Russ.)
4. Grosheva, A. V. Political-institutional concepts in Russian media: define of the term. *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev*. 2019;1(1):184–191. (In Russ.)
5. Zinov'eva, V. G. Bibleisms as a means of satire in Vladimir Lenin's works. *Proceedings of the Namangan Pedagogical Institute. Series: Issues of Language and Literature Studies*. 1967:29–34. (In Russ.)
6. Karasik, V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd, 2002. 477 p. (In Russ.)
7. Kolesov, V. V. Basic conceptology. Moscow, 2019. 776 p. (In Russ.)
8. Koshelev, A. D. On the nature of the comic and the function of laughter. *Language in motion*. Moscow, 2007. P. 277–326. (In Russ.)
9. Kulinich, E. V. Characteristic of self-presentation as a communicative phenomenon. *Bulletin Tomsk State University Journal*. 2007;299(1):7–10. (In Russ.)
10. Naumov, K. V. Parody in Vladimir Lenin's journalistic papers. *Russian Speech*. 1989;2:12–16. (In Russ.)
11. Naumov, K. V., Silina, V. I. Speech means of humor in Vladimir Lenin's journalistic papers. *Russian Speech*. 1987;2:19–24. (In Russ.)
12. Nozhin, E. A. Basic Soviet public speaking skills (Methods of lecturing and public speaking). Moscow, 1981. 352 p. (In Russ.)
13. Pimenova, N. V. Concepts "pravda" (truth) and "istina" (truth) and means of their language representation. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2011;13:61–68. (In Russ.)
14. Polukhov, N. M. A great example of the vivid word (celebrating the 50th anniversary of the publication of Vladimir Lenin's book *Materialism and Empirio-Criticism*). *Russian Language at School*. 1959;5:6–11. (In Russ.)
15. Samsitova, L. H., Tashbulatova, R. M. The definition, approaches and structure of concepts in the modern linguistic-themed literature. *Bulletin of Bashkir University. Philology and Art History*. 2015;20(1):220–226. (In Russ.)
16. Surovegina, D. I. The concept of laughter pragmalinguistics (on the problem of verbal comic situations). *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 2016;3:62–69. (In Russ.)
17. Tatarskaya, D. A. The idea of "concept" in the studies of culture. *MGIMO Review of International Relations*. 2014;4:287–293. (In Russ.)
18. Tru, H. The energy of laughter. *Secrets of public speaking*. Minsk, 2003. P. 47–56. (In Russ.)
19. Turbina, O. A. Concept as an object of linguistics. *South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*. 2013;10(1):59–64. (In Russ.)
20. Fefelova, G. G. Language means of expressing the comic in humorous discourse. *Philology. Theory and Practice*. 2016;9(2):170–173. (In Russ.)
21. Hramchenko, D. S. Irony and humor as discursive mechanisms of pragmatic impact (based on business articles in mass-media). *Linguistics & Polyglot Studies*. 2017;4:70–75. (In Russ.)
22. Shulyatkov, I. S. The term "concept" in the modern linguistics. *Herald of Vyatka State Humanitarian University*. 2015;12:98–102. (In Russ.)
23. Yarov, S. V. The rhetoric of leaders: Vladimir Lenin and Joseph Stalin as speakers. *Zvezda*. 2007;11:168–179. (In Russ.)

Received: 24 May, 2021; accepted: 25 July, 2022

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ПУКИТА

аспирант кафедры русского языка и речевой культуры высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1345-7547; Pukita2008@yandex.ru

МОРСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ БОГДАНОВА «ПОМОРЫ»

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью функционирования морской профессиональной лексики в Северном тексте русской литературы. Новизна определяется тем, что впервые проанализировано семантическое пространство профессиональной лексики рыбаков и моряков в романе Е. Ф. Богданова «Поморы». Цель исследования – лингвистический анализ морской профессиональной лексики в указанном произведении. Дана классификация морской профессиональной лексики, используемой в контексте, анализируются отобранные слова, дается их лексикографическое и этимологическое описание. Для нашего исследования были использованы описательный и статистический методы, заключающиеся в классификации, лингвистическом обобщении, систематизации и описании собранного материала в составе профессиональной лексики рыбаков и моряков Архангельского Севера. По данным диалектологических, историко-лингвистических и этимологических словарей можно сделать вывод, что исследуемая лексика всегда была в активном запасе русского языка и использовалась в речи людей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : термины, профессионализмы, диалектизмы, Северный текст, Русский Север

Б л а г о д а р н о с т и . Выражаю благодарность своему руководителю А. В. Петрову, доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка и речевой культуры высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пукита А. П. Морская профессиональная лексика в романе Евгения Богданова «Поморы» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.815

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональная лексика моряков и рыбаков Архангельского Севера недостаточно исследована в лингвистике. До недавнего времени не было лексикографической базы для такого исследования, то есть не существовало единого словаря профессиональной лексики моряков и рыбаков. С одной стороны, она отражена в ряде словарей, каждый из которых охватывает лексику отдельного социума, профессия или увлечение которого связаны с морем или рекой (моряков парусного, военно-морского, тралового, торгового флота и др.). Однако многие из этих словарей составлены не лингвистами, а как терминологические справочники самими представителями данной профессии (моряками и рыбаками) или лексикографами-любителями. Это, например, словарь Ф. А. Пономарева «Профессиональная лексика рыболовства» под редакцией Э. Н. Осиповой¹, «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом примене-

нии» И. М. Дурова², «Сказ о Беломорье: Словарь поморских речений» К. П. Гемп³ и другие. Изданный недавно, в 2016 году, второй том «Словаря народно-разговорной речи города Архангельска» (СНРР) (Часть 1. Профессиональная речь моряков и рыбаков / Под ред. проф. Т. А. Сидоровой)⁴ включает в себя не только профессиональную лексику моряков и рыбаков Архангельского Севера, но и устаревшую лексику поморов.

Морская лексика, помимо прямого назначения, играет немаловажную роль в художественном тексте, влияя на систему изобразительно-выразительных средств (метафора, олицетворение, сравнение и т. д.). С этой точки зрения морская лексика стала объектом изучения в работах А. В. Петрова⁵, Е. А. Щегловой⁶, Е. А. Войцовой⁷, С. Н. Ёровой, С. Р. Ахмедовой⁸ и других. Е. Е. Котцова затрагивает вопросы о месте профессиональной лексики как особого социолекта в современном русском языке, не имеющего жестких границ с терминами [1], [2].

В качестве ценного источника для изучения функционирования профессиональной лексики в художественном тексте рассмотрим трилогию Евгения Федоровича Богданова (1923–1999) «Поморы». Ценность этой книги состоит в том, что здесь собран и эффективно использован богатейший языковой материал, дающий возможность в максимальном приближении представить специфику живой речи мезенских поморов [4: 29]. В трилогию входят романы: «Поморы» (1973), состоящий из двух частей («Повесть» и «Поле поморское») и описывающий жизнь поморской деревни Унда в 20–30-е годы XX века, «Берег Розовой Чайки» (1977) – 40-е годы, «Прощайте, паруса!» (1982) – 50–60-е годы.

Проанализируем лексику моряков и рыбаков Севера в романе Евгения Богданова с точки зрения следующих параметров: 1) разграничение официальных терминов и разговорных профессионализмов; 2) сопоставление поморских профессионализмов и поморских диалектизмов; 3) сопоставление исконно русской и иноязычной профессиональной лексики; 4) классификация профессионализмов в соотношении с литературным языком.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ И РАЗГОВОРНЫЕ ПРОФЕССИОНИЗМЫ

Термины – официальные, то есть принятые в рамках определенной научной отрасли, обозначения каких-либо понятий [6: 40]. Когнитивная функция термина определяется наличием у него дефиниции (номинативно-дефинитивная функция): в отличие от профессионализма, термин не только называет понятие, но и выражает его содержание [7: 40]. Термин отличается точностью, однозначностью и эмоционально-экспрессивной нейтральностью [7: 40]. Толкования в словаре морской лексики (СНРР) и терминологическом словаре (МЭС) немного отличаются: СНРР дает определение более кратко, а МЭС – развернуто и с пометой *спец.* См. некоторые примеры:

Грот-мачта (употребляется 1 раз) ‘самая высокая судовая мачта, обычно вторая от носа судна’ (СНРР, 39), ‘*спец.* 2-я от носа и последующие мачты на многомачтовом парусном судне»⁹ (МЭС, 1, 359); **фок-мачта** (употребляется 5 раз) ‘передняя мачта на двух- и более мачтовом корабле, то есть первая, считая от носа к корме’ (СНРР, 175), ‘*спец.* передняя мачта на судне’ (МЭС, 3, 356); **бушприт** (употребляется 1 раз) ‘мор. горизонтальный или наклонный брус, выступающий вперед с носа судна (служит для вынесения вперед носовых парусов)’¹⁰ (МАС, 1, 125), ‘мор. *спец.* горизонтальный или наклонный брус на парусном судне, служащий для носовых парусов’ (МЭС, 1, 196); **стаксель** (употребляется

1 раз) ‘мор. косой треугольный парус’ (МАС, 4, 245); ‘мор. *спец.* треугольный парус, поднятый впереди мачты к носу судна’ (МЭС, 3, 172):

«...гафельная шхуна, имела довольно несложную оснастку: на **фок- и грот-мачтах**, поставленных с наклоном к корме, крепилось по два паруса – косому *гроту* и *фоку* внизу и *топселю* наверху. На **бушприте** – **стаксели**. Команда в восемь человек, включая шкипера, который именовался у Ряхина капитаном, свободно управлялась с парусами в любую погоду»¹¹ («Поморы»: 27)

– в данном фрагменте автор подробно описывает оснастку судна, знакомит читателей со специальной лексикой моряков-рыбаков.

Обвод (употребляется 4 раза) ‘*спец.* шнур, обводящий сетку невода, держащий ее; Сам сетный мешок большого невода’ (СНРР: 94); ‘линия, полоса, шнур (невода, сетки), идущие вокруг чего-либо, очерчивая что-либо»¹⁴ (МЭС, 2, 385):

«Рыбаки увидели, что колья покривились, торчали в разные стороны, и удерживались на сетной дели, местами порванной, закиданной водорослями. Стенка невода да и **обвод** были зелены от ламинарий. Долго возились со снастью – забивали колья, чистили сеть от травы, вынося ее на берег охапками» («Поморы»: 229)

– образовано от глагола несовершенного вида *обводить*; шнур (тонкий канат), проходящий по краю сетки, на который нанизывают поплавки для удержания края невода на поверхности воды.

Профессионализмы – разновидность лексики, которая используется в речи людей, объединенных только по профессиональному признаку (моряки, рыбаки, водители, врачи, учителя и т. д.) [4]. Поскольку профессионализмы – единицы преимущественно устной речи, то их основная функция – коммуникативно-когнитивная. При этом доминирует коммуникативная функция: профессионализмы делают общение неприкрытым и помогают лучше ориентироваться в профессиональной сфере [7: 40]. Профессионализмы – слова с экспрессивными названиями явлений в той или иной профессии, сфере деятельности [2]. См. пример:

Зуёк (употребляется 32 раза) ‘небольшая птица из рода куликовых, обитающая у берегов Белого моря и Северного Ледовитого океана; помор. Мальчик-подросток на промысловом судне’ (СНРР: 51), ‘мальчик-помощник на рыболовном судне. Арх.: Мез., Прим.; птица. Арх.: Пин.»¹² (СГРС, 4, 284):

«– **Зуек** всем от мала до стара подчинялся, совсем был бесправный человек. Бывало, не так что сделаешь – линьком отдерут. И побаловаться не смей! А был я ведь в твоих годах, Родька...» («Поморы»: 24)

– зуйки помогали капитану по судну: мыли палубы, готовили еду для команды, были смотровыми на мачтах, здесь подчеркивается метафо-

ричность: маленькая птичка – мальчик, слово используется в речи героя.

ПОМОРСКИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ И ПОМОРСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ

Среди профессионализмов, полуофициальных наименований, употребляемых преимущественно в разговорной речи, выделяются региональные поморские профессионализмы, которые можно сопоставить с диалектизмами-этнографизмами, обозначающими «местные названия местных вещей», в словарях обычно используется помета *помор.* и *обл.*, иногда *рыболов*. Художественный контекст при этом может содержать развернутые, почти энциклопедические описания (*совик* ‘*помор. обл.* вид традиционной верхней оленьей одежды с капюшоном у народов Севера’ (СНРР, 153)). См. некоторые примеры:

Юровщик (употребляется 10 раз) ‘*помор.* руководитель артели зверобоев’¹³ (Ожегов: 844): «**Юровщик** Анисим, поняв, что Мальгин попал в беду, тотчас послал во льды на спасение товарища две лодки, подвергая немалому риску всю артель» («Поморы»: 10) – ушедший из речи профессионализм-историзм, обозначавший одного их главных участников морского промысла.

Мокреть (употребляется 1 раз) ‘*помор.* сырость’¹⁴ (СРГ, 3, 246): «Тихо, чтобы не разбудить товарищей, Родион оделся и пошел к реке. Погода не радовала: оттепель, **мокреть** с неба» («Поморы»: 182) – мельчайшие капельки ассоциируются с морской пыльной стеной, разбрасываемой сильным ветром во все стороны. В книге присутствует ремарка автора, где он дает значение слову *мокреть*: сырой снег с дождем (мест.). У этого слова есть другой фонетический вариант, который зафиксирован в диалектных словарях: *мокрядь* ‘сырое топкое место со стоячей водой. Арх.: Вин., Карг., К.-Б., Кон., Нянд., Холм.; Влг.: Бабуш., Гряз., М.-Реч.’ (СГРС, 7, 309); *-ядь* в «Грамматике-80» (§ 314) – расценивается как суффикс (*чернядь, пестрядь, мокрядь*)¹⁵.

Хмарь (употребляется 3 раза) ‘*обл.* пелена темных туч; мгла, пелена тумана, снежная хмарь’ (МАС, 4, 608), ‘*диал.* хмурь, хмурость, хмурое настроение (у людей)’¹⁶ (ИЛС, 226), ‘*диал.* пелена тумана, мгла’ [5: 225], ‘*диал.* пелена темных туч, мгла, пелена тумана’¹⁷ (Самотик, 358): «Вскоре с северо-запада стала надвигаться сизая **хмарь**, и подул холодный, резкий ветер» («Поморы»: 234) – оценочным прилагательным *сизая* подчеркивается образ огромной силы северного тумана. У данного слова есть другой фонетический вариант, который зафиксирован в диалектных словарях: *хмара (хмарь)* ‘темная туча, облако. Выст. Тихв.’ (СРГ, 6, 723), ‘темная большая туча. Нюкс. Крас.’¹⁸ (СВГ, 11, 193).

ИСКОННО РУССКАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ИНОЯЗЫЧНАЯ

К исконно русской профессиональной лексике относятся слова, образованные в русском языке в разные периоды его становления. См. некоторые примеры:

Лодья (употребляется 3 раза) ‘*устар.* парусно-весельное судно VI–XIII вв., приспособленное как для речного, так и для дальнего морского плавания’ (СНРР: 67):

«Казалось, навсегда прошли времена, когда **лодья** Родиона Иванова, отважного морехода, бороздила воды близ северной оконечности Новой Земли. Еще в 1690 году он добыл у Шараповых Кошек 40 пудов моржовых клыков» («Поморы»: 60)

– роман затрагивает несколько исторических событий России (коллективизация, Вторая мировая война), поэтому вполне уместен исторический профессионализм, который понятен современным читателям, но создает исторический региональный колорит, ощущение правдивости описания. Ср.: 1. ‘*устар.* Лодка, судно. 2. *устар.* и *обл.* Гребное или парусное судно’¹⁹ (БАС, 6, 30); ‘*устар.* Судно, большая гребная и парусная лодка’ (МАС, 4, 160); ‘*устар., книж., поэт.* большая лодка, корабль’²⁰ (ИЭС, 1, 463).

Можно предположить, что в историю ушли некоторые наименования людей, участников морского промысла, например:

Покрученник (употребляется 6 раз) ‘наемный охотник на тюленя’ (СРГ, 5, 47), ‘*устар.* наемный работник, находящийся на каком-либо хозяйстве, охоте’ (ИЭС, 2, 50):

«Шел он на шхуне Никиты Чухина, отца мелко-го торговца Обросима, которого в тридцатом году раскулачили да выслали из села. Судно новое, трехмачтовик. В команде десять **покрученников** из Унды» («Поморы»: 319)

– от *покрученника* было образовано слово **покрут** (работа на промысле, на кабальных условиях по найму, на судовладельца – помора-рыбника) (СРГ, 5, 194).

Для морской лексики характерны заимствования из разных языков мира – голландского (нидерландского), немецкого и латинского. См. некоторые примеры:

Форштевень (употребляется 1 раз) ‘*флотск., морск., стар., форштевен.*, дерево, составляющее переднюю оконечность судна’; ‘из голл. *voorsteven*, нж.-нем. *vorstev* – попереду’²¹ (Фасмер, 4, 205):

«Корпус ледокольного парохода чуть вздрагивал от работы двигателя. Лошадиные силы железной машины яростно боролись со льдом. “Садко” то отступал задним ходом, то снова обрушивался **форштевнем** на зеленоватые на изломе глыбы, обламывал, колол их многотонной тяжестью» («Поморы»: 192)

– автор использует оценочное существительное *махина*, глаголы *обрушивался*, *обламывал*, *колот*, создавая образ огромного морского судна.

Фальшборт (употребляется 7 раз) ‘продолжение борта выше открытой верхней палубы, служащее ограждением краев палубы, предохраняющим от заливания водой и от падения за борт’ (СНРР: 173), ‘из нем. falschbord – фальшивый борт’ (Фасмер, 4, 184); **якорь** (употребляется 35 раз) ‘приспособление для удержания судна или лодки на месте’ (СНРР: 191), ‘металлический стержень с лапами, укрепленный на цепи и опускаемый на дно для удержания на месте судна, бакена, плавучего маяка; встречается в др.-рус. языке с 907 года: акори и акорь, из варяжского *akkari, восходящего при посредстве лат. апсога к др.-греч. ἄκυρα, ἄκυρη ‘якорь’, производному с суф. -ига от и.-е. корня *ank- ‘изгиб, крюк’ (Фасмер, 4, 573); **рубка** (употребляется 46 раз) ‘служебное закрытое помещение на верхней палубе, предназначенное для расположения командных пунктов, систем, приборов управления’ (СНРР: 137), ‘помещение на корабле, из голл. goef – каюта’ (Фасмер, 2, 511); **штурвал** (употребляется 26 раз) ‘рулевое колесо, с помощью которого управляют судном’ (СНРР: 187), происходит из *штур* ‘руль’ от голл. stuur ‘руль’ + вал, но на нем. steuerwelle ‘вал, на котором укреплен штурвал’, старое название *штурвала* – *стюрат* в эпоху Петра I (Фасмер, 4, 481):

«Став у фальшборта, он [Родька] упер руки в бока и глянул на мачты, на свернутые паруса. Вот бы сейчас распустить их, вытащить якорь, кинуться в рубку и взять в руки штурвал! Справился бы он один со шхуной? Нет, вряд ли...» («Поморы»: 29)

– автор показывает образ юного мальчишки-зуйка, который стремится к своей большой мечте стать моряком, как его отец Елисей, погибший в северных водах, и поэтому примеряет на себя роль моряка, а также оценивает свои силы.

Классификация по соотношению с литературным языком: собственно лексические, лексико-семантические, лексико-словообразовательные, лексико-фонетические, лексико-грамматические профессионализмы. Интересно употребление в романе лексико-семантических профессионализмов, представляющих собой омоним общеупотребительного слова:

Кошка (употребляется 4 раза) ‘*помор.* небольшой якорь особой формы с тремя-четырьмя лапами, закругленными вовнутрь’ (СНРР: 63); ‘домашнее млекопитающее животное’ (Ожегов, 264); ‘железный крюк, используемый для разных хозяйственных нужд. *Арх.: Карг., К-Б., Котл.*; шест с крючками для ловли рыбы. *Влг.: Бабуш., Ник.*’ (СГРС, 6, 127):

«Поздним вечером, когда на льду не было ни души, дед взял железную кошку, привязал к ней конец и вместе с Феклой, которая прихватила пешню, отправился на реку. – Показывай твои лунки, – сказал он. Фекла указала. Дед сломал пешней намерзший на лунке лед и опустил в воду свое приспособление. Кошка сразу за что-то зацепилась. – Ключуло, – дед стал осторожно тянуть кошку из воды. – Тя-же-е-е-лая рыбина попалась. Не упустишь бы!» («Поморы»: 289)

– в представленном фрагменте автор описывает орудие для ловли рыбы. Небольшие кошки использовались для очистки колодцев и поиска предметов под водой, кошки более крупных размеров применялись на судах. Слово происходит из саамского диалекта koške ‘сухой’ или из коми koś (košk) ‘каменистые пороги при спаде воды’ (Фасмер, 2, 360).

Ярус (употребляется 5 раз) ‘*рыболов. помор.* рыболовная снасть в виде длинной веревки с крючками, используемая в основном для ловли трески и палтуса’ (СНРР, 192): *«Ходил под парусами в Архангельск да на Мурман, ловил треску ярусами, понемногу расширяя промысел»* («Поморы»: 14) – одна из больших рыболовных снастей, которая используется также при океанической ловле кальмаров, крабов и даже хищных рыб. Слово заимствовано из др.-сканд. jarðhús ‘жилище в земле, подвал, погреб, подземный ход’; по мнению И. Ю. Микколы, слово происходит из саамского диалекта, но источник не указан (Фасмер, 4, 562).

Значительную часть лексики моряков и рыбаков Архангельского Севера составляют семантические профессионализмы – известные слова, обладающие особыми профессиональными значениями, называющие предметы и явления, относящиеся к лексике рыболовов. См. пример:

Кошельковый невод (употребляется 3 раза) ‘то же, что кошелек’ (СНРР: 63); **кошелек** ‘*рыбачк.* Сеть больших размеров, верхняя подпора которой снабжена поплавками, а нижняя – грузилами и большими металлическими кольцами, через которые продевается стягивающий трос; то же, что кошельковый невод’ (СНРР: 63), ‘сеть большим размером. *Севмор*’ (СРГ, 3, 5): *«– Вавила ходил на Мурман, то бишь в Норвегию с кошельковым неводом. Он в целости и сохранности»* («Поморы»: 57) – одна из крупных морских сетей, напоминающая большой толстый кошелек, используется на крупных морских сейнерах, предназначенных для ловли нескольких тонн рыбы. Слово из речи героя.

У лексико-словообразовательных профессионализмов обычно прозрачная внутренняя форма:

Долблёнка (употребляется 2 раза) ‘*рыболов., помор.* легкая лодка, выдолбленная из осиновой колоды’ (СНРР: 43), ‘лодка, выдолбленная из ствола дерева. *Уст.*’ (СРГ, 1: 474): *«Долбленка причали-*

ла к берегу. Дорофей помог ее вытащить и опрокинуть снова» («Поморы»: 55) – отглагольное существительное *долбить* → *долбенка*, образовано с помощью суффикса -ёнк, чередование б/бл.

Специфику северной суровой природы передают собственно лексические профессионализмы.

Торос (употребляется 17 раз) ‘нагромождение льдин, обычно смерзшихся, в виде отдельных скоплений, гряд’ (СНРР: 164):

«Утром он почувствовал голод. Голод и безвыходность своего положения: с одного края льдины – развядье чуть ли не в полверсты, с другого – ледяное крошево, а вдалеке – торосы» («Поморы»: 8)

– суровые северные торосы обычно вырастают до 10–15 метров в высоту, образуя при этом огромную ледяную гору, которую хорошо видно издали. По Фасмеру, ‘нагромождение льда на реке или на берегу моря’, отсюда *торосить* ‘поднимать отвесно’, заимствовано из саамского диалекта *tõrās*, кильдский язык *tõrās* ‘ледяной бургор на берегу моря’ (Фасмер, 4, 86).

Ропак (употребляется 2 раза) ‘лед, торчащий ребром’ (СНРР: 137):

«Елисей подобрал винтовку, подумал: “Конец. Пропал...” В ушах все еще звенел голос юровщика Анисима: “К лодка-а-а-ам! К лодка-а-а-ам! Скорее, братцы!” Не послушался Елисей, в охотничьем азарте притаился за ропак, целясь в зверя. Не успел освежевать его – ударил снежный заряд. И льдина обломилась» («Поморы»: 7)

– автор сравнивает ропак со стеной, которая закрывает рыбака от морского зверя. По Фасмеру: ‘обледенелые камни на берегу моря, ледяные торосы’, из саамского кильдского языка ‘дрейфующий лед’ (Фасмер, 3, 501).

Другие типы профессионализмов, а именно лексико-фонетические и лексико-грамматические, в романе отсутствуют.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История формирования морской лексики недостаточно исследована. Лексикографическое описание морской лексики на данный момент ограничивается несколькими словарями, монографиями и научными статьями. Большой пласт морской лексики присутствует в художественных произведениях и поэтических текстах северных писателей и поэтов, которые долгое время прожили на Севере, общались с настоящими поморами и наблюдали за их жизнью. В морской лексике отражаются события, реалии, быт, обычаи и уклад жизни, которые окружают рыбаков и моряков Архангельского Севера.

Функционирование морской лексики в романе Е. Богданова не ограничивается только 30 представленными в статье лексемами. Всего в романе зафиксировано 716 лексем, некоторые из них употребляются всего лишь один раз (*грот-мачта*), а другие – до 110 раз (*ихуна*). Больше всего заимствованной лексики – 320, меньше всего терминов – 45. Е. Богданов стремится не просто включить в текст романа морскую лексику, но познакомить читателя с языком моряков.

В произведении преобладают морские профессионализмы (используются в речи людей, объединенных только по профессиональному признаку, – *форпик*, *ахтерпик*, *обвод* и т. д.) и диалектные слова (употребляются на определенной территории – *хмарь*, *лодьа* и т. д.).

Анализ трилогии «Поморы» Е. Богданова позволил среди типичных и наглядных средств создания образа Севера в Северном тексте русской литературы показать функционирование морской профессиональной лексики, отражающей не только основные занятия северян, но и специфику северного менталитета.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ

Архангельская область:

Вин. – Виноградовский район

Карг. – Каргопольской район

Кон. – Коношский район

Котл. – Котласский район

К-Б. – Красноборский район

Мез. – Мезенский район

Нянд. – Няндомский район

Пин. – Пинежский район

Прим. – Приморский район

Уст. – Устьянский район

Холм. – Холмогорский район

Вологодская область:

Бабуш. – Бабушкинский район

Вят. – Вытегорский район

Гряз. – Грязовецкий район

Крас. – Красавино (Великоустюгский район)

М-Реч. – Междуреченский район

Ник. – Никольский район

Нюкс. – Нюксенский район
Уст. – Устюженский район

Ленинградская область:
Тихв. – Тихвинский район

Мурманская область:
Севмор. – Североморский район

СОКРАЩЕНИЯ

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.
ИЛС – Историко-лингвистический словарь трилогии А. М. Бондаренко «Государева вотчина»
ИЭС – Историко-этимологический словарь
МАС – Словарь русского языка: В 4 т.
МЭСТ – Морской энциклопедический словарь: В 3 т.
СВГ – Словарь вологодских говоров
СГРС – Словарь говоров Русского Севера
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей
СНРР – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: В 3 т.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Профессиональная лексика рыболовства: Словарь / Сост. Ф. А. Пономарёв. Архангельск: Изд-во Поморского пед. университета, 1996. 40 с.
- ² Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 455.
- ³ Гемп К. П. Сказ о Беломорье: Словарь поморских речений. М.: Наука; Архангельск: Поморский университет, 2004. С. 637.
- ⁴ Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: В 3 т. / Под ред. Т. А. Сидоровой. Архангельск: ИД САФУ, 2016. Т. 2. Городские социолекты. Ч. 1. Профессиональная речь моряков и рыбаков Архангельского Севера. 200 с.
- ⁵ Петров А. В. Живая речь поморов в трилогии Евгения Богданова «Поморы» // Живое слово северян: прошлое и настоящее. Вып. 2: Сборник статей. Архангельск, 2009. С. 29–38.
- ⁶ Щеглова Е. А. Морская лексика в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Лексикология, лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика: Сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции (сборник материалов). СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2016. С. 44–50.
- ⁷ Войцева Е. А. Стилистические функции морской лексики в повести К. Г. Паустовского «Время больших ожиданий» // Вестник Одесского национального университета имени И. И. Мечникова. 2018. С. 491–499.
- ⁸ Ёрова С. Н., Ахмедова С. Р. Морская лексика в произведениях художественной литературы // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2018. № 1 (54). С. 168–174.
- ⁹ Морской энциклопедический словарь: В 3 т. / Под ред. В. В. Дмитриева. Т. 1. Л.: Судостроение, 1991. 506 с.; Т. 2. СПб.: Судостроение, 1993. 584 с.; Т. 3. СПб.: Судостроение, 1996. 589 с.
- ¹⁰ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: АН СССР, 1985. 703 с.; Т. 4. М.: АН СССР, 1988. 797 с.
- ¹¹ Богданов Е. Ф. Поморы: Роман: В 3 кн. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982. 575 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в скобках страницы.
- ¹² Словарь говоров Русского Севера: В 8 т. / Под ред. А. К. Матвеева. Т. 4. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. 358 с.; Т. 6. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. 339 с.; Т. 7. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2018. 400 с.
- ¹³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 848 с.
- ¹⁴ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: Вып. 1. А – Дрожжаник / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 507 с.; Вып. 3. (Кот – Немовый) / Гл. ред. А. С. Герд; Отв. ред. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 416 с.; Вып. 5. Подузорье – Свильнуть / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 664 с.; Вып. 6 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 497 с.
- ¹⁵ Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.
- ¹⁶ Шарифуллин Б. Я. Историко-лингвистический словарь трилогии А. М. Бондаренко «Государева вотчина». Красноярск, 2007. 340 с.
- ¹⁷ Самотик Л. Г. Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие. Красноярск, 2005. 424 с.
- ¹⁸ Словарь вологодских говоров. Вып. 11 / Науч. ред. Т. Г. Паникаровская; Ред. вып. Л. Ю. Зорина. Вологда: Русь, 2005. 216 с.
- ¹⁹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. Т. 6. 739 с.
- ²⁰ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 623 с.; Т. 2. 560 с.
- ²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котцова Е. Е. О границе профессионализмов и терминов // Лингвистика и перевод. Архангельск: ИПЦ САФУ им. М. В. Ломоносова, 2014. Вып. 4. Интра- и интеркультурные векторы филологических исследований на Архангельском Севере и за рубежом: Сб. материалов конф. / Под ред. А. М. Поликарпова, И. М. Нетунаевой, Е. Е. Котцовой, М. Ю. Елеповой. Архангельск: ИД САФУ, 2015. С. 263–270.
2. Котцова Е. Е., Пукита А. П. Профессионализмы как часть специальной лексики (на материале речи рыбаков и моряков Архангельского Севера) // Наука в современном информационном обществе: Материалы XV международной научно-практической конференции. North Charleston, USA, 2018. С. 155–158.
3. Мочелевская Е. В. Прагматические принципы порождения профессионализмов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 235–243.
4. Петров А. В. Живая речь поморов в трилогии Евгения Богданова «Поморы» // Живое слово северян: прошлое и настоящее. Вып. 2: Сборник статей. Архангельск, 2009. С. 29–38.
5. Самотик Л. Г. Литературный ономастикон на материале дилогии А. И. Чмыхало: Словарь. Красноярск, 2005. 228 с.
6. Татарinov В. А. Теория терминоведения: В 3 т. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние. М.: Московский Лицей, 1996. 311 с.
7. Усачева Я. В. Профессионализмы в системе специальной лексики: к определению понятий // Вестник МГОУ. Серия «Общественно-политические и гуманитарные науки». 2012. № 1. С. 32–43.

Поступила в редакцию 11.02.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Alexander P. Pukita, Postgraduate Student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1345-7547; Pukita2008@yandex.ru

PROFESSIONAL MARINE VOCABULARY IN YEVGENY BOGDANOV'S NOVEL *THE POMORS*

Abstract. The relevance of this article is due to the insufficient study of the functioning of the professional marine vocabulary in the northern texts of Russian literature. The research novelty is in the fact that the paper presents the first-of-its-kind analysis of the semantic space of fishermen and sailors' professional vocabulary in Yevgeny Bogdanov's novel *The Pomors*. The purpose of the study was to conduct a linguistic analysis of the professional marine vocabulary in the said novel. The article offers a classification of the professional marine vocabulary used in this book, analyzes the selected words, and gives their lexicographic and etymological description. The research methodology included the descriptive and statistical methods, namely the classification, linguistic generalization, systematization and description of the collected material as part of the professional vocabulary of fishermen and sailors of the Arkhangelsk North. The analysis of data from dialectological, linguo-historical, and etymological dictionaries suggests that the studied vocabulary has always been a part of active Russian vocabulary and has always been used by people.

Key words: terms, professionalisms, dialectisms, northern text, Russian North

Acknowledgements. The author expresses his sincere gratitude to his supervisor Andrei Vasilievich Petrov, Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language and Speech Culture of the Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

For citation: Pukita, A. P. Professional marine vocabulary in Yevgeny Bogdanov's novel *The Pomors*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.815

REFERENCES

1. Kotsova, E. E. Distinction between professionalisms and terms. *Linguistics and translation*. Issue. 4. Intra- and intercultural vectors of philological research in the Arkhangelsk North and abroad: Conference proceedings (A. M. Polikarpova, I. M. Netunaeva, E. E. Kotsova, M. Yu. Elepova, Eds.). Arkhangelsk, 2015. P. 263–270. (In Russ.)
2. Kotsova, E. E., Pukita, A. P. Professionalisms as part of special vocabulary (based on the speech of fishermen and sailors of the Arkhangelsk North). *Science in the modern information society: Proceedings of the XV international research and practice conference*. North Charleston, USA, 2018. P. 155–158. (In Russ.)
3. Mochelevskaya, E. V. Pragmatic principles of professionalisms creation. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2009;5:235–243. (In Russ.)
4. Petrov, A. V. Living speech of the Pomors in Yevgeny Bogdanov's trilogy *The Pomors*. *Living word of the northerners: the past and the present*. Issue. 2: Collection of articles. Arkhangelsk, 2009. P. 29–38. (In Russ.)
5. Samotik, L. G. Literary onomasticon based on the material of A. I. Chmykhalo's diology: Dictionary. Krasnoyarsk, 2005. 228 p. (In Russ.)
6. Tatarinov, V. A. Theory of terminology studies: In 3 vols. Vol. 1. Theory of the term: History and current state. Moscow, 1996. 311 p. (In Russ.)
7. Usacheva, Ya. V. Professionalisms in the system of special vocabulary: to the definition of concepts. *Bulletin of Moscow Region State University. Series "Socio-Political and Humanitarian Sciences"*. 2012;1:32–43. (In Russ.)

Received: 11 February, 2022; accepted: 25 July, 2022

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск,
Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0505-4767; typashkova05@mail.ru

СОСТАВ И СЕМАНТИКА СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В ДИАЛЕКТАХ СОБСТВЕННО КАРЕЛЬСКОГО НАРЕЧИЯ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

А н н о т а ц и я . Языковые контакты – проблема, вызывающая неизменный интерес исследователей уже на протяжении нескольких столетий. Предлагаемая научная статья представляет собой исследование сочинительных конструкций в диалектах собственно карельского наречия карельского языка, целью которой является комплексное описание состава и семантики сочинительных союзов в упомянутом наречии в аспекте языковых контактов. Исследование проводилось в сравнительном аспекте с русским языком, что обусловлено исторически сложившимся тесным контактированием проживающих на одной территории русских и карелов, в результате которого прослеживаются взаимовлияния на языковом и культурном уровнях. Главными методами научного исследования являются сопоставительно-типологический, сравнительно-исторический, лексикографический. В качестве источниковой базы используются словари карельского языка (включая диалектные словари), образцы карельской речи, которые, несомненно, позволяют углубиться в состав, семантику и этимологию сочинительных союзов в диалектах исследуемого наречия карельского языка. Система средств сочинения в собственно карельском наречии карельского языка охватывает три группы союзов, аналогичные основным группам русских сочинительных средств связи в простом и сложном предложениях: соединительные, разделительные, противительные. Этимологические и семантические наблюдения над сферой сочинительных союзов в диалектах карельского языка позволяют заключить, что исконными в активном лексическом запасе современного карельского наречия являются коннекторы, выражающие сопоставительно-противительные отношения. Область соединительных и разделительных коннекторов оказывается заполненной заимствованными из русского языка средствами сочинительной связи. Факты перенесения на карельскую почву русских союзов доказывают, что заимствование совершается только при условии наличия в структуре языка-реципиента определенных предпосылок: заимствование сочинительных союзов оказывается возможным в силу сформировавшейся в карельском языке и его наречиях еще в глубокой древности системы паратаксиса как типологически значимой для синтаксического строя. Данный процесс нуждается в комплексной сравнительно-исторической реконструкции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сочинительные союзы, карельский язык, собственно карельское наречие, диалекты, русский язык, семантика, языковые контакты

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пашкова Т. В. Состав и семантика сочинительных союзов в диалектах собственно карельского наречия в аспекте языковых контактов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.816

ВВЕДЕНИЕ

Проблема языковых контактов вызывает неизменный интерес исследователей уже на протяжении нескольких столетий. Языковые контакты ярче всего проявляются на лексическом уровне; грамматика, и особенно морфологический строй языка, обычно оказывается областью более консервативной, однако в условиях двуязычия нередко происходит взаимодействие синтаксических моделей, синтаксическое калькирование. В настоящее время активно изучаются в сопоста-

вительно-типологическом плане сочинительные конструкции (см., например, [1]), однако на материале карельского языка подобное комплексное исследование еще не предпринималось.

С конца XIX столетия сопоставительным изучением русского и финно-угорских языков, лингвистической интерференции (по преимуществу на лексическом уровне) занимались такие видные лингвисты, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, Я. Миккола, А. М. Селищев, Б. А. Ларин, Д. В. Бубрих и др. В XX веке появля-

ются исследования грамматического взаимодействия русского и прибалтийско-финских языков, однако диалектный материал затрагивается sporadически¹ (см., например, [7] и др.).

В представленной статье рассматриваются сочинительные союзы в диалектах собственно карельского наречия карельского языка, в том числе в аспекте их этимологии и влияния русского языка (на материале ливвиковского наречия аналогичное исследование уже проводилось, см. [9]).

Теоретические сведения о синтаксических особенностях собственно карельского наречия достаточно скудны в созданных в течение последних десятилетий грамматиках карельского языка, например, в написанных на материале севернокарельских диалектов, охватывающих территории Калевальского и Лоухского районов Республики Карелии, работах П. М. Зайкова [3], [14], [15]. В 1977 году В. Д. Рягоевым было опубликовано обобщающее лингвистическое исследование в очерковой форме, посвященное тихвинскому говору карельского языка². В работе П. Палмеос представлен анализ союзов валдайских говоров собственно карельского наречия³. Монография А. П. Родионовой «Семантика карельской грамматики» включает сравнительно-сопоставительный диалектный материал по предположно-падежным конструкциям, охватывающий разные наречия карельского языка [11]. Из синтаксических феноменов карельского языка наиболее изучены связи и функции отдельных морфологических форм, система падежного управления, а также некоторые структурные типы предложения. Единственное системное, хотя и недетализированное описание синтаксиса карельского языка представлено в научном труде В. П. Федотовой [13]. Актуальность исследования сложного предложения на материале собственно карельского наречия обусловлена тем, что синтаксис карельского языка и – шире – синтаксис некоторых других финно-угорских языков в целом исследованы гораздо менее детально⁴ (см., например, [5], [9], [10] и др.), чем морфологический, лексический и фонетический⁵ [2], [8] уровни.

При проведении исследования по классификации союзов и союзных слов использовались теоретические источники по вопросам синтаксиса в русском и карельском языках [3], [4], [6], [13]. Языковые примеры извлекались из лингвистических источников⁶, а также нормированных грамматик собственно карельского наречия [14], [15]. Исследование выполнено с применением семантического, этимологического и сопоставительно-типологического методов.

***

По предложенной П. М. Зайковым [3: 98–99], [14: 78], [15: 138] классификации сочинительные

союзы по значению разделяются на три функционально-семантические подгруппы: соединительные, разделительные и противительные, что соответствует традиционной классификации союзов, характерной также, например, для русского, немецкого, французского и других языков типологически далекой индоевропейской семьи. Сведения из лингвистических источников позволяют представить следующий состав сочинительных союзов собственно карельского наречия.

1) *Соединительные союзы*: **ta** ‘да, и’ (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга) *poika on kašvan ta harteutun* (Калевала) ‘парень вырос *da* (и) стал плечистым’⁷; **da** ‘да, и’ (Панозеро, Тихвин, Тверь) *verkkuo piemmä rannoissa da lakšiloissa* (Панозеро) ‘сети мы держим по берегам *и* в заливах’⁸; **i** ‘и’ (повсеместно на территории бытования собственно карельских говоров (далее – повсеместно)) *aššumma i juokšemma* (Калевала) ‘ходим *и* бегаем’⁹; *šeinäzet šälvettu i närien ketulla katettu* (Тихвин) ‘стенки срублены, *и* еловой корой [крыша] покрыта’¹⁰; *keviäl’l’ä kyn’n’et’t’ih adralla i aštoidih puuhizella aštovalla* (Тверь) ‘весной пахали сохой *и* боронили деревянной бороной’¹¹; **ni... ni** ‘ни... ни’ (севернокарельские диалекты, Тихвин) *hänellä ei ollun ni tuattuo ni muatuo* (севернокарельские диалекты) ‘у него не было *ни* отца, *ни* матери’¹².

2) *Разделительные союзы*: **eli** ‘или’ (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга) *miekö tulen siun luoksi eli siekö tulet meilä?* (Калевала) ‘я ли приду к тебе *или* ты придешь к нам?’¹³; **al’i** ‘или’ (Тихвин, Тверь) *metro d’es’at’ al’i dvadsat’ šūri näre* ‘метров десять *или* двадцать большая ель’¹⁴; *istujah jän’iks’eh al’i t’edrih pid’äy hil’l’azeh männä* (Тверь) ‘к сидящему зайцу *или* тетереву надо подкрадываться осторожно’¹⁵; **eli... eli** ‘или... или’ (на территории Калевальского и Лоухского районов) *eli ossa tämä veneh, eli mane tiehes* ‘или покупай эту лодку, *или* иди своей дорогой’; **ili** ‘или’ (Подужемье, Тунгуда, Тверь) *miekö tulen siun luoksi ili sie tulet meilä?* ‘я ли приду к тебе *или* ты придешь к нам?’ [15: 138]; **elikkä** ‘или’ (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга) *tule rutompah, elikkä mie mänen* (Калевала) ‘иди быстрее, *или* я уйду’¹⁶; **vai** ‘или’ (на территории Калевальского и Лоухского районов) *latvat otat vai tyven?* ‘вершки возьмешь *или* корешки?’¹⁷; **iibo** ‘или, либо’ (Тихвин) *joga vuotta kenen nibuite upottä iibo kažin iibo kenen* (Тихвин) ‘каждый год кого-нибудь утопит: *либо* (или) кошку, *либо* (или) еще кого-нибудь’; **ei n’i** ‘а не то, или’ (Тихвин) *el’ä juo vel’l’i ei n’i varžane l’ienet* (Тихвин) ‘не пей, братец, а не то в жеребенка превратишься’¹⁸.

3) *Противительные союзы*: **a** ‘а, но’ (повсеместно) *ken kunne, a muö kot’ih* (Калевала) ‘кто куда, *а* мы домой’; **ka** (Калевала, Вокнаволоок,

Кестеньга, Юшкозеро, Ондозеро, Паданы, Тунгуда); **ga** (Ондозеро, Паданы, Тунгуда) ‘но, да’ *lähellä on kuynäšpiä*, **ka et pure** (Калевала) ‘близко локоть, да не укусишь’, *lapšet tultih kot’ih*, **ka mie enkuullun** (Калевала) ‘дети пришли домой, но я не услышала’¹⁹; **vain** ‘но’ (повсеместно), ‘только’ (Тихвин, Тверь); **no** (Тихвин) ‘но’ *i suvačči i kaikki*, **no ožua ei tullun** (Тихвин) ‘и любил он и все, но счастья не получилось’; составной союз **a ei što** (Тихвин) ‘а не то что’ *nyt omašta otvečaičet*, **a ei što vierahašta** (Тихвин) ‘теперь за своего отвечаешь, а не то что за чужого’²⁰, используемый в сопоставительно-присоединительном значении – при присоединении однородного члена предложения при отрицательном сравнении его с другим(и) однородным(и) членом(ами); **onnako** ‘зато (но, в то же время ‘однако’))’ (севернокарельские диалекты) *korttieri vaikka on kallis*, **onnako / ka on hyvä** (севернокарельские диалекты) ‘квартира хоть и дорогая, зато хорошая’²¹.

Исследователь тихвинского говора карельского языка В. Д. Рягоев обращает внимание на то, что в описываемом им говоре вычленяется четыре группы сочинительных союзов: *соединительные, разделительные, противительные и пояснительные*. Согласно В. Д. Рягоеву, к четвертой функциональной подгруппе относятся: **ññn že** ‘также, тоже’ (Тихвин) (данный союз В. Д. Рягоев относит также к соединительным союзам) **nin**; **ññ... ññ** ‘как... так’ (Тихвин) **ññ vedj ññ t’el’gašta viel’ä jallat riputtij šur’ ol’i** (Тихвин) ‘как вез, так с телеги еще ноги висели – такой был большой (медведь)’; **ka** ‘так’ (Тихвин) **ñel’l’ä kondjeda hyö tapettih**, **ka mium pojat** (Тихвин) ‘так четырех медведей они убили, мои сыновья’; **što** ‘что’ (Тихвин) *mytyttä pakšua pūda pila šyöh*, **što hän ejstyh i ejstū** (Тихвин) ‘какое толстое дерево пила пилит (букв. ‘ест’), что она углубляется и углубляется’²² (союз **što** ‘что’ употребляется в таком же значении и в других говорах собственно карельского наречия: **što** ‘что’ (Мяндусельга, Ондозеро, Тунгуда, Тверь) *siid’ä tulou*, **što kirvehel’l’ä l’iiga pid’au l’eikata** (Мяндусельга) ‘получается так, что топором лишнее приходится отрубать’, *šiin’ä hän it’ki n’iin lujasti*, **što unohtaudu** (Тунгуда) ‘тут она причитывала так сильно, что сознание потеряла’²³, *mie en kuullun*, **što paimen šoitti bremozeh** (Тверь) ‘я не услышал, что пастух играл в рожок’²⁴.

П. М. Зайков не относит союз **što** ни к одной из групп союзов. Приводимые В. Д. Рягоевым примеры между тем свидетельствуют об иной функционально-семантической роли данных союзов: так, союз **ññn že** ‘также’ (Тихвин) выступает в присоединительном значении, близком

к значениям таких союзов, как **tai** ‘да и’ (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга) *ol’i parempaiset ne koššot piällä tai räččinät* (Калевала) ‘были получше на себе те сарафаны да и рубахи’; **dai** ‘да и’ (Ондозеро, Паданы, Поросозеро, Ругозеро, Тикша, Тунгуда, Юшкозеро, Тверь) **dai vie kyl’yssä ol’in** (Паданы) ‘да и в бане еще был я’, **dai n’iät hyvyä dai pahua** (Юшкозеро) ‘увидишь хорошее да и плохое’²⁵, *tulda räis’kai*, **dai ukko jyräht’i** (Тверь) ‘сверкнула молния, да и прогремел гром’²⁶; **da i** ‘да и’ (Тихвин) *valettih tinua da i oldih i kündelemäšša* (Тихвин) ‘они лили свинец, да и слушать ходили’²⁷. Союзы **ññ... ññ** и **što** по значению и употреблению оказываются явно подчинительными (временным и результативно-следственным соответственно); служебное слово **ka** выступает в функции, близкой к частице. Также подчинительным уступительным, а не разделительным (как считает П. М. Зайков) является союз **vaikka** ‘хотя, хоть’ (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга, Контолки, Софпорог, Тикша, Тунгуда) *(puhtahana piettih, vaikka ei ollut monta kamarie* (Контолки) ‘чисто содержали, хотя не было много комнат’²⁸, **vaikka ken tulkah rotn’a, n’in še on at’ivo** (Софпорог) ‘хоть кто бы не пришел из родственников, так это гость’²⁹. То же самое можно заключить и в отношении ошибочно отнесенного В. Д. Рягоевым к сочинительным союза **hot’**, **hot** (повсеместно); **hod** (Сельга) ‘хотя’: **hot’ siičča rojinno morhalla, n’i vain aššut** (Паданы) ‘хотя сарафан мятый, знай шагаешь’, *tullaa vaštaa, hod miuda, hod toista, hod ked’ä vaššataa* (Сельга) ‘идут навстречу, хоть меня, хоть другого, хоть кого встречают’; **hot’i** ‘хотя’ (Калевала, Кестеньга, Вокнаволоок, Гайколя, Подужемье, Ругозеро) *etkō šua hot’i jauhuo rokakši* ‘не достанешь ли хотя муки на похлебку’; **hoš** (повсеместно), **hos** (Поросозеро, Реболы), **hos’** (Тверь) ‘хотя, хоть’: **hoš kuin pikkarain’i as’s’a, n’iin juokšen** (Вокнаволоок) ‘хотя какое маленькое дело, так бегу’³⁰, *vihmat hos’i oldih, a hein’iä šaimma* (Тверь) ‘дожди хотя и были, но сено мы заготовили’³¹ (у русского союза *и*, впрочем, также фиксируется уступительное значение³²). Собственно пояснительные отношения выражаются союзом **vain** ‘а именно’ (севернокарельские диалекты): *ei niminä toisena päivänä vain tänäpäinä* ‘ни в какой другой день, а именно сегодня’³³.

Возможно, стоит не только уточнить состав пояснительных союзов, но и расширить данную классификацию введением особой рубрики: градационные союзы **šekä, jotta; niin kuin, niin ni; niin kuin, šamoin ni** ‘как..., так и’ (севернокарельские диалекты): *heinällä ollešša olin šekä Venehjärveššä jotta Vuokkiniemeššä* (Вокнаволоок)

‘будучи на сенокосе, я был *как* в Суднозеро, *так* и в Вокनावолоке’³⁴; *ei vain..., ka* ‘не только..., но и’; *einiin kuin* ‘не столько..., сколько’.

Заключая обзор семантики сочинительных союзов, отметим, что значения средств синтаксической связи в реальном речевом использовании часто оказываются «размытыми» (о размытости границ между традиционно выделяемыми подгруппами сочинительных союзов русского языка см., например, [12: 43–45]), диффузными, особенно в силу того обстоятельства, что большинство из них являются заимствованными из русского языка (например, *i* ‘и’ от рус. *и*; *libo* ‘или’ от рус. *либо*; *ni...* *ni* ‘ни... ни’ от рус. *ни*; *no* ‘но’ от рус. *но*; *što* ‘что’ от рус. *что*; *tai, dai* ‘да, и’ (кар. > *ta, da* + *i*) от рус. *да* + *и* и др.): «чистая соединительность» (конъюнкция в логике), «чистая разделительность» (дизъюнкция в логике) и «чистая противительность» (логическое противопоставление) являются только основными функциями сочинительных союзов, фиксируемыми в словаре в качестве системных значений,

в узусе же на эту семантику нередко накладываются дополнительные семантические оттенки, а также возникает диффузия смыслов, в том числе с участием подчинительных значений уступительности, результативности и пр.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, отметим, что перенесение на карельскую почву русских союзов никак не отменяет того основополагающего факта, что заимствование совершается только при условии наличия в структуре языка-реципиента определенных предпосылок: так, заимствование сочинительных союзов оказывается возможным в силу наличия в карельском языке и его наречиях сформировавшейся еще в глубокой древности системы паратакиса как типологически значимой для синтаксического строя. Процесс этот нуждается в системной, комплексной сравнительно-исторической реконструкции. Также представляется необходимым создание опыта описания семантики и прагматики союзов карельского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бубрих Д. В. Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1958. С. 3–24; Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М.: Наука, 1964. 110 с.; Муллонен М. И. О влиянии синтаксического строя русского языка на вепсский язык // Прибалтийско-финское языкознание. Л.: Наука, 1967. С. 39–43; Kiparsky V. Onko venäjän kielessä suomalais-ugrilaista substraattia? // Suomalainen Tiedekatemia. Esitelmät ja Pöytäkirjat, Helsinki, 1969. S. 137–151.
- ² Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 285 с.
- ³ Palmeos P. Karjala Valda! murak. Tallinn: Eesti NSV teaduste akadeemia, 1962. 226 s.
- ⁴ Бузаков И. С. Сложное предложение в мордовских языках // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. Вып. 46. 180 с.; Васикова Л. П. Из истории изучения синтаксиса сложного предложения в финно-угорских языках // Марийская филология: Межвуз. сб. науч. тр. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. С. 17; Дубровина З. М. Сложноподчиненные предложения с временным придаточным в финском языке // Fenno-Ugristica. 1986. № 10. С. 26–41; Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис. Л.: Наука, 1971. 312 с.; Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Синтаксис. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. Ч. 2. 327 с.
- ⁵ Богданова Е. В. Возвратное спряжение в диалектах карельского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 219 с.; Гилюева Н. М. Вопросительные, неопределенные и обобщительно-определяющие местоимения в диалектах карельского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 148 с.; Наумова М. В. Глагольное управление в ливвиковском наречии карельского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. 208 с.; Родионова А. П. Пути развития послеложной системы карельского языка: от аналитической конструкции к форме слова (на материале ливвиковского наречия): Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2007. 166 с.
- ⁶ Карельско-русский словарь / Сост. П. М. Зайков, Л. И. Ругоева. Петрозаводск: Периодика, 1999. 215 с.; Словарь собственно-карельских говоров Карелии / В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2009. 750 с.; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae. V. 1997, 680 s.; Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu, Petroskoi: Joensuun yliopiston monistuskasutuskeskus, 1994. 457 s.
- ⁷ Словарь собственно-карельских говоров Карелии... С. 282.
- ⁸ Näytteitä karjalan kielestä... С. 120.
- ⁹ Словарь собственно-карельских говоров Карелии... С. 61.
- ¹⁰ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка... С. 168.
- ¹¹ Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 66.
- ¹² Карельско-русский словарь... С. 116.
- ¹³ Там же. С. 97.
- ¹⁴ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка... С. 169.
- ¹⁵ Словарь карельского языка (тверские говоры)... С. 13–14.
- ¹⁶ Словарь собственно-карельских говоров Карелии... С. 28.
- ¹⁷ Карельско-русский словарь... С. 97.

- ¹⁸ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка... С. 169.
- ¹⁹ Словарь собственно-карельских говоров Карелии... С. 6, 78.
- ²⁰ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка... С. 169.
- ²¹ Русско-карельский словарь (северно-карельские диалекты)... С. 118.
- ²² Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка... С. 168–169.
- ²³ Словарь собственно-карельских говоров Карелии... С. 272.
- ²⁴ Словарь карельского языка (тверские говоры)... С. 279.
- ²⁵ Словарь собственно-карельских говоров Карелии... С. 282.
- ²⁶ Словарь карельского языка (тверские говоры)... С. 33.
- ²⁷ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка... С. 168.
- ²⁸ Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi: Joensuun yliopiston monistuskampus, 1994. С. 110.
- ²⁹ Словарь собственно-карельских говоров Карелии... С. 317.
- ³⁰ Там же. С. 51.
- ³¹ Словарь карельского языка (тверские говоры)... С. 56.
- ³² Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. 5. С. 5–9.
- ³³ Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) / Сост. П. М. Зайков и др. Петрозаводск: Периодика, 2015. С. 17.
- ³⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 1997. V. S. 323.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевская Т. А. Сочинительные союзы: проблема состава // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 66–69.
2. Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 293 с.
3. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
4. Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). М.: Изд-во МГУ, 2001. 429 с.
5. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: USSR, 2009. 262 с.
6. Манаенко С. А. Категоризация служебных слов на основе дискурсивного употребления // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 495–500.
7. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
8. Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
9. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. К вопросу о коннекторах сложного предложения (на примере ливвиковского наречия карельского языка) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 517–525.
10. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Система частиц в диалектах ливвиковского наречия карельского языка: проблемы описания и интерпретации // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 4. С. 680–688.
11. Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 169 с.
12. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
13. Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 157 с.
14. Zайков Р. Karjalan kielen kielioppi (muoto-oppie). Petrozavodsk: Periodika, 1993. 87 s.
15. Zайков Р. Karjalan kielioppi. Petroskoi: Periodika, 2002. 207 s.

Поступила в редакцию 28.03.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Tatyana V. Pashkova, Dr. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0505-4767; tvashkova05@mail.ru

COMPOSITION AND SEMANTICS OF COORDINATING CONJUNCTIONS IN THE KARELIAN PROPER DIALECTS FROM THE LANGUAGE CONTACTS PERSPECTIVE

Abstract. The issue of language contacts has been of constant interest to researchers for several centuries. This article is a study of coordinating constructions in Karelian Proper dialects of the Karelian language aimed at a comprehensive description of the composition and semantics of coordinating conjunctions in the Karelian Proper from the perspective of language contacts. The study used the comparison with the Russian language due to the historically close

contacts between Russians and Karelians living in the same territory, as a result of which mutual influences are traced at the linguistic and cultural levels. The research methodology included the comparative typological, comparative historical, and lexicographic methods. Dictionaries of the Karelian language (including the dialectal dictionaries), samples of Karelian speech, which helped the author to delve into the composition, semantics, and etymology of the coordinating conjunctions of the studied Karelian dialects, were used as sources. The system of coordinating language tools in the Karelian Proper dialect of the Karelian language covers three groups of conjunctions, similar to the main groups of analogous Russian linking items in simple and complex sentences: the coordinating, disjunctive, and alternative ones. Etymological and semantic observations on the coordinating conjunctions in Karelian dialects lead to the conclusion that connectors expressing comparative and alternative relations are the original lexical items of the modern Karelian dialect. The coordinating and alternative connectors turn out to be the means of conjunction borrowed from the Russian language. The facts of transferring Russian conjunctions to the Karelian language prove that borrowing occurs only if there are certain prerequisites in the structure of the recipient language: the borrowing of coordinating conjunctions is possible due to the parataxis system formed in the Karelian language and its dialects back in ancient times as a typologically significant element of the syntax. This process requires a comprehensive comparative historical reconstruction.

Key words: coordinating conjunctions, Karelian language, Karelian Proper supradialect, dialects, Russian language, semantics, language contacts

For citation: Pashkova, T. V. Composition and semantics of coordinating conjunctions in the Karelian Proper dialects from the language contacts perspective. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.816

REFERENCES

1. Danilevskaya, T. A. Coordinating conjunctions: the problem of composition. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2006;2:66–69. (In Russ.)
2. Zaikov, P. M. Verbs in the Karelian Language. Petrozavodsk, 2000. 293 p. (In Russ.)
3. Zaikov, P. M. Grammar of the Karelian language. Petrozavodsk, 1999. 120 p. (In Russ.)
4. In'kova-Manzotti, O. Yu. Connectors of contrast in French and Russian (comparative study). Moscow, 2001. 429 p. (In Russ.)
5. Maitinskaya, K. E. Historical and comparative morphology of the Finno-Ugric languages. Moscow, 2009. 262 p. (In Russ.)
6. Manayenko, S. A. Categorization of the keywords on the basis of the discourse of use. *Cognitive Studies of Language*. 2019;37:495–500. (In Russ.)
7. Myznikov, S. A. Vocabulary of Finno-Ugric origin in the Russian dialects of the North-West: etymological and linguo-geographical analysis. St. Petersburg, 2004. 492 p. (In Russ.)
8. Novak, I., Penttonen, M., Ruuskanen, A., Siilin, L. Karelian language in grammar books. Comparative research of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk, 2019. 479 p. (In Russ.)
9. Patroeva, N. V., Pashkova, T. V. To the question of connectors in a complex sentence (on the example of the Livvi-Karelian language). *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(3):517–525. (In Russ.)
10. Patroeva, N. V., Pashkova, T. V. Particle system in the Livvik dialect of the Karelian language: problems of description and interpretation. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(4):680–688. (In Russ.)
11. Rodionova, A. P. Semantics of Karelian grammar. Petrozavodsk, 2015. 169 p. (In Russ.)
12. Sannikov, V. Z. Russian syntax in semantic and pragmatic space. Moscow, 2008. 624 p. (In Russ.)
13. Fedotova, V. P. Essay on the syntax of the Karelian language. Petrozavodsk, 1990. 157 p. (In Russ.)
14. Zaikov, P. Karjalan kielen kielioppi (muoto-oppie). Petrozavodsk, 1993. 87 s.
15. Zaikov, P. Karjalan kielioppi. Petroskoi, 2002. 207 s.

Received: 28 March, 2022; accepted: 25 July, 2022

ИРИНА ПЕТРОВНА НОВАК

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

«ГЛУХОЙ» И «ЗВОНКИЙ» КАРЕЛЬСКИЙ: ДИАЛЕКТНЫЕ МАРКЕРЫ НА КЛАСТЕРНЫХ КАРТАХ

А н н о т а ц и я . Фонетическая оппозиция звонких и глухих согласных представлена далеко не во всех диалектах карельского языка: явление отсутствует в севернокарельских говорах его собственно карельского наречия. В связи с этим анализируемое непротивопоставленное диалектное различие было отнесено языковедами к одному из важнейших маркеров карельской диалектной речи. Однако вопросы истории развития данного явления, а также определения отдельных его изоглоссов до сих пор оставались нерешенными. В рамках настоящего исследования на основе применения диалектометрической методики кластерного анализа к материалам диалектной базы автором предпринята попытка выявить основные фонетические позиции, влияющие на распределение звонких и глухих согласных в говорах карельского языка Карелии, и провести соответствующие изоглоссы. В ходе работы удалось установить ареалы «глухого» и «звонкого» представительства анализируемого явления, а также выявить переходную между ними зону, при этом основания для выделения особой группы переходных диалектов собственно карельского наречия не были установлены. Озвончение согласных, очевидно, следует относить к древнекарельскому периоду его развития, а севернокарельские глухие согласные – к диалектной инновации, возникшей вследствие влияния со стороны финских диалектов. Полученные результаты планируется использовать в дальнейшем в работе над составлением лингвистически обоснованной диалектной классификации карельского языка. **Ключевые слова:** карельский язык, диалектология, лингвистическая география, диалектометрия, кластерный анализ, консонантизм, глухие и звонкие согласные

Благодарности. Работа выполнена в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (тема № 121070700122-5).

Для цитирования: Новак И. П. «Глухой» и «звонкий» карельский: диалектные маркеры на кластерных картах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.817

ВВЕДЕНИЕ

Явлению звонкости / глухости согласных карельской диалектной речи, относимому языковедами к одному из важнейших ее маркеров, в своих работах уделяли отдельное внимание уже первые исследователи карельского языка¹. Противопоставление по глухости / звонкости в нем охватывает не только смычно-взрывные (*p/b, t/d, k/g*) и щелевые согласные (*s/z, š/ž*), но и аффрикаты (*č/dž*). К согласным, противопоставленным по глухости / звонкости, относятся также *v* и *f*. Однако последний изначально не был характерен для фонетической системы карельского языка, чем и объясняется отсутствие междиалектных соответствий, обнаруживающих разных членов данной пары.

На одном из этапов развития языка изначально глухие древнекарельские согласные подверглись озвончению в звонком фонетическом окружении, то есть в интервокальном положении или в позиции после / перед сонорными согласными и *v* (напр.: *aiga / aigu / aig(e)* ‘время’, *kāzi / kāži* ‘рука’, *kagla / kaglu / kagl(e)* ‘шея’, *peldo / peld* ‘поле’). Такое представительство характерно для современных южнокарельских говоров собственно карельского наречия, ливвиковского и людиковского наречий. Кроме того, оно нашло отражение в новописьменном ливвиковском, людиковском, тверском карельском и получившем развитие в Финляндии южнокарельском нормированных вариантах языка. В свою очередь, севернокарельским диалектам собственно

карельского наречия и соответствующему новописьменному нормированному варианту языка характерно практически полное отсутствие звонких согласных (напр.: *aika, käsi / käši, kakla, pelto*). Исключения представляют лишь некоторые поздние заимствования [5: 24], [13: 11], [14: 7–8], [16: 36], [17: 16–17].

В глухом фонетическом окружении во всех карельских диалектах сохранились глухие согласные звуки (напр., *itkie / itkidä* ‘плакать’). Озвончение не затронуло и позицию начала слова (напр., *kala* ‘рыба’), а также одиночные *k, t, p*, являющиеся слабоступенными аналогиями соответствующих смычно-взрывных геминат (напр.: *akat* от *akka / akku / akk(e)* ‘старуха’) [12: 376–378], [14: 8–10]. Отдельные глухие смычно-взрывные,

оказавшиеся в результате синкопы в позиции перед другими глухими согласными, представлены в михайловских говорах людиковского наречия (напр., мхл.: *korktad* ‘высокие’, ср. ливв.: *korgiet*, люд.: *korgedad*)².

Анализируемое явление послужило одним из главных маркеров в процессе дифференциации групп северно- и южнокарельских диалектов собственно карельского наречия, а также основанием для выделения группы переходных между ними диалектов (панозерский, юшкозерский, подужемский) (рис. 1) [12: 376–377]. Согласно П. М. Зайкову, в переходных диалектах наряду с глухими *s, š* в интервокальной позиции выступают звонкие *z, ž*, а смычно-взрывные *k, t, p* озвончаются в соседстве с сонорными [5: 24].

Рис. 1. Традиционная классификация диалектов карельского языка

Figure 1. Traditional classification of Karelian dialects

Граница между говорами, использующими / не использующими звонкие смычно-взрывные согласные, очерчивается первыми исследователями карельской диалектной речи от Минозера на западе, между Костомукшей и Лувозером (в районе д. Ровкула), далее южнее Юшкозера к Кеми на востоке территории, захватывая расположенное севернее Пильдозеро³, то есть проходит между контоккским и ругозерским диалектами, далее по территории юшкозерского диалекта, между панозерским и маслосозерским диалектами и затем сливается с южной границей подужемского диалекта из традиционной классификации карельского языка. Данная граница совпадает с одним из основных путей миграций карелов по водному пути вдоль бассейна р. Кемь [4: 51].

Карты «Диалектологического атласа карельского языка» демонстрируют, что изоглосса распространения звонких и глухих смычно-взрывных (*abu / apu* ‘помощь’, *pada / pata* ‘горшок’, *olgi / olki* ‘солома’), накладывающаяся на границу, описанную А. Генетцем, не совпадает с изоглоссой распространения звонких и глухих щелевых (*aiz(ž)a / ais(š)a* ‘оглобля’), проходящей на востоке территории севернее и захватывающей все юшкозерские и панозерские, а также отдельные калевальские и вычтайбольские говоры [2: 72, 73]. Диалектные данные свидетельствуют о том, что отличия обнаруживают и изоглоссы звонких и глухих смычно-взрывных, выступающих в различных фонетических позициях (в окружении гласных, до или после согласных), что, однако, не нашло отражения на картах атласа, как и границы ареала употребления звонкой аффрикаты *dž*.

Относительно истории развития звонких согласных карельского языка следует отметить, что в звонком фонетическом окружении в результате влияния фонетической системы русского языка озвончение глухих смычно-взрывных, очевидно, произошло в период функционирования древнекарельского языка, доказательством чего является огласовка топонимов, зафиксированных в писцовых книгах Водской пятины XVI–XVII веков⁴ [11: 98]. Озвончение щелевых одни исследователи карельской диалектологии также относят к периоду функционирования древнекарельского языка⁵, другие же считают явление более поздним [15: 260–261]. Мнения относительно глухих согласных севернокарельских диалектов собственно карельского наречия также расходятся: глухие согласные здесь могут являться продолжателями древнекарельских глухих [14: 8] или же древнекарельские звонкие согласные в них были упразднены в результате позднего влияния со стороны финского языка⁶.

В рамках настоящего исследования предлагается обработать материалы диалектной базы ка-

рельского языка «Murteh»⁷ при помощи методики диалектометрии, широко применяемой в последние годы в лингвогеографических исследованиях финно-угорских языков [1], [7], [9]. Использование алгоритма кластерного анализа поможет определить конкретные фонетические позиции и их возможные комбинации, влияющие на распределение звонких и глухих смычно-взрывных и щелевых согласных в карельских говорах, провести изоглоссы диалектного явления, выделить его переходную зону, а также наметить пути решения спорных вопросов истории его развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Поставщиком диалектных материалов для настоящего исследования выступили оцифрованные данные «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка»⁸, заполненных в населенных пунктах Карелии главным образом в 1937–1946 годах. Эти материалы не утратили своей актуальности, на что указывают результаты экспедиционных выездов автора статьи 2019–2022 годов, демонстрирующие определенную статичность карельской диалектной речи за прошедший период. При этом важно понимать, что исторические события середины XX века (результаты войн, миграций, ликвидации деревень в Средней и Северной Карелии) [6: 442–695] привели к исчезновению ряда населенных пунктов, а соответственно, и говоров, данные по которым были собраны в ходе работы над атласом и нашли отражение в базе. Из этих материалов на настоящий момент в полном объеме оцифрованы и закодированы языковые данные по 130 говорам Карелии. По анализируемому явлению в атласе представлено лишь две карты, а в программах – 11 вопросов. Возможности базы данных, хранящей расшифрованные и закодированные материалы программ, позволяют переносить ответы на вопросы из одного раздела в другой. С помощью этой функции разделы «Звонкие / глухие согласные» были дополнены почти на 100 вопросов, в том числе отражающих распределение звонких и глухих щелевых и аффрикат, отдельно в программах не представленных.

В разделе «Звонкие / глухие согласные (смычно-взрывные)» приведены вопросы, демонстрирующие поведение смычно-взрывных согласных *k/g, t/d, p/b*:

- в интервокальном окружении (напр., *pada / pata* ‘горшок’, *hago / hako* ‘коряга’, *abu / apu* ‘помощь’⁹);
- в позиции после сонорных согласных (напр., *peldo / pelto* ‘поле’, *salgu / šalkku* ‘котомка’, *hardiet / hartiet* ‘плечи’, *kurgi / kurki* ‘журавль’, *korbi / korpi* ‘глухой лес’, *randa / ranta* ‘берег’,

ongi / onki ‘удочка’, *hongat / honkat* ‘сосны’, *langat / lankat* ‘нити’, *lambi / lampi* ‘лампа’);
– в позиции перед сонорными согласными и *v* (напр., *sieglä / šieklä* ‘решето’, *nyblä / nyplä* ‘пуговица’, *adra / atra* ‘соха’, *nagris / nakris* ‘репа’, *kobrissa / koprissa* ‘в горсти’, *kodvan / kotvan* ‘долго’).

В разделе «Звонкие / глухие согласные (щелевые)» – согласных *s/z*, *š/ž*:

– в интервокальном окружении (напр., *käsi / käsi* ‘рука’, *vuosi / vuosi* ‘год’);
– в позиции после сонорных согласных (напр., *varši / varši* ‘рукоятка’, *kynzi / kynši* ‘ноготь’);
– в позиции перед сонорными согласными и *v* (напр., *ozra / osra* ‘ячмень’, *vizva / visva* ‘гной’);
а также аффрикаты *č/dž* (*čidžiliuska / čičiliušku* ‘ящерица’).

Для распределения на основе перечисленных языковых данных говоров на группы в соответствующем модуле базы данных используется статистический метод кластеризации (группировка объектов на кластеры, внутри которых представлены объекты, обнаруживающие между собой меньшее число отличий, чем с объектами из других кластеров), а именно – метод полной связи + метод *k*-средних [3: 115], наилучшим образом зарекомендовавший себя для решения проблем карельской диалектологии.

В ходе применения алгоритма кластеризации программа создает таблицы отличий между пунктами картографирования, находит среди говоров «ближайших соседей» (обнаруживающих минимальное число отличий) и объединяет их в кластеры. Шаг за шагом кластеры объединяются в более крупные. Результаты кластеризации визуализируются в виде дендограммы и карт.

ЗВОНКИЕ И ГЛУХИЕ СОГЛАСНЫЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА НА КЛАСТЕРНЫХ КАРТАХ

Кластеризация языковых данных из разделов диалектной базы карельского языка «Звонкий / глухой согласный (смычно-взрывной)» и «Звонкий / глухой согласный (щелевой)» позволила получить следующее представление о границах анализируемого диалектного явления, варьирующихся в зависимости от артикуляционных свойств согласных (смычно-взрывной, щелевой или аффриката) и их фонетического окружения (интервокальное положение, положение в позиции до или после сонорного согласного).

Южная граница употребления глухих **интервокальных смычно-взрывных** согласных (черный кластер, рис. 2, левая карта) прошла от Костомукши (111, кнт.¹⁰) на северо-восток через Алозеро (118, ухт.), Корелакшу (137, пнз.), Верхнее Кумозеро (131, вчт.) и Парфеево (134, крт.) до Сонострова (135, крт.). Северными пун-

ктами зоны соответствующих звонких (белый кластер) являются Лувозеро (103, ргз.), Соповаракка (112, юшк.), Пибозеро (129, мсл.), Пильдозеро (132, вчт.) и Боярская (133, вчт.). В переходную зону (темно-серый и серый кластеры) вошли Суопасалма (114, юшк.), Панозеро (117, пнз.), Кургиево (123, пнз.), в которых преимущественно встречаются глухие согласные (на более высоком уровне кластеризации эти пункты входят в крупный северный кластер), но довольно часто используются и звонкие, что главным образом касается губного *b*. В используемых данных отличия обнаруживает также тунгудский говор Калливаракка (106), что может объясняться качеством записанного по данному говору материала (неудачный выбор информанта, влияние родного говора собирателя и пр.). Таким образом, граница употребления глухих и звонких смычно-взрывных согласных, находящихся в интервокальном положении, на западе совпала с границей между контокским и ругозерским диалектами из традиционной классификации, прошла между юшкозерскими говорами, совпала с границами между тунгудским и юшкозерским, маслосерским и панозерским, подужемским и панозерским диалектами, далее прошла на север между вычтайбольскими говорами вплоть до их границы с керетским диалектом.

На карте, демонстрирующей ситуацию со **смычно-взрывными *g* и *d*, выступающими в позиции после сонорных согласных** (рис. 2, правая карта), распределение говоров переходной зоны представлено несколько отличным образом. На западе и востоке территории изоглосса между ареалами употребления постсонорных звонких и глухих смычно-взрывных совпадает с рассмотренной выше, но в центральной зоне она сдвигается на северо-запад, относя панозерские говоры, тяготеющие на предыдущей карте к северному кластеру (Панозеро (117, пнз.) и Кургиево (123, пнз.)), в южный «звонкий» кластер. В переходной зоне оказались говоры Суопасалма (114, юшк.), Корелакша (137, пнз.) и Верхнее Кумозеро (131, вчт.) (темно-серый кластер), при дальнейшей кластеризации вливающиеся в северный кластер, а также говоры Маркова Гора (105, тнг.) и Калливаракка (106, тнг.) (серый кластер), наоборот, тяготеющие к южному кластеру.

Употребление губных **смычно-взрывных *b/p* в позиции после сонорных** согласных в расширяющейся на юго-восток переходной зоне обнаруживает некоторые отличия с язычными согласными, выступающими в аналогичной позиции (рис. 3, левая карта). В эту зону наряду с говорами Суопасалма (114, юшк.), Кургиево (123, пнз.), Корелакша (137, пнз.), Маркова Гора (105, тнг.), Кал-

ливара́кка (106, тнг.), выступившими в качестве переходных в предыдущих кластеризациях, попадают также говоры Боярская (133, вчт.), Пильдозе́ро (132, вчт.), Подуже́мье (130, пдж.) и Компа́ково (104, тнг.). Следует, однако, отметить, что на более высоких уровнях кластеризации темно-серый кластер тяготеет к северному, а светло-серый – к крупному южному, что приводит к совпадению изоглоссы анализируемой фонетической позиции с изоглоссой, демонстрирующей поведение пост-сонорных язычных смычно-взрывных.

На кластерной карте, демонстрирующей распределение **смычно-взрывных согласных, выступающих в позиции перед сонорными и в**, переходная зона, наоборот, на западе территории смещается незначительно на северо-запад, захватывая говоры Костомукша (111, кнт.) и Алозеро (118, ухт.), а также Сенозеро (143, кст.) на севере, что не сказывается на смещении изоглоссы на западе территории (темно-серый и серый кластеры входят в черный) (рис. 3, правая карта). В центральной и восточной части изоглосса сдвигается также на северо-запад, тем самым относя переходные говоры предыдущих кластеризаций (114, 117, 123, 131, 132, 133, 137) к южному кластеру. В серый кластер неожиданно вошли говоры Ушково (110, мсл.) и Сондалы (88, пдн.), находящиеся далеко в стороне от основной изоглоссы, что так-

же может объясняться качеством или дефицитом полученного в данных пунктах материала.

Распределение звонких и глухих **щелевых согласных, выступающих в интервокальном и постсонорном положении**, а также в позиции **перед сонорными и в**, не обнаруживает каких-либо существенных отличий, на что указывают результаты соответствующих кластеризаций, в связи с чем в рамках статьи принято решение продемонстрировать сводную карту (рис. 4, левая карта). В данном случае на западе территории изоглосса переместилась на северо-запад: говор Алозеро (118, ухт.), демонстрирующий использование звонких щелевых, а также переходный говор Костомукша (111, кнт.) с преимущественным использованием звонких (серый кластер) относятся к южной зоне распространения явления, как и говор Кябели (138, кст.). В центральной зоне и на востоке территории граница проходит между панозерскими говорами (123 и 137), а далее между вычтайбольскими говорами (131 и 133 с одной стороны и 132 с другой). При этом говоры темно-серых кластеров (Корелакша (137, пнз.), Верхнее Кумозеро (131, вчт.), Сенозеро (143, кст.), Боярская (133, вчт.)), обнаруживающие преимущественное употребление глухих щелевых, отличаются своим переходным характером.

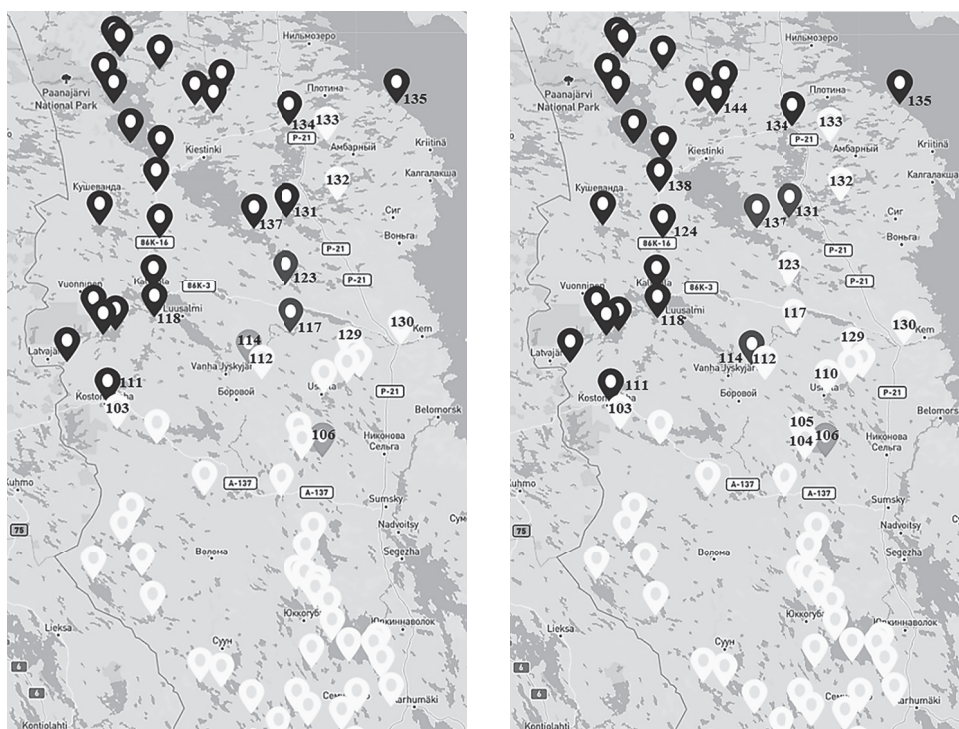

Рис. 2. Распределение звонких / глухих интервокальных смычно-взрывных (левая карта) и смычно-взрывных *d, g*, выступающих в позиции после сонорных согласных (правая карта), в диалектах карельского языка

Figure 2. Distribution of voiced / voiceless intervocalic occlusive plosives (left-hand map) and post-sonorant occlusive plosives *d, g* (right-hand map) in Karelian dialects

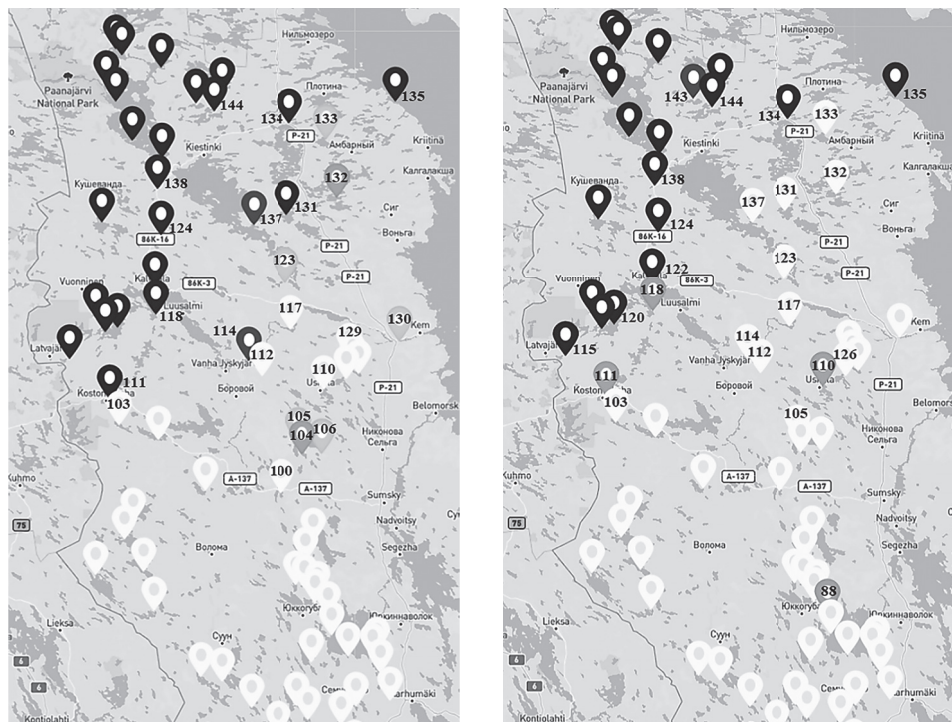

Рис. 3. Распределение звонких / глухих смычно-взрывных *b/p*, выступающих в позиции после сонорных согласных (левая карта), и звонких / глухих смычно-взрывных, находящихся в положении перед сонорными и *v* (правая карта), в диалектах карельского языка

Figure 3. Distribution of voiced / voiceless post-sonorant occlusive plosives *b/p* (left-hand map) and voiced / voiceless occlusive plosives preceding sonorants and *v* (right-hand map) in Karelian dialects

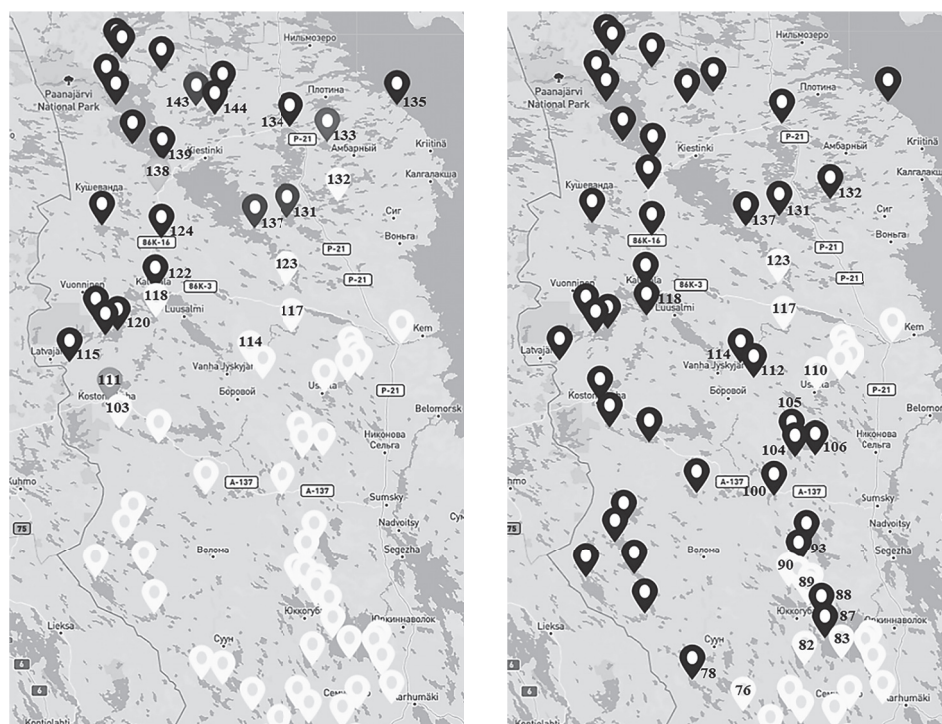

Рис. 4. Распределение звонких / глухих щелевых согласных (левая карта) и аффрикат (правая карта) в диалектах карельского языка

Figure 4. Distribution of voiced / voiceless fricative consonants (left-hand map) and affricates (right-hand map) in Karelian dialects

В базе представлен единственный пример, демонстрирующий распределение в говорах звонких и глухих **аффрикат** (рис. 4, правая карта). Результат кластеризации этих материалов указывает, что изоглосса данного явления существенно расходится со всеми вышеприведенными, смещаясь далеко на юг. Дефицит материала, однако, не позволяет сделать каких-либо определенных выводов относительно ареалов распространения звонких и глухих аффрикат в говорах карельского языка, в связи с чем данная позиция изымается из дальнейшего анализа.

Произведенные кластеризации различных позиций употребления звонких и глухих смыч-

но-взрывных и щелевых согласных в говорах карельского языка Карелии позволили определить переходные по тем или иным параметрам говоры. Распределение севернокарельского («глухого») или южнокарельского («звонкого») представительства анализируемого явления в этих говорах представлено в таблице, в последнем столбце которой приводится вывод относительно доминирующего варианта. Результат такого подсчета полностью совпадает со сводной кластерной картой, полученной автоматически на основе обсчета всех использованных в настоящем исследовании диалектных данных (рис. 5).

Распределение звонких и глухих согласных в говорах переходной зоны¹¹
Distribution of voiced and voiceless consonants in the subdialects of the transitional zone

Говор	Vg/d/b/V	Cg/d	Cb	g/d/bC	z	Итог
Сенозеро (143, кст.)	с	с	с	п(с)	п(с)	с
Боярская (133, вчт.)	ю	ю	п(ю)	ю	п(с)	ю
Пильдозеро (132, вчт.)	ю	ю	п(ю)	ю	ю	ю
Верхнее Кумозеро (131, вчт.)	с	п(с)	ю	ю	п(с)	п(с)
Корелакша (137, пнз.)	с	п(с)	п(с)	ю	п(с)	с
Кябели (138, кст.)	с	с	с	с	п(ю)	с
Кургиево (123, пнз.)	п(с)	ю	п(ю)	ю	ю	ю
Панозеро (117, пнз.)	п(с)	ю	ю	ю	ю	ю
Суопасалма (114, юшк.)	п(с)	п(с)	п(с)	ю	ю	п(ю)
Ушково (110, мсл.)	ю	ю	ю	п(с)	ю	ю
Алозеро (118, ухт.)	с	с	с	п(с)	ю	с
Костомукша (111, кнт.)	с	с	с	п(с)	п(ю)	с
Подужемье (130, пдж.)	ю	ю	п(ю)	ю	ю	ю
Калливаракка (106, тнг.)	п(с)	п(ю)	п(ю)	ю	ю	ю
Маркова Гора (105, тнг.)	ю	п(ю)	п(ю)	ю	ю	ю
Компаково (104, тнг.)	ю	ю	п(ю)	ю	ю	ю

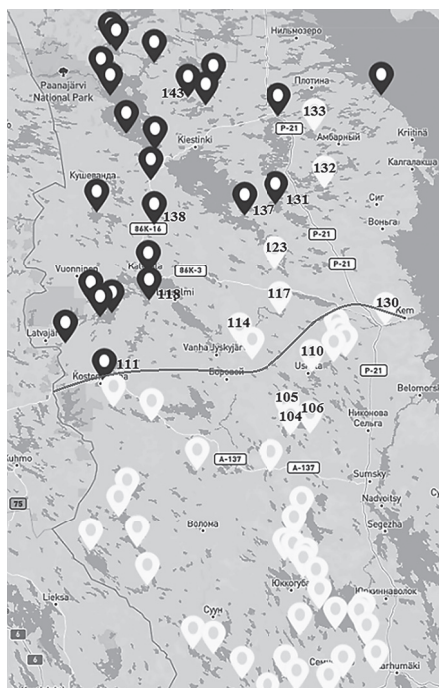

Рис. 5. Распределение звонких / глухих согласных в диалектах карельского языка (сводная карта)¹²

Figure 5. Distribution of voiced / voiceless consonants in Karelian dialects (summary map)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сводная кластерная карта анализируемого явления (см. рис. 5) демонстрирует, что граница между «глухим» и «звонким» ареалами карельского языка прошла на западе между контоккским и ругозерским диалектами, далее вдоль границы контоккского и юшкозерского, калевальского и юшкозерского диалектов, через панозерские и вычтайбольские говоры на северо-восток вплоть до границы керетского диалекта из традиционной классификации. Изоглоссы дистрибуции звонких / глухих смычно-взрывных и щелевых согласных разошлись несущественно. Доминирующее представительство звонкой огласовки парных смычно-взрывных и щелевых согласных в диалектах и наречиях карельского языка подтверждает теорию древнекарельского происхождения явления.

Переходная зона (территория между крайними границами пучка изоглосс) распространилась как на северо-запад, так и на юго-восток от центральной изоглоссы, существенно выходя за пределы границ переходных диалектов собственно карельского наречия. Таким образом, выделение панозерских, юшкозерских и подужемских говоров, основанное исключительно на особенно-

стях представительства в них звонких и глухих согласных, в отдельную переходную группу диалектов собственно карельского наречия, согласно результатам настоящего исследования, представляется необоснованным.

Сужение зоны употребления глухих согласных с запада на восток территории, наглядно продемонстрированное на картах, может являться результатом существенного влияния со стороны диалектов финского языка в приграничной зоне, что, в свою очередь, указывает на возможность оглушения изначально звонких парных согласных в регионе. В пользу такого вывода свидетельствуют факты длившихся на протяжении XVII–XIX веков переселений в немногочисленный регион современной Калевалы выходцев с территории

современной Финляндии, что не могло не отразиться на местных говорах (см. [4: 54, 69], [10: 301–302]). На это косвенно указывают, например, и данные дерматоглифики, согласно которым именно карелы северных районов Карелии наиболее близки к финским группам Восточной и Северо-Восточной Финляндии [8: 40].

Граница анализируемого явления на сводной кластерной карте, составленной на основе диалектных данных середины XX века, сдвинулась на северо-запад от той линии, которую наметили первые исследователи карельской диалектологии в конце XIX века, что могло бы объясняться результатами интенсивных контактов и миграций населения данного региона в первой половине прошлого столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр., Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi. 1880. № 4. S. 1–248; Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki: SKS, 1885. 194 s.; Ojansuu H. Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1918. 182 s.; Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Helsinki: SKS, 1946. 338 s.
- ² Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Helsinki: SKS, 1946. S. 62.
- ³ Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi. 1880. № 4. S. 167; Ojansuu H. Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1918. S. 6.
- ⁴ Kalima J. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta // Virittäjä. 1934. № 38. S. 254–256; Tunkelo E. A. Vepsän kielen astevaihteluttomuudesta. Helsinki: SKS, 1938. S. 21.
- ⁵ Kalima J. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta // Virittäjä. 1934. № 38. S. 255.
- ⁶ Genetz A. Vepsän pohjoiset etujoukot // Kieletär. 1872. № 4. S. 31; Ojansuu H. Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1918. S. 7.
- ⁷ База данных разработана Н. Б. Крижановской, сотрудником Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН. <http://murreh.krc.karelia.ru/>.
- ⁸ Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка // Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. Д. 16–170, 261–263, 267, 268, 276; Оп. 43. № 43–74, 116–132, 138, 140, 179–181, 195, 219–225, 274, 275. Петрозаводск, 1937–1950.
- ⁹ Приведены наиболее распространенные фонетические варианты ответов по анализируемому в статье региону. Познакомиться с полными списками вопросов и точными вариантами ответов можно на сайте базы в соответствующих разделах: <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question>.
- ¹⁰ В скобках указан номер населенного пункта из базы данных и его принадлежность к диалекту карельского языка из традиционной классификации.
- ¹¹ V – гласный, C – согласный (сонорный или v); c – севернокарельское («глухое») представительство явления, ю – южнокарельское («звонкое») представительство явления, п(с) – переходное представительство явления с преимущественным употреблением глухих согласных, п(ю) – переходное представительство явления с преимущественным употреблением звонких согласных.
- ¹² На карте черный кластер включил говоры, для которых характерно преимущественное употребление глухих согласных, белый – звонких. Цифрами отмечены выявленные в ходе исследования говоры переходной зоны. Линией на карте обозначена граница между зонами употребления звонких и глухих согласных, описанная в исследовании А. Генетца конца XIX века. Ознакомиться с интерактивной кластерной картой и дендограммой кластеризации можно на сайте диалектной базы: http://murreh.krc.karelia.ru/experiments/anketa_cluster/example/1_3-119.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

вкн. – вокнаволоцкий
вчт. – вычетабольский
кнт. – контоцкий
крт. – керетский
кст. – кестеньгский
мсл. – маслосерский
пдж. – подужемский

пдн. – паданский
пнз. – панозерский
прз. – поросозерский
ргз. – ругозерский
тнг. – тунгудский
ухт. – ухтинский
юшк. – юшкосерский

СПИСОК ПУНКТОВ КЛАСТЕРНЫХ КАРТ (С УКАЗАНИЕМ ДИАЛЕКТА)

76 – Кудамгуба (прз.)
78 – Лубосалма (прз.)

82 – Сельги (пдн.)
83 – Евгора (пдн.)

87 – Паданы (пдн.)	120 – Пирттигуба (вкн.)
88 – Сондалы (пдн.)	122 – Ухта / Калевала (ухт.)
89 – Сяргозеро (пдн.)	123 – Кургиево (пнз.)
90 – Венгигора (пдн.)	124 – Регозеро (ухт.)
93 – Кузнаволоок (ргз.)	126 – Ригорека (мсл.)
100 – Ругозеро (ргз.)	129 – Пибозеро (мсл.)
103 – Лувозеро (ргз.)	130 – Подужемье (пдж.)
104 – Компаково (тнг.)	131 – Верхнее Кумозеро (вчт.)
105 – Маркова гора (тнг.)	132 – Пильдозеро (вчт.)
106 – Калливаракка (тнг.)	133 – Боярская (вчт.)
110 – Ушково (мсл.)	134 – Парфеево (крт.)
111 – Костомукша (кнт.)	135 – Соностров (крт.)
112 – Соповаракка (юшк.)	137 – Корелакша (пнз.)
113 – Юшкозеро (юшк.)	138 – Кябяли (кст.)
114 – Суопасалма (юшк.)	139 – Софьянга (кст.)
115 – Каменное озеро (вкн.)	143 – Сенозеро (кст.)
117 – Панозеро (пнз.)	144 – Елетозеро (кст.)
118 – Алозеро (ухт.)	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский Т. А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов // Урало-алтайские исследования. 2021. № 2. С. 7–20. DOI: 10.37892/2500-2902-2021-41-2-7-20
2. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 218 с.
3. Дугушкина Н. В. Обзор популярных методов кластеризации в машинном обучении // Наукосфера. 2020. № 7. С. 112–118.
4. Жуков А. Ю. Ребольский погост в XVI–XVIII вв. Самоорганизация крестьянского мира и формирование этнокультурной общности карелов: потенциал междисциплинарных исследований // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней. Петрозаводск: КарНЦ РАН (Studia Nordica III), 2019. С. 36–73. DOI: 10.17076/ethno0_18
5. Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. 294 с.
6. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
7. Новак И. П. Базовая лексика карельского и вепсского языков в лингвогеографическом аспекте // Вестник угроведения. 2021. № 1. С. 90–101. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-90-101
8. Хартанович В. И. Карелы по данным физической антропологии // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 40–44.
9. Honkola T., Santaharju J., Syrjänen K., Pajusalu K. Clustering lexical variation of Finnic languages based on Atlas Linguarum Fennicarum // Linguistica Uralica. 2019. № 3. P. 161–184. DOI: 10.3176/lu.2019.3.01
10. Kuzmin D. Vienan Karjalan asutus perimätietojen ja sukunimiaineiston valossa // Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia OY, 2014. 346 s.
11. Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa // Virittäj. 1964. № 68. S. 97–115.
12. Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.
13. Markianova L. Karjalan kielioppi. Petroskoi: Periodika, 2002. 294 s.
14. Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen // Советское финно-угроведение. 1972. Т. 8. С. 1–15.
15. Virtaranta P. Über das s im Karelischen // Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. Budapest, 1984. S. 259–274.
16. Zaikov P. Vienankarjalan kielioppi. Helsinki: KSS, 2013. 284 s.
17. Zaikov P. M. Karjalan kielen murteet. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 36 с.

Поступила в редакцию 11.04.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Irina P. Novak, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9436-9460; novak@krc.karelia.ru

“VOICED” AND “VOICELESS” KARELIAN LANGUAGE: DIALECTAL MARKERS ON CLUSTER MAPS

Abstract. The phonetic opposition between voiced and voiceless consonants is found not in all Karelian dialects: this phenomenon does not exist in North Karelian subdialects of the Karelian Proper supradialect. This is why linguists consider this non-oppositional dialectal distinction as an essential marker of Karelian dialectal speech. However, the

issues connected with the evolution of this phenomenon and identification of its specific isoglosses have remained unresolved. In this study, the author applied the dialectometric cluster analysis technique to dialectal sources in an attempt to identify the main phonetic positions influencing the distribution of voiced and voiceless consonants in Karelian sub-dialects of Russian Karelia and to trace the relevant isoglosses. As a result, the distribution ranges of the “voiced” and “voiceless” expressions of this phenomenon were outlined and a zone of transition between them was detected, although the grounds for distinguishing the special group of transitional dialects of the Karelian Proper supradialect could not be identified. Consonant sonorization probably appeared during the Old Karelian period, whereas the North Karelian voiceless consonants were a dialectal innovation caused by the influence of Finnish dialects. These results are to be used in the future when creating a linguistically grounded classification of Karelian dialects.

Key words: Karelian language, dialectology, linguistic geography, dialectometry, cluster analysis, consonantism, voiced and voiceless consonants

Acknowledgements. The study was financed from the budget of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (research topic No 121070700122-5).

For citation: Novak, I. P. “Voiced” and “voiceless” Karelian language: dialectal markers on cluster maps. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.817

REFERENCES

1. Arkhangel'skiy, T. A. Application of dialectometric method to the classification of Udmurt dialects. *Ural-Altaic Studies*. 2021;2:7–20. DOI: 10.37892 / 2500-2902-2021-41-2-7-20 (In Russ.)
2. Bubrikh, D. V., Belyakov, A. A., Punzhina, A. V. Dialect atlas of the Karelian language. Helsinki, 1997. 218 p. (In Russ.)
3. Dugushkina, N. V. Overview of popular clustering methods in machine learning. *Naukosfera*. 2020;7:112–118. (In Russ.)
4. Zhukov, A. Yu. Rebolsky Pogost in the 16th–18th centuries. Self-organization of Karelian peasants and the ethnocultural community building: interdisciplinary research potential. *Ethnocultural and ethnopolitical processes in Karelia from the Middle Ages to the present day*. Petrozavodsk, 2019. P. 36–73. DOI: 10.17076/ethno_18 (In Russ.)
5. Zaikov, P. M. Verbs in the Karelian language. Petrozavodsk, 2000. 294 p. (In Russ.)
6. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 943 p. (In Russ.)
7. Novak, I. P. Basic vocabulary of the Karelian and Vepsian languages in the linguistic and geographical aspect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(1):90–101. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-90-101 (In Russ.)
8. Khartanovich, V. I. Karelians according to physical anthropology. *Peoples of Karelia: Historical and ethnographic essays*. Petrozavodsk, 2019. P. 40–44. (In Russ.)
9. Honkola, T., Santaharju, J., Syrjänen, K., Pajusalu, K. Clustering lexical variation of Finnic languages based on Atlas Linguarum Fennicarum. *Linguistica Uralica*. 2019;3:161–184. DOI: 10.3176/lu.2019.3.01
10. Kuzmin, D. Viena Karjalan asutus perimätietojen ja sukunimiaineiston valossa. Viena Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, 2014. 346 s.
11. Leskinen, H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa. *Virittäjä*. 1964;68:97–115.
12. Leskinen, H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1998. S. 352–382.
13. Markianova, L. Karjalan kielioppi. Petroskoi, 2002. 294 s.
14. Virtaranta, P. Die Dialekte des Karelischen. *Soviet Finno-Ugric Studies*. 1972;8:1–15.
15. Virtaranta, P. Über das s im Karelischen. *Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen*. Budapest, 1984. S. 259–274.
16. Zaikov, P. Viena Karjalan kielioppi. Helsinki, 2013. 284 s.
17. Zaikov, P. M. Karjalan kielen murteet. Petrozavodsk, 2017. 36 s.

Received: 11 April, 2022; accepted: 25 July, 2022

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА РОДИОНОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5645-9441; santrar@krc.karelia.ru

О КОЛЛЕКЦИЯХ ЛЮДИКОВСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ МАТЕРИАЛОВ ФОНОГРАММАРХИВА ИЯЛИ КАРНЦ РАН

Аннотация. Впервые предложен обзор карельских аудиоматериалов на людиковском наречии карельского языка, хранящихся в фондах Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск). Записи производились сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН начиная с 1960-х годов. Целью статьи является описание диалектных материалов, собранных в 1960–1970-е годы А. П. Баранцевым, в 1980-е годы В. Д. Ряговым, Н. Г. Зайцевой, И. И. Муллонен и др. Новизна работы заключается в том, что описание данных материалов ранее не производилось. Для исследователей эти материалы могут представлять научную, культурную и историческую ценность. Они включают не только образцы речи севернолудиковских, среднелудиковских, южнолудиковских и михайловского говоров, но и некоторые данные о топонимике, фольклоре и этнографии. Материал людиковской коллекции извлечен для анализа методом сплошной выборки из описей материалов на карельском языке, размещенных на сайте Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, и представлен в статье в виде таблиц. Источник может быть полезен для широкого круга специалистов: языковедов, фольклористов, историков, этнографов.

Ключевые слова: людиковское наречие, карельский язык, аудиоматериалы, Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН, образцы речи, фольклорные тексты

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20215 «Создание речевого корпуса прибалтийско-финских языков Карелии», проводимого совместно с органами власти Республики Карелия с финансированием из Фонда венчурных инвестиций Республики Карелия (ФВИ РК).

Для цитирования: Родионова А. П. О коллекциях людиковских диалектных материалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 64–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.818

ВВЕДЕНИЕ

В Фонограммархиве Института языка литературы и истории (далее – ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН) хранятся полевые научные материалы, собранные специалистами института начиная с 1930-х годов: в первую очередь это образцы речи, фольклорные произведения, а также сведения о культуре и быте народов, проживающих в Республике Карелия, Республике Коми, Архангельской, Тверской, Вологодской, Мурманской и других областях¹. В настоящий момент в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН хранится 450 часов вепских и около 3000 часов карельских записей.

В текущем году при поддержке Российского научного фонда исследователи ИЯЛИ и Института прикладных математических исследований (ИПМИ) КарНЦ РАН приступили к работе в проекте «Создание речевого корпуса прибалтийско-финских языков Карелии»

(проект № 22-28-20215), основная цель которого – создание звукового корпуса прибалтийско-финской речи на базе Открытого корпуса вепского и карельского языков². Разработанный речевой модуль будет представлять собой собрание звучащих текстов на разных диалектах карельского и вепского языков, снабженных транскрипцией, разметкой и переводом на русский язык. Для успешной реализации проекта нам необходимо отобрать качественные записи карельской и вепской речи из аудиоколлекции ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН и произвести их оцифровку, а также определить, какими коллекциями и в каком количестве располагает архив. Ранее в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» был предложен обзор тверских карельских аудиоматериалов, хранящихся в фондах ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН [5]. В настоящей статье мы по-

пытаемся описать коллекции людиковских материалов, хранящихся в архиве института.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ

В 1960 году В. Я. Евсеев совместно с Т. И. Вязинен записали фольклорные материалы в с. Спасская Губа (ед. хран. 112/1-22), а также в с. Кончезеро (ед. хран. 112/23). В 1962 году были собраны фольклорные материалы в д. Юстозеро (ед. хран. 216/25, 217/1, 217/9-13) и с. Спасская Губа (217/4-5, 217/16-17). В 1969 году В. Я. Евсеевым в Спасской Губе был также собран песенный материал на карельском языке у И. И. Левкина – основателя и организатора Карельского народного Петровского хора (ед. хран. 1125/1-7)³.

Кроме В. Я. Евсеева фольклорный материал у северных людиков в 1964 году был зафиксирован исследователями Х. П. Кабановой и А. С. Степановой в д. Ковкойсельга (ед. хран. 380/1-3, 381/7-8, 382/1), д. Ерши (380/3-6, 11, 381/1-6, 384/3-7, 386/1-2), д. Тимойгора (382/7), д. Ояжа (384/2) и д. Тивдия (386/3-7, 386/3-7, 387/5, 389/4) Кондопожского района.

Среди записей, зафиксированных исследователями фольклора, можно встретить и записанные у информантов-людиков рассказы о возникновении деревни: 389/4, д. Тивдия, 1964 (инф. П. Ф. Юдина); бытовой разговор (хозяйства и занятия) у северных людиков: 88/2, д. Юркостров (инф. И. С. Ермолаев); легенду о происхожде-

нии д. Лычный остров: 380/5, д. Ерши, (инф. Е. К. Панфилова); рассказ о песнях, исполняемых в танце ланца: 382/7, д. Тимойгора (инф. А. Д. Степанова) и др.

Однако самым исследованным людиковским населенным пунктом, по мнению ученых-фольклористов ИЯЛИ КарНЦ РАН, можно считать с. Михайловское: именно здесь был собран в 1960-х годах уникальный фольклорный материал, который хранится в Фонограммархиве института [4: 31]. В 1964 году сбор материала у михайловских людиков продолжили У. С. Конкка, М. Ф. Пахомова (табл. 1, ед. хран. 428/1-4, 428/8, 429/1-9). В 1987 году фольклорный материал у южных людиков в д. Верхние Важины (ед. хран. 3023/1-31), д. Важинская пристань (ед. хран. 3023/32-59) и в с. Святозеро (ед. хран. 3023/60-64, 3024/5-105) был зафиксирован Р. П. Ремшуевой. В 1988 году в с. Михайловское для сбора фольклорно-этнографического материала выезжал К. Ф. Раутио. Собранные им материалы также хранятся в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН (ед. хран. 3185/1-148).

В 2001–2002 годах сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН В. П. Мироновой и Л. И. Ивановой был собран колоссальный фольклорный материал на среднелюдиковском диалекте д. Виданы (ед. хран. 3514/1-54, 3515/1-65, 3516/1-49, 3517/1-32, 3518/1-89, 3519/1-90, 3520/1-80, 3591/1-49) и михайловском диалекте (3528/1-70, 3529/1-54, 3530/1-38, 3531/1-42, 3532/1-53, 3533/1-140, 3534/1-25, 3536/42-85, 3537/1-18).

Таблица 1. Фольклорные материалы карелов-людиков (выборка)
Table 1. Ladic Karelian folklore materials (selected)

Единица хранения	Название	Информант	Жанр	Год записи	Место записи	Собиратель
428/1	О попе и мужике, заговорах, о своей жизни	А. Л. Вдовинова	рассказ	1964	с. Михайловское	У. С. Конкка, М. Ф. Пахомова
428/2	Случай из жизни	А. Л. Вдовинова	рассказ	1964	с. Михайловское	У. С. Конкка, М. Ф. Пахомова
428/3	Oi, sie siula roditel'	А. П. Фомина	похор. плач	1964	с. Михайловское	У. С. Конкка, М. Ф. Пахомова
428/4	Sula sie jo minun tytär	А. П. Фомина	похор. плач	1964	с. Михайловское	У. С. Конкка, М. Ф. Пахомова
428/8	О чёрте	Е. М. Пахомов	сказка	1964	с. Михайловское	У. С. Конкка, М. Ф. Пахомова
429/1	О ленивой	Е. М. Пахомов	сказка	1964	с. Михайловское	У. С. Конкка, М. Ф. Пахомова
429/2	Yks velli oli bohat, toin' köyh	Е. М. Пахомов	сказка	1964	с. Михайловское	У. С. Конкка, М. Ф. Пахомова
386/4	Плач по покойнику	А. А. Власова	похор. плач	1964	д. Тивдия	Х. П. Кабанова, А. С. Степанова
386/5	Сама ли ты думушку думала?	А. А. Власова	свад. плач	1964	д. Тивдия	Х. П. Кабанова, А. С. Степанова
386/6	Быль о хозяйке Ригачи	А. А. Власова	быль	1964	д. Тивдия	Х. П. Кабанова, А. С. Степанова
386/7	Сказка	А. А. Власова	сказка	1964	д. Тивдия	Х. П. Кабанова, А. С. Степанова
496/12	Pajatammo myö pajažen	И. И. Лёвкин	песня	1964	д. Нелгомозеро	В. Я. Евсеев
497/2	Istuv koirane kivel	И. И. Лёвкин	песня	1964	п. Спасская Губа	В. Я. Евсеев
497/4	Miehel meniin armahazel	И. И. Лёвкин	любовн. песня	1964	п. Спасская Губа	В. Я. Евсеев

Сбор людиковского фольклорного материала продолжается по сей день. Сотрудники сектора литературоведения и фольклористики (с фонограммархивом) и в настоящее время продолжают выезжать в места локального проживания карелов-людиков для сбора материала. В 2015 году В. П. Миронова совместно с Л. И. Ивановой в рамках проекта «Фольклор карелов-людиков» совершили экспедиционный выезд к карелам-людикам Пряжинского района в п. Пряжа, с. Святозеро, с материалами экспедиции можно ознакомиться в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН (ед. хран. 3775). Однако записывать качественный фольклорный материал от года к году становится все труднее.

ДИАЛЕКТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ 1960–1980-х гг.

А. П. Баранцев стал первым из отечественных лингвистов, кто опубликовал образцы людиковской речи (святозерский говор) [1]. По мнению автора, сборник образцов представлял исключительную ценность, так как в 1970-е годы, несмотря на имеющиеся в ФА ИЯЛИ записи, ощущался недостаток фактического людиковского материала, поскольку языковые и фольклорно-этнографические материалы на людиковском наречии в Республике Карелия практически не публиковались [1: 7]. На протяжении 1960–1970-х годов А. П. Баранцевым производились записи на людиковском наречии карельского языка в д. Пелдожа Пряжинского района.

А. П. Баранцев фиксировал данные образцы в период с 1963 по 1973 год, они занимают значимое место в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН (табл. 2, ед. хран. 585/1-13, 586/1-7, 587/1-11, 588/1-3, 589/1-5, 1105/1, 1106/1-2, 1107/1-2, 1108/1, 1109/1-3, 1110/1-3, 1111/1-2, 1112/1, 1113/3, 1114/1-3, 1115/1-2, 1116/1-2, 1118/1-3, 1119/1-4, 1120/4, 1379/1-25, 1380/1-13, 1381/1-15, 1382/1-12, 1821/1-14, 1822/1-6, 1823/1-16, 1824/1-13, 1825/1-13, 1826/1-12, 1827/1-12).

В сборнике «Образцов людиковской речи», изданном в 1978 году, собраны воспоминания информантки о годах Гражданской и Великой Отечественной войн, воспоминания о «деревенском периоде» жизни, крестьянских занятиях, промыслах и др. [1: 4]. В нем А. П. Баранцев продемонстрировал особенности речи отдельного лица (идиолект) – своей матери, А. И. Баранцевой, уроженки д. Пелдожа Святозерского сельсовета Пряжинского района Карельской АССР. «Образцы» включают в себя 109 текстов, которые являются рассказами о деревне Пелдожа и ее окрестностях, о жителях, событиях, свидетелем которых информантка являлась. Материал

собирался в течение десяти лет, и А. П. Баранцев планировал издать серию образцов людиковской речи, но в итоге был издан только первый том [6: 51]. Образцы корпуса высказываний, записанные от информанта А. И. Баранцевой, включающие в себя различные по объему и содержанию тексты, представлены в монографии А. П. Баранцева «Фонологические средства людиковской диалектной речи», посвященной исследованию релевантных фонетических явлений людиковской речи [2: 202–276].

Позднее, в 1993 году, увидел свет сборник образцов карельской речи «Näytteitä karjalan kielestä 1» [9], где имеются и образцы людиковской диалектной речи, собранные также А. П. Баранцевым в 1980-х годах в д. Тивдия (севернолюдиковские говоры) и с. Михайловское (михайловский говор) (табл. 2, ед. хран. 2744/1, 2745/1, 2746/1, 2747/1-2, 2748/1, 2749/1-2, 2750/1, 2751/1, 2772/1-8, 2773/1-22, 2774/1-4, 2775/1-15, 2776/1-10, 2777/1-9) и опубликованные в 1993 году. Кроме этого, уникальный диалектный материал (монологи, полилоги) был зафиксирован А. П. Баранцевым в 1984 году в Гирвасе (ед. хран. 2811/1-12, 2812/1-6, 2813/1-7).

В 1968–1969 годах сбором языкового и этнографического материала занимался В. Д. Рягоев. Им был собран уникальный материал, записанный от блестящей исполнительницы А. В. Чесниковой, жительницы с. Святозеро (табл. 3, ед. хран. 1254/1-13, 1255/1-3, 1256/1-20, 1257/1-11, 1258/1-5, 1269/1-21, 1270/1-20). Позднее, в 1976 году, собранный В. Д. Рягоевым материал был опубликован в фундаментальном сборнике «Карельские причитания» [3: 238].

В Фонограммархиве хранится также фразеологический материал, который был собран при подготовке «Фразеологического словаря карельского языка» [8]. Материал собирался в течение двадцати лет, в том числе и в людиковских населенных пунктах: д. Галлезеро Кондопожского р-на, с. Михайловское Олонецкого р-на, п. Пряжа, д. Пелдожа, с. Святозеро Пряжинского р-на. В описях Фонограммархива представлены записи, собранные В. П. Федотовой в 1976 году в Кондопожском р-не (табл. 4, ед. хран. 2421/1-4, 2422/1-7, 2423/1-6, 2424/1-5) и в с. Михайловское (ед. хран. 2425/1-7, 2426/1-6, 2427/1-4).

Уникальный материал по людиковской топонимике был зафиксирован в 1987 году Н. Н. Мамонтовой и И. И. Муллонен в с. Святозеро, д. Верхние Важины Пряжинского р-на и в д. Вохтозеро Кондопожского р-на (табл. 5, 3029/1-3, 3030/1-3, 3031/1-3, 3032/1-3, 3033/1-3, 3040/1-3, 3041/1-3, 3042/1-3, 3044/2-3, 3045/1-3, 3046/1).

Таблица 2. Диалектный материал А. П. Баранцева (выборка)
Table 2. Dialectal materials collected by A. P. Barantsev (selected)

Единица хранения	Название	Информант	Год записи	Место записи
585/1	Endevanas kačo oli	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/2	Neidizet ku eihäi mändy miehel	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/3	Oldih ku rahvas negramotnuoid	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/4	Ka on kylvz kačo Awduoi (домовой)	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/5	Vot meiden kyläs	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/6	Muistadgo kui bombittih Priäžäs?	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/7	Ende vanhas ku neidin'e miehele...	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/8	Miehel ved' ei kaikie ole hyvä eläge	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/9	Oligo egläi vilu teil?	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/10	Pruaznikke ku proidiw	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/11	Kevädel d'yrigimpäi	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/12	Sygyz d'urgile kačo kerävytäh	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
585/13	Meiden kyläs Outuoi Golovan oli	А. И. Баранцева	1965	д. Пелдожа
589/1	Miehel minä mänin	А. В. Любовина	1965	с. Святозеро
589/2	Kalat suamme äijän	А. В. Любовина	1965	с. Святозеро
589/3	Elimme Čarniemes sigäl	К. А. Еремеева	1965	с. Святозеро
589/4	Laste d'o mulle rodiiheze	М. И. Вишкельская	1965	с. Святозеро
589/5	Pajattimme myö hooras	М. И. Вишкельская	1965	с. Святозеро
1105/1	О событиях 1918 г. в Святозерской волости	А. И. Баранцева	1965	г. Петрозаводск
1107/1	Жизнь в годы эвакуации	А. И. Баранцева	1965	г. Петрозаводск
1109/1	Возвращение в деревню из эвакуации	А. И. Баранцева	1965	г. Петрозаводск
1115/1	Tuskiččow pakottaw, hengilaštaine, объяснение снов	А. И. Баранцева	1966	г. Петрозаводск
1116/1	Жители в д. Пелдожа и другие близлежащие деревни	А. И. Баранцева	1968	г. Петрозаводск
1117/1	Как убили медведя	А. И. Баранцева	1968	г. Петрозаводск
1118/1	Как «поднимали» любовь	А. И. Баранцева	1968	г. Петрозаводск
2744/1	Oligo sinun tuatol suuri pereh?: Рассказы о прежней жизни: пожара; медведь ходил на овец; лесные звери; корова в стаде; окрестности д. Устье; лен, его обработка; домашний хлеб и стряпня	Ф. Г. Вдовина	1985	д. Устье (Михайловское)
2745/1	Kui on sinun lyydin nimi da familii?: Рассказы о своей жизни: пахота; пожара и ее обработка; рига и обмолот; сети и их изготовление; рыба в озере др.	П. П. Вдовинов	1985	д. Устье (Михайловское)
2747/1	Nečid yöl kävelin...: дикие птицы – гусь, журавль, утка; собирал я ягоду, кору ивовую; деревья в лесу, топонимика округи	П. П. Вдовинов	1985	д. Устье (Михайловское)
2747/2	Kui sinut lyydikse sanottih?: Моя семья и родители; похороны бабушки, поминки	С. В. Рожкова	1985	д. Палнаволоок
2748/1	На лесозаготовке зимой; лесосплав; на лесозаготовке; чуть не утонула в реке; на рыбалке; мои дети росли здоровые; корова; видела медведя; заготовка грибов, ягод; уборка сена	С. В. Рожкова	1985	д. Палнаволоок
2749/1	Häin kaikk oli...: Бытовые повествования: в бане; домашняя стряпня – пироги, квашня, колобы и др.	С. В. Рожкова	1985	д. Палнаволоок
2749/2	Miä d'o penzial...: У меня 8 детей; мой муж и др.	Е. Е. Андреева	1985	д. Палнаволоок
2750/1	Vuažes siga vigovorit'he Madrogaha...: Я держала коров, овец; ткацкий станок; ручное плетение дорожек и др.	Е. Е. Андреева	1985	д. Палнаволоок
2751/1	I muga i työtäh...: рыбалка неводом; сети; была на лесозаготовках; домашняя стряпня; жернова; сито; пожара	Е. Е. Андреева	1985	д. Палнаволоок

Таблица 3. Людиковский языковой и этнографический материал, записанный В. Д. Ряговым в с. Святозеро (выборка)
Table 3. Ludic language and ethnographic materials recorded by V. D. Ryagoev in Svyatozero village (selected)

Единица хранения	Название	Информант	Год записи	Место записи
1254/1	Minä rodiiimos Čarniemel	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1254/2	Kui enne lapsii kazvatettih	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1254/3	Kui ajetah kaskie	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1254/4	Pelvahan ruado	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1254/5	Kangas	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1254/6	Sobien pezendu, mujutandu	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1254/7	Kangahan krasindu, korvalline, košto	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1254/8	Päikečoi, ehtkečoi	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1254/9	Šyömmizet	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1254/10	Nuotta dielot	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1255/3	Lapsien ristindy	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1256/2	N'edugat	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1256/3	Venčale lähtijes nevvottih	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1256/4	Opastuin lugetelmah	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1256/14	Ambajaized da käkyöin täi, kägöi	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1256/16	Lekarstvuheinät	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1256/20	Primietuoid	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро
1257/2	Kazvain, koiran nänni, niilöi leičindy	А. И. Чеснокова	1968	с. Святозеро

Таблица 4. Фразеологический материал, записанный В. П. Федотовой (выборка)
Table 4. Phraseological materials recorded by V. P. Fedotova (selected)

Единица хранения	Название	Информант	Год записи	Место записи
2425/1	Разное (беседа)	К. Ф. Сафонова	1976	с. Михайловское
2425/2	Лексика и фразеология	К. Ф. Сафонова	1976	с. Михайловское
2425/3	Разное	А. М. Кипрушова	1976	с. Михайловское
2425/4	Хозяйственные дела	А. М. Кипрушова	1976	с. Михайловское
2425/5	Частушки	А. М. Кипрушова	1976	с. Михайловское
2425/7	Родня	А. М. Кипрушова	1976	с. Михайловское
2426/1	О жизни	А. М. Кипрушова	1976	с. Михайловское
2426/3	Была цыганка	К. Ф. Сафонова	1976	с. Михайловское
2426/4	Частушки	К. Ф. Сафонова	1976	с. Михайловское
2426/6	О деревне	К. Ф. Сафонова	1976	с. Михайловское
2427/4	Жила по-крестьянски	М. Д. Кюршунова	1976	с. Михайловское

Таблица 5. Материалы по людиковской топонимике, записанные Н. Н. Мамонтовой и И. И. Муллонен в 1987–1988 годах (выборка)
Table 5. Ludic toponymy recorded by N. N. Mamontova and I. I. Mullonen in 1987–1988 (selected)

Единица хранения	Название	Информант	Год	Место записи
3029/1	Наименования мест в окрестностях д. Вашаково Пряж. р-на	М. Д. Нестеров	1987	д. Вагинская Пристань
3029/2	Окрестности д. Афанасьева Сельга	А. Н. Серова	1987	д. Лижма
3029/3	Топонимия д. Лижма	А. М. Серов	1987	д. Лижма
3030/2	Топонимия д. Пелдожа	Е. П. Беляева	1987	с. Святозеро
3030/3	Окрестности д. Пелдожа	Ф. Ф. Прокопьев	1987	с. Святозеро
3031/1	Окрестности д. Сигнаволок	М. В. Антипов	1987	с. Святозеро
3031/3	Окрестности д. Лахта (Святозеро)	Н. И. Кириллов	1987	д. Лахта
3032/2	Топонимия д. Святозеро	А. Н. Петров	1987	с. Святозеро
3033/1	Топонимия д. Святозеро	К. М. Любовин	1987	с. Святозеро
3033/1	Топонимия д. Палнаволок	М. П. Хартикайнен	1987	с. Святозеро
3044/3	Топонимия д. Олькойла	А. И. Андреева	1987	д. Вохтозеро
3045/2	Топонимия д. Вохтозеро	М. П. Игнатьев	1987	д. Вохтозеро

В 1988 году языковедами ИЯЛИ КарНЦ РАН был организован выезд в с. Михайловское Олонецкого р-на с целью фиксации топонимии и фольклорно-этнографического материала. Аудиоколлекция этих записей также хранится в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН (ед. хран. 3129/1-16, 3130/1-13, 3131/1-12, 3132/1-10, 3133/1-17, 3134/1-2, 3158/1-16, 3159/1-8, 3160/1-7). В этом же году в с. Михайловское вел записи Н. Н. Пахомов (ед. хран. 3198/1-28, 3199/1-21, 3200/1-14, 3201/1-28, 3202/1-11, 3203/1-9).

Богатый этнографический материал в 1987 году был зафиксирован А. П. Конкка в с. Спаская Губа (ед. хран. 3064/1-22, 3065/1-31, 3066/1-26, 3067/1-16) и д. Декнаволох (ед. хран. 3067/17-33, 3068/1-10).

В последние годы людиковское наречие все больше привлекает внимание исследователей разного профиля. В Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН изучается литература писателей-людиков, грамматика и лексика людиковского наречия, топонимия, современная социолингвистическая ситуация. С участием ученых института в разные годы был реализован ряд комплексных проектов, направленных на изучение людиковского наречия карельского языка: «Комплексное экспедиционное обследование людиковского этноязыкового ареала» (руководитель – доктор филологических наук И. И. Муллонен, 2012), «Создание электронной базы топонимии карел-людиков» (руководитель – кандидат филологических наук Д. В. Кузьмин, 2009–2010), «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии» (руководитель – кандидат исторических наук А. А. Савицкий, 2014–2015) и др. [7: 18]. В рамках вышеназванных проектов осуществлялись экспедиционные выезды на территории компактного проживания карелов-людиков. Так, например, в 2012 году удалось совершить комплексное экспедиционное обследование людиковского этноязыкового ареала, материалы этой экспедиции также хранятся в ФА

ИЯЛИ КарНЦ РАН (ед. хран. 3721/1, 3725/2-16, 3726/1-13).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках статьи описать подробно каждую аудиоколлекцию не представляется возможным: мы представили лишь небольшую часть уникального людиковского диалектного материала, хранящегося в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. Сбор материала активно осуществлялся в 1960-е и 1980-е годы, и людиковские диалектные коллекции архива включают не только ценный лингвистический, но и фольклорный и этнографический материал. В дальнейшем сбор материала возобновился в 2000-е годы, и людиковское наречие до сих пор вызывает большой интерес у исследователей. Наиболее исследованными фольклористами пунктами являются с. Михайловское, с. Святозеро и д. Виданы, менее исследован Кондопожский район. Языковедами ИЯЛИ КарНЦ РАН наиболее исследованы с. Святозеро и с. Михайловское, Кондопожский район и д. Виданы – в меньшей степени. Большую часть материала языковеды фиксировали для сборников образцов речи и словарей, фольклористами и этнографами был собран ценнейший материал о праздниках, обрядах, традиционной пище, утвари, одежде, народной медицине, верованиях и др. [4: 32]. К сожалению, значительная часть записей на людиковском наречии не расшифрована и не переведена собирателями, также далеко не все записи опубликованы и крайне нуждаются в оцифровке в целях обеспечения их дальнейшего хранения.

Цифровизация архивных и полевых аудиообразцов карельской и вепсской речи в формате речевого корпуса в дальнейшем сможет упростить обработку и хранение материалов, позволит ввести в научный оборот и представить в открытый доступ уникальные аудиоматериалы, отражающие состояние карельских и вепсских диалектов начиная с середины прошлого столетия, которые хранятся в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сайт ФА: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=16>.

² Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар): dictorpus.krc.karelia.ru.

³ Опись материалов на карельском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://phonogr.krc.karelia.ru/section.php?id=71> (дата обращения 28.04.2022). Обзор материалов ФА ИЯЛИ РАН дается в тексте по этому источнику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранцев А. П. Образцы людиковской речи (образцы корпуса людиковского идиолекта). Петрозаводск: Карелия, 1978. 287 с.
2. Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Л.: Наука, 1975. 280 с.
3. Бойко Т. П. Памяти В. Д. Рягеева (08.01.1935–28.03.2019) // *Linguistica Uralica*. 2019. Т. 55, № 4. С. 238–239.

4. Иванова Л. И. Фольклор карелов-людиков: история собирания и современное состояние // Живая старина. 2013. № 3 (79). С. 30–33.
5. Новак И. П. Коллекция тверских карельских диалектных материалов в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 41–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.566
6. Родионова А. П. Вклад А. П. Баранцева в исследование людиковского наречия карельского языка // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2021. № 3 (55). С. 48–54.
7. Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В. Людики: вопросы сохранения языка и культуры: Исследования и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 167 с.
8. Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.
9. Näytteitä karjalan kielestä I. Joensuu; Петрозаводск, 1994. 455 с.

Поступила в редакцию 02.06.2022; принята к публикации 29.08.2022

Original article

Aleksandra P. Rodionova, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5645-9441; santrar@krc.karelia.ru

COLLECTIONS OF LUDIC DIALECTAL MATERIALS IN THE PHONOGRAM ARCHIVE OF THE INSTITUTE OF LINGUISTICS, LITERATURE AND HISTORY OF THE KARELIAN RESEARCH CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Abstract. The article presents the first-of-its-kind overview of the Ludic dialectal audio materials stored in the Phonogram Archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science (Petrozavodsk). The records have been made by the members of the said institute since the 1960s. The aim of this article is to describe the dialectal materials collected by A. P. Barantsev in the 1960s and the 1970s and by V. D. Ryagoev, N. G. Zaitseva, I. I. Mullonen and others in the 1980s. The work originality is that these materials have never been described before. The materials of the Ludic collection have scientific, cultural and historical value for researchers and include not only samples of the northern, middle and southern Ludic dialects and the dialect of Mikhailovskoye village, but also some toponymic, folklore and ethnographical data. The material for the analysis was extracted by continuous sampling from the inventory of Karelian-language materials of the Phonogram Archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science and summarized in the tables. The studied source may be of interest to a wide range of specialist, including linguists, folklorists, historians and ethnographers.

Key words: Ludic dialect, Karelian language, audio materials, Phonogram Archive of the KarRC RAS Institute of Linguistics, Literature and History, speech samples, folklore texts

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No 22-28-20215 "Creation of the speech corpus of the Baltic-Finnic languages of Karelia" implemented in cooperation with Karelia's authorities and financed from the Venture Capital Fund of the Republic of Karelia.

For citation: Rodionova, A. P. Collections of Ludic dialectal materials in the Phonogram Archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):64–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.818

REFERENCES

1. Barantsev, A. P. Samples of Ludic speech (samples from the corpus of the Ludic idiolect). Petrozavodsk, 1978. 287 p. (In Russ.)
2. Barantsev, A. P. Phonological means of the Ludic speech (a descriptive analysis). Leningrad, 1975. 280 p. (In Russ.)
3. Boiko, T. P. In memory of V. D. Ryagoev (08.01.1935–28.03.2019). *Linguistica Uralica*. 2019;55(4):238–239. (In Russ.)
4. Ivanova, L. I. Folklore of the Ludic Karelians: history of collection and modern state. *Living Antiquity*. 2013;3(79):30–33. (In Russ.)
5. Novak, I. P. Collection of Tver Karelian materials in the Phonogram Archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):41–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.566 (In Russ.)
6. Rodionova, A. P. Aleksandr Barantsev's contribution to the study of the Ludic dialect of the Karelian language. *Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions*. 2021;3(55):48–54. (In Russ.)
7. Rodionova, A. P., Nagurnaya, S. V., Chikina, N. V. The Ludic Karelians: issues of language and culture preservation: Research and materials. Petrozavodsk, 2017. 167 p. (In Russ.)
8. Fedotova, V. P. Phraseological dictionary of the Karelian language: Reference book. Petrozavodsk, 2000. 260 p. (In Russ.)
9. Näytteitä karjalan kielestä I. Joensuu; Petrozavodsk, 1994. 455 с.

Received: 2 June, 2022; accepted: 29 August, 2022

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

АРХАИЧНЫЕ ФОРМЫ СВЯЗКИ *БЫТЬ* В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ XVIII СТОЛЕТИЯ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

А н н о т а ц и я . В контексте лингвистического наследия М. И. Пигина рассматривается промежуточное положение синкретичных конструкций с глаголом *быть* на материале поэтических текстов XVIII века. Анализируется постепенная утрата использования отвлеченных связок и бытийных глаголов в разных жанрах. Полученные данные сопоставляются с материалами грамматических трактатов XVIII века и трудов по истории русского синтаксиса XX столетия. На базе текстов Национального корпуса русского языка рассматриваются архаичные формы *есмь*, *еси* и *есте*, анализируется частотность соответствующих форм в поэтических текстах. На основе поэтических контекстов эпохи барокко и классицизма, а также с учетом данных «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» подтверждаются тенденции, связанные с сокращением использования подобных форм. Отмечается актуализация связок в формах настоящего времени в «высоких» жанрах, использование связок с целью фольклорной стилизации, а также общая тенденция к сокращению архаичных связочных форм в пушкинскую эпоху.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, глагол-связка, глагол *быть*, поэтическая грамматика, М. И. Пигин
Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Для цитирования: Патроева Н. В. Архаичные формы связки *быть* в поэтической речи XVIII столетия: грамматические и стилистические особенности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 71–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.819

ВВЕДЕНИЕ

Матвей Иванович Пигин, стоявший у истоков формирования историко-грамматической научной школы Петрозаводского государственного университета, одну из своих работ специально посвятил предложениям с глаголом *быть* [11], которые, по мнению автора, оказываются синкретичными по своей синтаксической сущности, занимая промежуточное положение между глагольным и именным типом конструкций: в случае когда глагол *быть* выступает в экзистенциальном лексическом значении и является полнозначным в позиции простого глагольного сказуемого при подлежащем – субъекте бытия, предложение относится к вербальному типу; если в составе сказуемого имеется связочный глагол *быть* – результат переносного употребления в абстрактном, гораздо более отвлеченном значении, то конструкция превращается в именную с подлежащим – субъектом состояния и квалификации.

Связка¹ *быть* – омоним (по другой точке зрения, лексико-семантический вариант, то есть

одно из значений) бытийного глагола – уникальна не только в том отношении, что является полностью грамматикализованной и участвует в образовании аналитических форм, но и в парадигматическом плане: это единственный в русском языке глагол, который в ходе эволюции морфологической системы утратил в презенсе изменение по лицам и числам. По поводу исторических изменений в парадигме настоящего времени глагола *быть* М. И. Пигин отмечает:

«В старший период истории русского языка (XI–XII–XIII вв.) глагол “есть” мог изменяться по лицам и числам и мог употребляться в значении “находиться”, а также в значении “существует” с оттенком процессуальной длительности бытия» [11: 212].

Также М. И. Пигин останавливается на проблеме происхождения супплетивных форм *есмь*, *еси*, *есте*, *есть* настоящего времени в сопоставлении с инфинитивом *быть* [11: 195]: если древнерусское *bъиѣти* восходит к индоевропейскому корню основы *bheu* со значением ‘расти’ (ср. *быльем поросло*, *былинка*), то супплетивные образования этимологически связаны с корнем *es*, обо-

значавшим 'дышать', 'жить' (ср. с санскритским *asus* — 'жизнь'). Архаичный атематический тип спряжения, в современном русском языке свойственный глаголам *есть* (в значении 'кушать') и *дать* и производным от них, у *быть* в настоящем времени представлен только формами третьего лица *есть* и *суть*, стилистически ограниченными в основном сферой научной речи.

Д. В. Руднев, посвятивший целый ряд своих исследований анализу становления полузнаменательных связок в русском языке XVI–XVII веков, констатирует, что «отсутствие работ, в которых описывались связки в отдельные периоды русского языка, не позволяет проследить становление связочных глаголов как системы» [15: 300]. Одним из редких исключений являются работы Г. Н. Акимовой [1: 27–44], изучавшей значения и синтагматику связочных средств в ломоносовском наследии и констатировавшей на основе своих наблюдений активное использование связки *есть* в научной прозе XVIII века под влиянием не только латинского, но и церковнославянского языка: по образцам книжных памятников прошлого совершалось формирование «метафизического» слога.

С точки зрения развития историко-синтаксических и историко-стилистических исследований важно проследить судьбу постепенной утраты использования бытийных глаголов и отвлеченных связок первого и второго лица в различных жанрово-стилистических сферах русской литературной речи, тем более что подобные попытки уже предпринимались.

Представляется интересным также сравнить рекомендации, даваемые в грамматических трактатах XVIII века относительно употребления форм настоящего времени бытийного глагола и омонимичной ему отвлеченной связки, с реальной речевой практикой того же времени. Поскольку основными жанрами художественной словесности в тот период были стихотворные, то задачей данной статьи является анализ функционирования форм *есть*, *еси*, *есмы*, *есте* в русской поэтической речи на материале источников XVIII столетия² — периода формирования новых общелитературных норм.

ОБСУЖДЕНИЕ

На неупотребительность форм настоящего времени глагола *быть* в живой русской речи указывали авторы грамматик XVIII — начала XIX века. Например, В. Е. Адо(а)дуров в своих написанных по-немецки правилах русской грамматики издания 1731 года («Anfangs-Gründe der Russischen Sprache») по поводу использования форм глагола *быть* замечает:

«...далее приведены две парадигмы, первая *бытийного глагола* (*Verbo Substantiuo*) **я есмь** (ich bin), а вторая глагола **я имею** (ich habe). Их еще называют *вспомогательными глаголами* (*Verba Auxiliaria*): несмотря на то что говорить о них применительно к спряжениям в русском языке не нужно, поскольку, как уже было сказано, они используются при образовании будущего времени, то их следует иметь в виду»³,

— не уточняя далее, зачем «следует» читателю грамматики русского языка «иметь в виду» эти формы. Далее приводится сама парадигма: **я есмь**, **ты еси**, **он есть**, **мы есмы**, **вы есте**, **они суть** и пр. Вероятно, Василий Адодуров здесь намекает на архаический характер данных форм: неслучайно в разделе «О синтаксисе» хотя и говорится о глаголе *есть*, но приводятся формы прошедшего и будущего времени:

«Глагол **Есмь** (ich bin) и его *производные* (Deriutata) требуют постоянного использования перед ними *именительного падежа*, а после себя либо *именительного*, либо *творительного падежа*: **онъ будетъ Архїереємъ** (er wird ein Bischof werden), **Ево отецъ былъ человекъ учоной** (sein Vater war ein gelehrter Mann)»⁴.

М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» 1755 года уже прямо и уверенно заявляет, что формы *есть*, *еси*, *есмы*, *есте* «неупотребительны»⁵, «глаголь *есть* свойственно в российском языке разумеется и редко явственно изображается, особливо в обыкновенном штиле и в разговорах...»⁶, а *суть* не в живой речи, а «в письме только употребляется»⁷.

Горячий сторонник и талантливый продолжатель ломоносовских идей А. А. Барсов, которого своим наставником в грамматике считал, например, Н. М. Карамзин, дает уже гораздо более пространственный комментарий, касающийся употребления форм глагола *быть* в современной грамматисту речи:

«...изъ всѣхъ лицъ настоящаго времени изъяснительнаго наклоненія глагола существительнаго *Есмь*, въ российскомъ языкѣ употребительно только третіе Единственное *есть*, и нѣсколько еще множественное *суть*; и то развѣ въ ученомъ содержании, или въ высокомъ слогѣ... Въ обыкновенныхъ же разговорахъ, письмахъ и сочиненіяхъ, по наибольшей части ихъ пропускаютъ... *Еси* же, *есмы есте*, принадлежать единственно къ славенскому языку, а въ российскомъ совѣмъ не употребительны...»⁸.

А. Х. Востоков в «Русской грамматике» рассуждает в духе ломоносовских и барсовских рекомендаций:

«3. Когда же сказуемое есть *глаголь составной*, тогда связью служить вспомогательный глаголь *есть*, *суть*, *быль*, *будеть*, и пр., напр. Праздность *есть* порокъ. Ученикъ *быль* прилѣженъ. Учитель *будеть* доволенъ. 4. Глаголь вспомогательный настоящего времени *есть*, *суть*, при именахъ прилагательныхъ и причастіяхъ, а иногда и при существительныхъ въ сказуемомъ опускается...»⁹.

Таким образом, А. Х. Востоков отмечает, что связка в форме настоящего времени, как правило, элиминируется даже в третьем лице, особенно часто при прилагательных и причастиях в составе предиката, однако в своих стихотворных опытах прибегает к использованию подобных форм с целью не только версификационной, но и стилистической¹⁰ (всего в 58 произведениях Востокова, вошедших в поэтический подкорпус НКРЯ, зафиксировано 15 репрезентаций связки *быть* в формах *есте*, *есть*, *суть*).

Историки русского синтаксиса стремились выявить не только тенденции, связанные со снижением активности употребления глагола *быть* в формах презенса (см. труды Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, В. И. Борковского, Я. А. Спринчака, П. С. Кузнецова, Т. П. Ломтева и др.), но и особенности грамматического и стилистического использования парадигмы настоящего времени бытийного глагола и омонимичной ему отвлеченной связки. Так, Л. А. Булаховский характеризует использование *есть* и *суть* как «синтаксическую особенность, типичную для XVIII века и вошедшую в литературный язык под влиянием образцов старославянских» [3: 297]. По наблюдениям Л. А. Булаховского, «форма 3-го л. мн. ч. *суть* может считаться живою только в древнейших памятниках русского языка», более поздние примеры использования сугубо книжной формы *суть* часто оказываются грамматически неправильными, с постановкой при субъекте в форме ед. ч. [2: 216].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Форма ЕСМЬ

По данным НКРЯ, форма *есмь* отмечена 23 вхождениями в 21 произведение на протяжении

XVIII столетия (в среднем 0,008 словоупотребления на 3018 документов периода, содержащихся в поэтическом подкорпусе), из которых 4 приходится на полнозначный бытийный глагол: *Тебя я где ни ощущаю, В весельях ли я есмь твоих...* (Ф. И. Дмитриев-Мамонов. «О Роскошь, сладостна во свете...», 1769 г.); *Я есмь; – конечно, есть и Ты!* (Г. Р. Державин. «Бог», 1784 г.); *Я есмь, меня не позабудешь...* (Я. Б. Княжнин. «Стансы Богу», 1780 г.); *Всегда я буду, есмь и был...* (А. Н. Радищев. «Творение мира», 1785–1789 гг.); 6 примеров использования отвлеченной связки при именной части, выраженной кратким прилагательным¹¹, местоимением или причастием¹²: *Я был, я есмь, я счастлив буду, Паллада Севера, тобой...* (А. И. Клушин. «Благодарность Екатерине Великой за всемиловитейшее увольнение меня в чужие края с жалованьем», 1793 г.); *...Дарын муж всегда найдет во мне Слугу, каков я был и есмь его жене* (Ю. А. Нелединский-Мелецкий. «Письмо к Дарье Ивановне Головиной из Витебска», 1783–1785 гг.); *Есмь еще на всякую ночь Ложе плачем умывая И слезами напоаяя, Отчужден всего и тощ* (В. К. Тредиаковский. «Ода VIII. Парафразис псалма 6», 1752 г.); 9 репрезентаций – связка при именительном... *я житель есмь Ямския слободы...* (В. И. Майков. «Елисей, или Раздраженный Вакх» 1769 г.); и т. п. примеры; 3 – при косвенных падежах существительного: *Аще и росски пишу, не росска есмь рода...* (А. Д. Кантемир. «Автор о себе (эпиграмма III)», 1729–1730 гг.), из них 2 иллюстрации приходятся на творительный падеж – конструкция, затем ушедшая из употребления: *Мне славно, что я есмь толь храбрых войск царем!..* (М. М. Херасков. «Россиада», 1771–1779 гг.); *Не я ли есмь виной сих тварей бытия?* (В. И. Майков. «Суд Паридов», 1777 г.) – см. также рис. 1.

Рис. 1. Частотность формы *есмь* в русской поэзии XVIII века

Figure 1. Frequency of the form *есмь* (*esm'*) in the eighteenth-century Russian poetry

В державинской фразе, интересной использованием «высокого» старославянизма – местоимения 1 л. ед. ч., отсутствует дейктический коррелят в составе предиката при связке (предполагаемое слово *тот*, к которому относится придаточная часть): «*Аз есмь, – вещал, – кто равен Богу!*» (Г. Р. Державин. «На рождение великого князя Михаила Павловича», 1798 г.).

Еще в одном из контекстов именная часть при связке не называется в соответствии с жанром «загадки», так что возникает фигура умолчания:

*Я в трех частях земли; меня в четвертой нет;
Меня ж иметь в себе не может целый свет;
Но мир меня в себе имеет, и комар;
Не может без меня земной стояти шар...
Еще ли ты меня не знаешь? Я есмь...* (В. И. Майков. «Я в трех частях земли; меня в четвертой нет...», 1773 г.)

Всего для леммы *есмь* зафиксировано 152 контекста в 107 документах на протяжении трех веков развития русской лирики, или в среднем 0,002 вхождения в 93930 документах, хранящихся в поэтическом подкорпусе НКРЯ, то есть частотность использования *есмь* в диахронической перспективе оказывается вчетверо меньше, чем в XVIII веке¹³.

Стихотворные произведения, в которых наблюдается использование формы *есмь*, предсказуемо относятся к «высоким» жанрам оды, переложения псалма, героической поэмы, элегии «ad futuram memoriam» и «ad gloriam», молитвы:

*Возвратись моя радость, Марсова защита:
Марс, не Марс без тебя есмь, ах!*
(В. К. Тредиаковский. «Элегия о смерти Петра Великого», 1725 г.);

*Но зрите, зрите, что есмь я;
И нет нигде другого бога...*
(В. К. Тредиаковский. «Ода XVIII. Парафразис вторых песни Моисеевы», 1752 г.);

*Весь, Боже, Твой я есмь, и жду во всякой доле,
Что Давший жизнь свершит и счастье мое.*
(Ю. А. Нелединский-Мелецкий. «Молитва», 1787 г.);

*Хранитель русского престола я есмь дух,
Склони к моим словам внимательный твой слух...*
(В. И. Майков. «Освобожденная Москва», 1772–1773 гг.);

*Светильник правды нарицаюсь;
Небес прецедрых я есмь дочь...*
(В. И. Майков. «Ода ищущим мудрости», 1778 г.);

*Боже, Боже! Отче мой! – сын к Тебе взывает;
Человек Тебя Отцем смело называет.
Хоть по плоти, яко червь, пред Тобой я низок;
Но по духу моему я к Тебе есмь близок.*
(Н. П. Николев. «Молитва покаяния», 1795 г.);

Я есмь Еней, о ком молва гремит трубою...
(В. П. Петров. «Еней», 1770–1781 гг.).

Исключения из этого стилистического ряда немногочисленны и фиксируются в пародии¹⁴ (травестийной ирои-комической поэме), анакреонтической оде, послании, например:

*«Отвори, – Любовь сказал мне,
Младенец я есмь, не бойся.*
(А. Д. Кантемир. «Из Анакреонта. О любви», 1736–1742 гг.);

Не чудно, что я вам столь многим есмь отец...
(В. И. Майков. «Елисей, или Раздраженный Вакх», 1769 г.).

Связка ЕСИ

Форма *еси* зафиксирована на протяжении трех веков в 77 документах поэтического подкорпуса НКРЯ (всего 108 вхождений), причем на XVIII столетие приходится только 6 словоупотреблений в 5 документах – см. рис. 2, или в среднем 0,002 словоупотребления на 1 документ из 3018 входящих в НКРЯ стихотворных произведений данного периода. Таким образом, активность *еси* в 4 раза ниже, чем у *есмь*, хотя в диахронической перспективе эта частотность только вдвое меньше, чем у формы 1 л. ед. ч.: в среднем 0,001 вхождения в 94930 документов всего подкорпуса¹⁵.

Рис. 2. Частотность формы *еси* в русской поэзии XVIII века
Figure 2. Frequency of the form *esi* (*esi*) in the eighteenth-century Russian poetry

Увеличение средней активности использования формы *еси* начиная с пушкинского периода обусловлено главным образом тем, что эта связка обычно привлекается в составе формулы в целях фольклорной стилизации, только диахронически сохраняя отношение к системе вспомогательных глаголов и грамматически трансформируясь при клишированном использовании, например, в «Добрыне» Н. А. Львова: «*Ох ты гой еси, русский твердый дух!*...» (1796 г.)¹⁶.

Несмотря на удобство использования этой «ямбической» по акцентной структуре связки в русском стихе, вне подобных формульных контекстов связка 2 л. ед. ч. используется в поэзии XVIII столетия уже спорадически – исключительно в жанре молитвы, обращенной к Богу, Богородице, песни (духовной оды, гимна – в том числе один пример и у «новатора» Н. М. Карамзина в переводе произведения английского поэта А. По(у)па):

Ты вся еси святого духа исполненна.
(Стефан Яворский. «Ты, облеченна в солнце,
Дево Богомати...», 1705 г.);

*Каков еси, един ты сам себя познал,
Свой разум с мудростью и с силой соравнял...
Един ты истинный и бесконечный бог,
Господь еси ты всех небесных воев сильных!*
(Ф. П. Ключарев. «Песнь Всемогущему», 1782 г.);

...ты еси источник блага...
(Н. М. Карамзин. «Всеобщая молитва,
сочиненная г. Попом», 1789 г.).

Примечательно, что всех случаях использования связки *еси* в именной части сказуемого присутствует форма именительного падежа (как указывалось выше, при вспомогательном глаголе в форме *есмь* уже шире используется косвенно-падежная именная часть).

Связка *ЕСТЕ*

Форма 1 л. мн. ч. *есмы* не представлена в материалах поэтического подкорпуса НКРЯ. Связка 2 л. мн. ч. *есте* отмечена лишь двумя вхождениями в следующих контекстах из лирики XVIII столетия (бытийный глагол в этой форме не зафиксирован в поэтической речи эпохи)¹⁷ – из элегии, переведенной с латинского И. Максимовичем, и из написанной александрийским стихом поэмы Ф. Козельского:

Вы есте свидетели, дебри и потоки...
(И. П. Максимович. «Сия ли в рождение мое
бысть планета...», 1714–1732 гг.);

Но мню, что вы есте велико божество.
(Ф. Я. Козельский. «Незлюбивая жизнь», 1769 г.).

Таким образом, самой употребительной среди устаревших отвлеченных связок 1 и 2 лица оказывается в русской поэтической практике форма *есмь*.

ВЫВОДЫ

Выявленная в процессе исследования частотность использования форм глагола *быть* в настоящем времени подтверждает отмеченную уже историками русского синтаксиса для литературной речи тенденцию к совершавшемуся на протяжении Нового времени сокращению использования форм *есмь*, *еси*, *есмы*, *есте*, практически утраченных еще в старорусский период в живом устном употреблении.

Презенс от *быть* используется поэтами грамматически правильно¹⁸ и сопровождает в качестве связки или полнозначного экзистенциального глагола подлежащие-субъекты, выраженные местоимениями 1 и 2 лица, antecedентами которых являются чаще всего христианский Бог, Богородица, боги из античных мифов, светские правители, реже – лирический герой стихотворения или персонаж поэтического нарратива.

Есмь, *еси*, *есте* не участвуют в рифмообразовании, занимая позиции начала (более сильную) и середины стиха¹⁹, однако функционально-семантический вес бытийного глагола и связки возрастает в случае морфологически гетерогенного лексического повтора – сопряжения в одной строке разных временных форм глагола *быть*.

В последней четверти XVIII века отмечаются первые случаи формульного использования связок (*гой еси*) с целью фольклорной стилизации и, напротив, фактически исчезает употребление связки в составе сложного прошедшего времени²⁰.

Связки в формах настоящего времени используются поэтами по преимуществу в «высоких» жанрах переложения псалма, духовной оды, героической поэмы, молитвы, что подчеркивает, с одной стороны, стремление сохранить преемственность традиций церковной литературы и светской словесности, с другой – релевантные для классицистической поэзии процессы стилистической дифференциации различных жанров. Пушкинская эпоха демонстрирует значительное сокращение архаичных связочных форм в связи с усилившимся процессом демократизации русской литературной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О сущности и соотношении понятий *вспомогательный глагол* и *связка* см., напр., в работах Л. В. Поповой: [12], [13], [14]. В качестве близкой нам точки зрения на связку *быть* приведем высказывание известного русского морфолога, представителя Петербургской и Тамбовской лингвистических школ, проф. А. Л. Ша-

- рандина: «...специфика слова-связки 'быть' в том, что она лексична и грамматична одновременно. Нет необходимости выявлять, что преобладает над чем. Для этого слова нерелевантно разграничение лексического и грамматического значений, что и обеспечивает 'быть' особый статус в системе частей речи русского языка, его широкие сочетательные возможности с разными частями речи» [16: 100].
- ² На материале поэтической речи XX века судьбу связки *быть* блестяще анализирует в своих монографиях и статьях Л. В. Зубова: [5], [6], [7]. Употребление бытийного глагола *есть* в составе стихотворного зачина рассматривается в работах: [9], [10].
- ³ Адодуров В. Е. «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», или «Первые основания русского языка». СПб.: Наука: Нестор-История, 2014. С. 169.
- ⁴ Там же. С. 183.
- ⁵ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 500.
- ⁶ Там же. С. 564.
- ⁷ Там же. С. 500.
- ⁸ «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 154, 551.
- ⁹ Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб.: В Типографии И. Глазунова, 1831. С. 223.
- ¹⁰ Приведем только два примера из стихотворных опытов А. Х. Востокова (здесь и далее стихотворные иллюстрации приводятся по материалам поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>): *Вы гой есте, Кто баяну Певисладу друз!* («Певислад и Зора», 1802 г.); *Как мир физический живет движеньем, Моральный мир живет к добру влеченьем, И в бже обоое соединенны суть* («Бог в нравственном мире», 1807 г.).
- ¹¹ Членная (местоименная, полная) адъективная или причастная форма в позиции предиката – явление еще достаточно редкое в XVIII веке в сравнении с именными (нечленными, краткими) формами – см. краткий экскурс в историю изучения данного вопроса, например, в работе: [8: 7–13].
- ¹² Динамике членных (полных) и нечленных (кратких) форм в составе именного предиката, в том числе при связке *быть*, посвящена обширная литература. Укажем в качестве примера только одну из работ, в которой подтверждается редкость полных форм прилагательных в присвязочной позиции для русского литературного языка еще и в XVIII веке: [4].
- ¹³ Ср. с полученными сопоставительными данными из основного корпуса НКРЯ для формы *есмы*: 243 контекста между 1700 и 1800 годами, всего 1232 вхождения в XVIII–XX веках, при этом в среднем 0,112 вхождения на 1 документ в XVIII веке (эпистолярные, философские и публицистические сочинения, торжественные «слова», реже комедии, содержащие отсылки к Святому Писанию); 0,009 вхождения на 1 документ на протяжении трех веков.
- ¹⁴ В начале XIX столетия К. Н. Батюшков так же пародийно, с намеком на «архаистов»-шишковистов из объединения «Беседа любителей русского слова», использует связку *есмы* в «Видении на берегах Леты» (1811 г.): *Кургановым писать учен; Известен стал не пустяками, Терпеньем, потом и трудами; Аз есмы зело славенофил...*
- ¹⁵ В основном корпусе НКРЯ зафиксировано для XVIII века 709 контекстов, 2357 вхождений между 1700 и началом 2000-х годов; в среднем 0,326 вхождения для XVIII столетия и 0,018 репрезентации на протяжении трех веков соответственно, что более чем вдвое превышает эти же показатели для формы *есмы*, тогда как в поэтической речи мы видим обратную картину: максимальна активность формы *есмы* на фоне иных для 1 и 2 лица настоящего времени. В первом и втором томах «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» (Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 574 с.; Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. 608 с.) формы связки подаются в структурных схемах под наименованием «отвлеченных», а полнозначные омонимичные глаголы включены в группу «бытийных».
- ¹⁶ Ср. с подобными примерами из произведений XIX века: *Ей вы, гой еси кавказцы-молодцы..!* (А. Бестужев-Марлинский); *Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!* (М. Лермонтов) и т. п.
- ¹⁷ В основном корпусе НКРЯ формы *есмы* и *есте* зафиксированы в «Завещании» и проповедях С. Яворского, торжественных словах Ф. Прокоповича, некоторых эпистолярных источниках, нравоучительных сочинениях духовных отцов, философских трактатах.
- ¹⁸ Между тем поэзия XX века уже дает нам примеры «аграмматичных» бытийных и связочных форм настоящего времени: так, И. Бродский «неправильно» использует *суть* при подлежащем в форме ед. ч., делая это осознанно [7: 19].
- ¹⁹ Интересно, что в рифмопарах М. В. Ломоносова фигурируют только формы прошедшего и будущего времени *будет*, *было*, *были* (Словарь языка М. В. Ломоносова / Гл. ред. Н. Н. Казанский. Вып. 4. Словарь рифм М. В. Ломоносова. Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний. Указатели / Отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостянова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 975, 995–996). В поэзии М. Цветаевой и И. Бродского Л. В. Зубова нашла примеры участия связок *есть* и *суть* в рифмообразовании, усиливающего бытийный смысл, семантизирующего отвлеченную связку.
- ²⁰ В иллюстративном материале «Словарь русского языка XVIII века» при описании связки *БЫТЬ* отмечается использование А. П. Сумароковым перфекта с участием формы *еси* в переложении 9-го псалма: «Съл еси

на престолъ яко судия праведный», однако в поэтический подкорпус НКРЯ данный текст не включен (Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Т. 2. (Безпристрастный – Вейэр). Л.: Наука, 1985. С. 187).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов Г. Н. Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: Очерки / Отв. ред. С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 13–290.
2. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1958. 488 с.
3. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
4. Граннес А. Варьирование прилагательных в составном сказуемом с формами повелительного наклонения *будь, будьте* // Граннес А. Избранные труды по русскому и славянскому языкознанию / Под ред. В. Б. Крысько. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 366–377.
5. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 264 с.
6. Зубова Л. В. Форма *суть* в поэзии Иосифа Бродского // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1996. Bd. 37. S. 109–117.
7. Зубова Л. В. Форма *суть* в поэтическом языке Иосифа Бродского // Зубова Л. Поэтический язык Иосифа Бродского: Статьи. СПб.: ЛЕМА, 2015. С. 5–20.
8. Котов А. А. Прилагательные-предикаты в русском литературном языке XVII–XVIII веков: грамматический аспект. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 89 с.
9. Патроева Н. В. Зачины с экзистенциальным глаголом *ЕСТЬ* в русской поэзии XVIII–XX вв.: опыт грамматического и функционально-семантического описания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 68–72.
10. Патроева Н. В. Инициальные бытийные предложения в русской поэзии XVIII–XX вв.: опыт грамматического и функционального описания // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 5–6. С. 6–31.
11. Пигин М. И. Конструкция речи с глагольным сказуемым, выраженным глаголом «*быть*» в знаменательной форме, в истории русского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Исторические и филологические науки. 1956. Т. VI. Вып. I. С. 193–212.
12. Попова Л. В. К вопросу о соотношении глагола и связки // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2010. № 3. С. 38–44.
13. Попова Л. В. К вопросу о соотношении понятий *вспомогательный глагол* и *связка* // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 157–160.
14. Попова Л. В. Связка: позиция, функция, семантика // Русский язык в школе. 2011. № 9. С. 50–55.
15. Руднев Д. В. Система связочных глаголов в русском языке XVIII века // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: Очерки / Отв. ред. С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 300–313.
16. Шарандин А. Л. Глагол в истории отечественного языкознания: к вопросу о месте глагола в системе частей речи русского языка: Монография. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2003. 123 с.

Поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Natalia V. Patroeva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

ARCHAIC FORMS OF THE LINKING VERB *TO BE* IN THE POETIC SPEECH OF THE XVIII CENTURY: GRAMMATICAL AND STYLISTIC CHARACTERISTICS

Abstract. The paper uses M. I. Pigin's linguistic works to investigate the intermediate position of the syncretic constructions with the verb *to be* in the eighteenth-century poetic texts. The author analyzes the gradual loss of abstract copulas and existential verbs in different genres. The obtained data are compared with the materials of the eighteenth-century grammatical treatises and the twentieth-century works on the history of Russian syntax. Based on the texts from the Russian National Corpus, the archaic forms *есмь* (*esm'*), *еси* (*esi*) and *есме* (*este*) are studied and the frequency of their corresponding forms in poetic texts is analyzed. The analysis of the Baroque and Classicism poetic contexts, as well as the data of the *The Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the XVIII Century* confirms the tendencies associated with the reduced usage of these forms. The author points to the actualization of linking verbs in the present tense in so-called "high" genres, the use of copulas for the purpose of folklore stylization, and a general tendency to reduce the number of the archaic connective forms in the Pushkin era.

Key words: poetic syntax, linking verb, verb *to be*, poetic grammar, M. I. Pigin

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No 22-28-00991 (<https://rscf.ru/project/22-28-00991/>).

For citation: Patroeva, N. V. Archaic forms of the linking verb *to be* in the poetic speech of the XVIII century: grammatical and stylistic characteristics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):71–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.819

REFERENCES

1. Akimova, G. N. Essays on the syntax of Mikhail Lomonosov's language. *Grammar and stylistics of the Russian language in synchrony and diachrony: essays*. (S. V. Vyatkina, D. V. Rudnev, Eds.). St. Petersburg, 2012. P. 13–290. (In Russ.)
2. Bulakhovskiy, L. A. Historical commentary on the Russian literary language. Kiev, 1958. 488 p. (In Russ.)
3. Bulakhovskiy, L. A. The Russian literary language of the first half of the XIX century: Phonetics. Morphology. Stress. Syntax. Moscow, 1954. 468 p. (In Russ.)
4. Grannes, A. Variability of adjectives in compound predicates with the imperative mood forms *bud'* and *bud'te*. *Selected works on Russian and Slavic language studies*. (V. B. Krysko, Ed.). Moscow, 1998. P. 366–377. (In Russ.)
5. Zubova, L. V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic aspect. Leningrad, 1989. 264 p. (In Russ.)
6. Zubova, L. V. The form *sut'* in Joseph Brodsky's poetry. *Wiener Slawistischer Almanach*. Wien, 1996. Bd. 37. P. 109–117.
7. Zubova, L. V. The form *sut'* in Joseph Brodsky's poetic language. *Zubova, L. Joseph Brodsky's poetic languages: Articles*. St. Petersburg, 2015. P. 5–20. (In Russ.)
8. Kotoy, A. A. Predicate adjectives in the Russian literary language of the XVII and the XVIII centuries: grammatical aspect. Petrozavodsk, 2017. 89 p. (In Russ.)
9. Patroeva, N. V. Beginnings with the existential verb *ECTb (EST')* in the Russian poetry of the XVIII–XX centuries: an experience of grammatical and functional-semantic description. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2012;7(128(1)):68–72. (In Russ.)
10. Patroeva, N. V. The initial existential clauses in Russian poetry of the XVIII–XX centuries: experience of grammatical and functional semantic description. *Language. Philology. Culture*. 2012;5–6:6–31. (In Russ.)
11. Pigin, M. I. The construction of speech with a verbal predicate expressed by the verb “to be” in its full form in the history of the Russian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. Series: Historical and Philological Sciences. 1956;VI(1):193–212. (In Russ.)
12. Popova, L. V. To the question on correlation of concepts of the auxiliary verb and the copular. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2010;3:38–44. (In Russ.)
13. Popova, L. V. To the question on correlation of concepts of the auxiliary verb and the copular. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2012;2(1):157–160. (In Russ.)
14. Popova, L. V. Copula: position, function, semantics. *Russian Language at School*. 2011;9:50–55. (In Russ.)
15. Rudnev, D. V. The system of linking verbs in the eighteenth-century Russian language. *Grammar and stylistics of the Russian language in synchrony and diachrony: essays*. (S. V. Vyatkina, D. V. Rudnev, Eds.). St. Petersburg, 2012. P. 300–313. (In Russ.)
16. Sharandin, A. L. Verb in the history of Russian linguistics: the place of verbs in the system of Russian parts of speech. Tambov, 2003. 123 p. (In Russ.)

Received: 31 January, 2022; accepted: 25 July, 2022

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9939-9389; perevodchik88@yandex.ru

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ИХ РОЛЬ В ПОЭЗИИ М. В. ЛОМОНОСОВА

А н н о т а ц и я . Рассматриваются важные с точки зрения синтаксической организации поэтического текста отрицательные безличные конструкции, играющие значимую роль в системе русского языка. Предлагается краткий экскурс в историю изучения безличных предложений. Акцентируется внимание на значимой роли М. И. Пигина в анализе отрицательных безличных предложений. Анализируются поэтические тексты М. В. Ломоносова на предмет присутствия в них безличных отрицательных конструкций с опорой на «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века». Актуальность исследования обуславливается малой изученностью связи синтаксических структур и поэтического языка стихотворных контекстов XVIII века. Формулируются выводы, связанные со структурно-типологическим, семантическим и риторическим разнообразием тех поэтических контекстов М. В. Ломоносова, в которые включены отрицательные безличные конструкции. Полученные результаты могут быть использованы для проведения лингвопоэтических сопоставительных исследований, направленных на изучение поэтического синтаксиса и риторических приемов предшественников, современников и последователей М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, М. И. Пигин, поэтический синтаксис, безличные предложения, отрицательные безличные конструкции

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Для цитирования: Лебедев А. А. Отрицательные безличные конструкции и их роль в поэзии М. В. Ломоносова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 79–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.820

ВВЕДЕНИЕ

Безличные предложения играют значимую роль в синтаксической системе русского языка, будучи разнообразными как с точки зрения семантики, так и по своей структуре. Более того, в современном русском языке количество безличных предложений непрерывно растет, что объясняется в том числе и «различными грамматическими процессами, которые в конечном итоге обусловлены также усложнением содержания речи» [3: 151]. До сих пор окончательно не решен вопрос, связанный с генезисом безличных конструкций в разных языках мира. Сама по себе группа безличных предложений в русском языке чрезвычайно разнородна и частотна. Особенность построения безличных предложений состоит в том, что действие изображается в отрыве от того, кто совершает это действие, а признак не связан с его носителем. Как отмечает В. В. Виноградов, «морфологическая категория безличности, свойственная глаголу,

как бы санкционирует особую синтаксическую форму сказуемого, несоотнесительного с подлежащим» [2: 397].

Рассмотрение вопросов, связанных с безличным предложением, невозможно без обращения к фундаментальным трудам А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. А. А. Шахматов, классифицируя безличные предложения, опирается более на логическую составляющую [15], в то время как для А. М. Пешковского основным принципом классификации является грамматический аспект [11].

Современные исследования безличных предложений связаны преимущественно с попытками связать данный тип конструкций с различными экстралингвистическими факторами, особенностями народного менталитета, традициями культуры, что переводит подобные исследования в лингвокультурологическое русло. В этом аспекте наиболее известны работы А. Вежибицкой [1] и З. К. Тарланова [14]. Следует оговориться,

что данное направление анализа безличных конструкций сознательно не затрагивается в данной статье.

Помимо лингвокультурологического подхода, не менее интересными и значимыми являются диахронические исследования, подразумевающие привлечение материалов, связанных не только с современным русским языком, но и с текстами, относящимися к XVII–XVIII векам. С этой точки зрения дополнительного внимания требуют исследования художественного текста в целом и поэтического текста в частности, в которых подобные безличные конструкции могут играть значимую роль¹.

Особым случаем, составляющим предмет рассмотрения данной статьи, становятся отрицательные безличные предложения. В частности, А. В. Петров определяет такие предложения как бытийные безлично-генитивные предложения с основной семантикой «отрицания бытия (наличия) предметов, явлений, признаков» [10: 242–243]. В монографии «Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка» представлена подробная классификация таких безлично-генитивных предложений с точки зрения семантики [10: 245–249].

Последовательно и системно историю отрицательных безличных предложений в русском языке рассмотрел в своей статье [12] Матвей Иванович Пигин, один из основоположников научной школы кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета. Его научный труд, будучи, как кажется, незаслуженно забытым сегодня, представляет собой значимое исследование в аспекте анализа односоставных конструкций.

ВКЛАД М. И. ПИГИНА В ИЗУЧЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Статья М. И. Пигина «Из истории отрицательных безличных предложений», опубликованная в 1961 году, представляет собой системный анализ отрицательных безличных предложений с точки зрения самых разных аспектов. Автор приходит к ряду значимых выводов, которые тезисно можно представить следующим образом:

1. Отрицательные безличные предложения, представляющие собой сочетание родительного падежа существительного и глагола *быть* в безличной форме, не имеют параллельной себе формы безличных утвердительных предложений и по смыслу противопоставлены личным утвердительным предложениям (*книги нет у меня* – *книга есть у меня*).

2. Подобное противопоставление характерно только в том случае, если глагол *быть* имеет экзистенциальное значение. В тех случаях когда он приближается по смыслу к глаголам *наподобие являться* или *посещать*, не наблюдается противопоставление безличных отрицательных и личных утвердительных предложений (*меня вчера не было в кино* – *я вчера был в кино*).

3. Безличные утвердительные обороты (наподобие *воды у нас есть*) встречаются только в диалектах русского языка и являются вымирающим типом предложения, который подвергается переосмыслению.

4. Родительный падеж отрицания по своему происхождению партитивный. Как следствие – все безличные отрицательные предложения можно структурировать по двум типам: а) первичный – родительный падеж отрицания возник на месте родительного падежа части (*воды нет*); б) вторичный – родительный падеж отрицания возник за пределами партитива (*сестры нет*). Первый тип безличных отрицательных конструкций имеет параллельные формы безличных утвердительных предложений; второй тип не имеет таких параллельных форм.

5. Безличные отрицательные вытесняли личные отрицательные предложения, что связано с развитием таких конструкций в целом. Подобные предложения давали возможность

«бытие предмета изображать в полном отвлечении от всякой его активности и были таким образом весьма удобными для употребления там, где речь шла лишь о бытии или небытии предмета, где говорящий интересовался лишь самим фактом существования предмета» [12: 44].

6. Родительный падеж части не следует рассматривать как более поздний вариант в сравнении с родительным падежом количества (здесь М. И. Пигин вступает в дискуссию с В. А. Богородицким², ссылаясь на факты истории русского языка).

Таким образом, М. И. Пигин системно рассматривает вопрос функционирования отрицательных безличных предложений в русском языке. В доказательство своей точки зрения автор активно использует не только синхронические и диахронические данные русского языка, но и привлекает диалектные данные, а также сопоставительные данные из других языков (белорусского, украинского, польского, словацкого, сербского, чешского, литовского и латышского). Подобный обстоятельный анализ демонстрирует важность данных типов конструкций как с диахронической точки зрения, так и с учетом современных тенденций русского языка.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

М. В. Ломоносов в своем «Кратком руководстве к красноречию» разделяет предложения на утвердительные и отрицательные, уточняя: «В отрицательных предложениях сказуемое от подлежащего отъемляется»³. Комментариев к использованию негативной частицы в безличных односоставных предложениях, включаемых между тем неоднократно автором руководства в примеры речей, мы в ломоносовской риторике не обнаружили. В «Российской грамматике» находим короткое суждение о модальной семантике инфинитивных синтагм (относимых некоторыми синтаксистами к группе безличных предложений): «Но ежели сочинится с частицею *не*, отчаяние о желаемом значит: не бывать мнѣ въ отечествѣ; не видать своихъ родителей»⁴.

Приступая к рассмотрению поэтического творчества М. В. Ломоносова в синтаксическом аспекте, следует оговориться, что предметом исследования в этом случае становились не только собственно простые односоставные безличные отрицательные предложения, но и отдельные части сложных предложений, которые обладают свойством безличности и отрицательности. Классификация типов предложений основывалась на материалах «Синтаксического словаря русской поэзии»⁵. Из 122 проанализированных простых односоставных предложений лишь 11 являются безличными, и только одно из них – отрицательным: *Но златом волн морских не можно утолить*⁶.

Значительно чаще бессоюзные отрицательные конструкции встречаются в составе сложных предложений, как бинарных, так и многокомпонентных (всего было проанализировано 1306 таких конструкций). При этом не удается отметить какой-то предрасположенности М. В. Ломоносова к определенному типу предложения в аспекте безличности. Безличные компоненты могут встречаться в самых разных типах предложений, среди которых:

1) бинарные сложносочиненные предложения: *«В тебе, Россия, нет примеру; / И ныне отвержен удар»;*

2) бинарные сложноподчиненные предложения: *«Однако при конце не можно преминуть, / Чтоб новых мне его чудес не помянуть»;*

3) бинарные бессоюзные предложения: *«Догадки лишь одной свинье недостает: / Натурса смысла всем свиньям не подает»;*

4) многокомпонентные сложноподчиненные предложения: *«Если правда, что планеты / На-*

шему подобны свету, / Конче в оных мудрецы / И всех пуще там жрецы / Уверяют бороною, / Что нас нет здесь головою»;

5) многокомпонентные бессоюзные предложения: *«Исчезли все затей лишны, / Ужасных нет во мне премен; / Везде веселы клики слышны: / Монарх наш сильных двух колен»;*

6) многокомпонентные предложения с сочинением и подчинением: *«Пространными Китай стенами / Закрыт быть мнится перед нами, / И что пустой земли хребет / От стран российских отделяет, / Он гордым оком к нам взирает, / Но в них ему надежды нет»;*

7) многокомпонентные предложения с сочинением и бессоюзием: *«Никто не уповай во веки / На тщетну власть князей земных: / Их те ж родили человеки, / И нет спасения от них»;*

8) многокомпонентные предложения с подчинением и бессоюзием: *«Где нет ни правил, ни закону, / Премудрость тамо зиждет храм; / Невежество пред ней бледнеет»;*

9) многокомпонентные предложения с сочинением, подчинением и бессоюзием: *«Штивелий уверял, что муж мой худ и слаб, / Бессилен, подл, и стар, и дряхлой был аран; / Сказал, что у меня кривясь трясутся ноги / И нет мне никакой к супружеству дороги».*

Анализируя позицию такой безличной отрицательной части в пределах сложного предложения, следует отметить, что чаще всего она расположена в конце высказывания (что подтверждается в том числе и вышеприведенными примерами), подводит итог размышлению. Лишь в ряде случаев односоставная безличная часть дислоцируется в середине предложения, например: *«Отмкнулась дверь, поля открылись, / Пределов нет, где б те кончились»;* *«Цела обширность крепких стен, / Везде столпами укрепленных, / Там вопля в стогнах нет стесненных, / Не знают скорбных тех времен».*

Если рассматривать контексты с учетом семантической классификации А. В. Петрова, то следует отметить, что в творчестве М. В. Ломоносова преобладают контексты с безлично-модальной семантикой, с модальностью возможности. В этой связи сошлемся на мнение Н. В. Патроевой о том, что

«именно негативная модальная частица... является тем языковым средством, которое привносит... требуемый ирреальный смысловой подтекст (вероятности, гипотетичности, оппозитивности как характеристик добавочной ситуации)» [6: 188].

Можно сопоставить данное замечание с высказыванием А. М. Пешковского о том, что отри-

цательное значение «должно напомнить читателю значение категории косвенных наклонений» [11: 387], поскольку в обоих случаях подчеркивается ирреальность связи между подлежащим и сказуемым.

Иные варианты единичны – к примеру, контексты, включающие в себя психическое, эмоциональное состояние человека:

«В другом блистает ум небесный, / Но дом себе имеет тесный, / И духу сил недостает»; «Он гордым оком к нам взирает, / Но в них ему надежды нет»;

отрицания, служащие описанию окружающей среды:

«Там мир в полях и над водами, / Там вихрей нет, ни шумных бурь; / Между млечными облаками / Сияет золото и лазурь».

Особо следует рассмотреть риторические приемы, встречающиеся в отрицательных безличных предложениях, поскольку актуальным является вопрос соотношения между средствами речевой выразительности и выбором той или иной синтаксической конструкции в творчестве М. В. Ломоносова. В отрицательных безличных конструкциях могут актуализироваться:

1) метафоры: *«Внезапно чудный слух по всем странам течет, / Что от громовых стрел опасности уж нет!»;*

2) риторическое обращение: *«В тебе, Россия, нет примеру; / И ныне отвращен удар»;*

3) антифразис: *«Уж плохи для него лавровые венки, Нельзя тем увенчать премудрые виски»;*

4) анафора: *«Там мир в полях и над водами, / Там вихрей нет, ни шумных бурь»;*

5) гипербола: *«Отмкнулась дверь, поля открылись, / Пределов нет, где б те кончились».*

Помимо этого, для безличных конструкций с отрицательным значением характерно бытование в качестве риторических восклицаний, например: *«Смущенна мысль остановилась, / Что слов к тому недостает!»;* риторических вопросов, в том

числе оптативных по значению: *«Таковыми вот весь свет наполнен дураками: / Не можно ль на осле им ехать обоим?»;* причем в этом случае такой безличный компонент – восклицание или «вопросение» – располагается в конце сложного предложения, завершая и тем самым усиливая его. Риторические вопросы с семантикой желательности и сомнения содержат ослабленное или скрытое в подтекст отрицание (в утвердительных по форме, но не по смыслу высказываниях): *«Посмотрим в понт, в поля, во весь посмотрим свет; / Что славно найдем в них, в чем к ней примера нет?».*

ВЫВОДЫ

Сложные предложения с безличной предикативной частью представляют собой особое лингвистическое явление, требующее специального изучения. Это касается и структурной составляющей подобных конструкций, и их семантического наполнения, и функциональных особенностей в рамках поэтического синтаксиса, поскольку данные типы конструкций могут актуализироваться в поэтическом творчестве.

Структурно-типологическое разнообразие отрицательных безличных предложений характерно для поэзии М. В. Ломоносова, однако в семантическом отношении следует отметить преобладание контекстов с безлично-модальной семантикой, с модальностью возможности. Особо следует обратить внимание на то, что риторика как система приемов экспрессивного выражения мысли оказывала значительное влияние на поэтический синтаксис изучаемой эпохи.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в последующем системном изучении тропов и фигур поэтической речи XVIII века, в частности в сопоставлении творчества М. В. Ломоносова с поэзией В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более подробно данная проблема была затронута в статьях: [4], [5], [13].

² Подробно позиция В. А. Богородицкого изложена в: Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. М.: Учпедгиз, 1939. С. 217–218.

³ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 118.

⁴ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 566.

⁵ Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. 608 с. О методологии составления словаря см.: [7], [8], [9].

⁶ Здесь и далее тексты М. В. Ломоносова цитируются по изданию: Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. (Библиотека поэта; Большая серия). 559 с. Границы строк внутри строфы обозначены косой наклонной чертой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
2. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 389–435.
3. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1958. 332 с.
4. Коняшкин А. А. Стилистические функции односоставных предложений в рассказах В. М. Шукшина // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2021. № 3 (37). С. 25–29.
5. Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Семантический субъект в русских безличных предложениях // Филологический класс. 2020. № 2. С. 93–102. DOI: 10.26170/FK20-02-08
6. Патроева Н. В. Обособленные полупредикативные конструкции с негацией // Язык и культура: Сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Л. В. Савельевой, прапраправнучки А. С. Пушкина, Дербент, 16–18 мая 2022 года. Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2022. С. 182–192. DOI: 10.33580/9785001289425_182
7. Патроева Н. В., Лебедев А. А. Проект синтаксического словаря языка русской поэзии XVIII – первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (148). С. 53–55.
8. Патроева Н. В. Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2018. № 1. С. 178–191.
9. Патроева Н. В. Синтаксический словарь русской поэзии от Кантемира до Лермонтова: теоретико-методологические проблемы создания и некоторые итоги // Современные проблемы авторской лексикографии: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л. Л. Шестаковой. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 57–65.
10. Петров А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. Архангельск: Поморский университет, 2007. 295 с.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.
12. Пигин М. И. Из истории отрицательных безличных предложений в русском языке // Лингвистический сборник. Петрозаводск, 1962. Вып. 1. С. 3–45.
13. Сомова М. В. Безличные конструкции как изобразительно-выразительное средство языка и речи // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 75–78.
14. Тарланов З. К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // Филологические науки. 1998. № 5–6. С. 65–75.
15. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 620 с.

Поступила в редакцию 16.08.2022; принята к публикации 05.09.2022

Original article

Alexander A. Lebedev, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9939-9389; perevodchik88@yandex.ru

NEGATIVE IMPERSONAL CONSTRUCTIONS AND THEIR ROLE IN MIKHAIL LOMONOSOV'S POETRY

Abstract. The article deals with negative impersonal constructions that are important from the point of view of the syntactic organization of the poetic text and play a significant role in the system of the Russian language. The author offers a brief digression into the history of the study of impersonal sentences with particular focus on the significant role of M. I. Pigin in the analysis of negative impersonal sentences. The poetic texts of Mikhail Lomonosov are analyzed for the presence of impersonal negative constructions with the use of *The Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the XVIII Century*. The relevance of the study is due to the lack of knowledge of the relationship between syntactic structures and the poetic language of the eighteen-century poetic contexts. The conclusions concern the structural and typological, semantic, and rhetorical diversity of those Lomonosov's poetic contexts that include negative impersonal constructions. The obtained results can be used in linguo-poetic comparative studies aimed at investigating the poetic syntax and rhetorical devices of Lomonosov's predecessors, contemporaries, and followers.

Key words: Mikhail Lomonosov, M. I. Pigin, poetic syntax, impersonal sentences, negative impersonal constructions

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No 22-28-00991 (<https://rscf.ru/project/22-28-00991/>).

For citation: Lebedev, A. A. Negative impersonal constructions and their role in Mikhail Lomonosov's poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):79–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.820

REFERENCES

1. Vezhbitskaya, A. Language. Culture. Cognition. Moscow, 1997. 416 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Fundamental issues of sentence syntax (exemplified by the Russian language). *Topics in the study of grammatical system*. Moscow, 1955. P. 389–435. (In Russ.)
3. Galkina-Fedoruk, E. M. Impersonal sentences in modern Russian language. Moscow, 1958. 332 p. (In Russ.)
4. Konyashkin, A. A. Stylistic functions of one-part sentences in V. M. Shukshin's stories. *Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University*. 2021;3(37):25–29. (In Russ.)
5. Mikhailova, O. A., Mikhailova, Yu. N. The semantic subject in Russian impersonal sentences. *Philological Class*. 2020;2:93–102. DOI: 10.26170/FK20-02-08 (In Russ.)
6. Patroeva, N. V. Isolated semi-predicative constructions with negation. *Language and culture: Proceedings of the International Research Conference Dedicated to the 85th Anniversary of Professor L. V. Savelyeva, Alexander Pushkin's great-great-great-granddaughter, Derbent, May 16–18, 2022*. Makhachkala, 2022. P. 182–192. DOI: 10.33580/9785001289425_182 (In Russ.)
7. Patroeva, N. V. Lebedev, A. A. Syntactic dictionary of Russian poetry of XVIII – first half of XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2015;3(148):53–55. (In Russ.)
8. Patroeva, N. V. Syntactic poetic dictionary: theoretical and methodological foundations of a lexicographic project. *Slavic Historical Lexicology and Lexicography*. 2018;1:178–191. (In Russ.)
9. Patroeva, N. V. The syntactic dictionary of Russian poetry from Kantemir to Lermontov: theoretical and methodological problems of creation and some results. *Modern issues of author's lexicography: Collection of research papers*. (L. L. Shestakova, Ed.). Moscow, 2018. P. 57–65. (In Russ.)
10. Petrov, A. V. Impersonality as a semantic and grammatical category of the Russian language. Arkhangelsk, 2007. 295 p. (In Russ.)
11. Peshkovsky, A. M. Russian syntax covered by scholarly research. Moscow, 1956. 512 p. (In Russ.)
12. Pigin, M. I. The history of negative impersonal sentences in the Russian language. *Linguistic collection*. Petrozavodsk, 1962. Issue 1. P. 3–45. (In Russ.)
13. Somova, M. V. Impersonal sentences as an impressive means of language and speech. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014;7(336):75–78. (In Russ.)
14. Tarlanov, Z. K. Russian impersonal sentence in the context of ethnic worldview. *Philological Sciences*. 1998;5–6:65–75. (In Russ.)
15. Shakhmatov, A. A. Syntax of the Russian language. Moscow, 2001. 620 p. (In Russ.)

Received: 16 August, 2022; accepted: 5 September, 2022

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА ИВАНЯН

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания филологического факультета

Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4782-0658; ivanyan@pgsga.ru

ЗАРУИ ГЕВОРКОВНА АЙРЯН

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник института литературы имени М. Абегамяна

Национальная академия наук Республики Армения (Ереван, Республика Армения)

ORCID 0000-0002-7558-5889; nerses91@rambler.ru

ВАРИАТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

А н н о т а ц и я . Цель статьи – комплексный анализ механизмов и приемов вариативной интерпретации действительности в сказке О. Туманяна «Хозяин и работник» и ее вариантах (переводах на русский язык, на язык киноискусства). Задачи: выполнить анализ механизмов интерпретации в семиотическом, таксономическом, когнитивном, переводоведческом и экстралингвистическом аспектах. Актуальность исследования связана с методологией когнитивной теории вариативной интерпретации действительности и переводоведения. Методы исследования: сопоставительный, интроспекции; эмпирический материал собран методом сплошной выборки. Дана авторская разработка комплексного подхода к анализу механизмов альтернативной интерпретации действительности. Выполнен обзор теории вариативной интерпретации. Отмечена важность изучения данной теории в аспекте переводоведческих сопоставлений вариантов художественного текста. В семиотическом аспекте определено, что данные механизмы на уровне «персонаж – персонаж» выполняют в сказке сюжетобразующую функцию; переводоведческом – механизмы исследованы как реализующие стратегии переводчика; таксономическом – охарактеризован лексический уровень бытования механизмов альтернативной интерпретации; когнитивном – выявлен такой сбой в процессе восприятия, как эффект фокусировки. Особое внимание уделяется экстралингвистическому аспекту, в котором определены особенности переводов послереволюционного времени. Экстралингвистический и по-новому интерпретированный когнитивный аспекты определяют новизну исследования. Разработка комплексного подхода изучения механизмов альтернативной интерпретации действительности будет результативна для исследований значимых художественных текстов, имеющих варианты в виде переводов и экранизаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : механизмы вариативной интерпретации действительности, стратегии переводчиков, экстралингвистический аспект, таксономический аспект, когнитивный аспект, прием переобозначения объектов Благодарности. Авторы благодарят директора Дома-музея Ованеса Туманяна (г. Ереван, Республика Армения) А. Егиазарян за предоставленную информацию о творчестве писателя.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванян Е. П., Айрян З. Г. Вариативная интерпретация действительности в литературной сказке: комплексный подход // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 85–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.821

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении веков лингвисты отмечают, что человеческий язык способен влиять на восприятие действительности посредством ее вариативной интерпретации: стакан наполовину полон или пуст. Таковы работы Фр. Бэкона 1620 года [6], Дж. Локка 1690 года [20], программная

идея Д. Болинджера первой половины XX века [5] и т. п. В XX веке, особенно в последней его четверти, российские и зарубежные исследователи пишут о программировании восприятия посредством альтернативных интерпретаций действительности [4], [18], [24] и др. В настоящее время теория вариативной интерпретации

действительности (ВИД) активно развивается [8] и др. Исследователи описали языковые механизмы ВИД в рамках теории воздействия на сознание, выявили преобразования в описании положения дел, влияющие на образ этого положения дел [3], [19], [26] и др. Продолжением развития теории ВИД стали работы в области переводоведения [23], изучения деформации пословиц [29], поговорок и в «интерпретативном» дискурсе, содержащем речевые тактики «называния всего своими именами» [17: 170], в риторике [16], рекламе¹ и др.

Нашим эмпирическим материалом для изучения механизмов ВИД в литературной сказке послужили переводы сказки О. Туманяна «Хозяин и работник» на русский язык, осуществленные А. Баяндур², Г. Кубатьяном³ и Я. Хачатрянцем⁴, а также кинофильм «Хозяин и слуга» студии «Арменфильм» (сценарий Е. Манаряна)⁵. Методология исследования: когнитивная теория ВИД, включающая понимание умолчания как предельный случай аннулирующего преобразования [19], ср. [10]; требования к качественному переводу, сформулированные Л. С. Бархударовым:

«...перевод – это нечто гораздо большее, чем наука. Это также и умение, а вполне качественный перевод, в конечном счете, всегда является и искусством»⁶.

В учет брался перечень требований к переводу, разработанный В. Н. Комиссаровым [15: 33]. Принимались во внимание различные подходы к переводу: литературоведческий, лингвистический, коммуникативно-функциональная теория переводоведения художественных текстов [1], [9], [23]. Значимыми для исследования явились традиция сопоставления переводов художественных текстов [11], [12] и учет особенностей народного армянского юмора [13], [14].

Предложенный нами комплексный подход к изучению литературной сказки, ставшей прецедентным феноменом, который ориентирован на теорию ВИД, а также содержательное наполнение разделов комплексного подхода составляют новизну работы. Обращение к теории ВИД под новым углом зрения в аспекте изучения художественного текста, входящего в классику армянской литературы, свидетельствует об актуальности предпринятого исследования.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Сказка «Хозяин и работник» принадлежит перу классика армянской литературы Ованеса Туманяна, жившего в конце XIX – первой четверти XX века, которого называли «поэтом всех армян» [25]. Отметим, что эта литературная сказка написана на фольклорном материале, сходный сюжет представлен в устном на-

родном творчестве народов Севера (ненецкая сказка). Сюжет сказки стал восприниматься как прецедент, как руководство к действию: не нужно пессимистично воспринимать мир, взгляни на мир с оптимизмом, и ситуация изменится в лучшую сторону. Сказка написана в 1908 году. В 1962 году экранизирована киностудией «Арменфильм», многократно воспроизводилась на экранах СССР и Армении. Хозяин нанимает работника «до первого кукования» кукушки за тысячу рублей с условием, что если хозяин рассердится, то деньги работнику не будут выплачены, и он будет работать бесплатно еще десять лет; если рассердится работник, то хозяин выплатит ему тысячу рублей. Хозяин придумывает все новые виды работ и новые уловки по договору, бедняк работает до глубокой ночи. В результате он не выдерживает и в ужасе сбегает, становясь должником. Теперь его младший брат нанимается к хозяину, договариваются об оплате в две тысячи рублей с условием, что если хозяин рассердится, то деньги не будут выплачены, и работник будет работать бесплатно двадцать лет. Младший брат не усердствует в работе, а когда хозяин возмущается его бездельем, сразу спрашивает: «Ты сердишься?» Боясь потерять деньги, хозяин отказывается называть это гневом. Теперь страдает хозяин. Работник плохо работает, занимается вредительством, при этом пользуется словесными уловками так, что выходит, будто это сам хозяин распорядился. Хозяин приводит младшего брата в лес послушать, как кукует кукушка (на дереве сидит и кукует жена хозяина). Работник делает вид, что не видит жену, и пытается подстрелить птицу. Хозяин в гневе признается, что гневается, и отдает две тысячи рублей. Так младший брат освобождает старшего от долга и без труда зарабатывает тысячу рублей.

Предлагаем комплексный подход к анализу механизмов ВИД в художественном произведении, сочетающий разные аспекты исследования: семиотический, таксономический, когнитивный, переводоведческий и экстралингвистический.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На уровне «персонаж – персонаж» в сказке представлена имитация естественно-языковой коммуникации. Согласно миметическому характеру художественного творчества, разговорные практики персонажей квалифицируются адресатом речи (читателем / зрителем) как происходящие в реальном мире [27]. Выполненный с учетом семиотических предпосылок анализ механизмов ВИД показал, что на уровне «персонаж – персонаж» в качестве средств воздействия на сознание адресата представлены следующие

преобразования «нейтрального описания» положения дел: 1) аннулирующее, 2) индефинитизирующее; 3) фингирующее и 4) модальное. Согласно исследованию [19], аннулирующее преобразование приводит к исключению из описания некоторой части положения дел; в результате индефинитизирующего преобразования из-за замены конкретных предметов и участников более обобщенными описаниями увеличивается неопределенность в интерпретации ситуации.

В анализируемой сказке представлено взаимодействие двух видов преобразования – аннулирующего и индефинитизирующего в следующих примерах. Хозяин, договариваясь с работником, прибегает к аннулирующему преобразованию, из договора исключается конкретное время его окончания: «пока кукушка не закукует»; часы работы: «жни, пока светло, а как стемнеет, вернешься» (175)⁷. Данное преобразование правомерно толковать и как индефинитизирующее: эти условия можно определить как переданные более обобщенными описаниями, увеличивающими неопределенность в интерпретации. Эти преобразования основаны на подмене номинаций конкретного дня календаря и конкретного часа времени суток обращением к сенсорному опыту человека, что изначально сулит в дальнейшем возможности различных интерпретаций такого опыта. Так, известно, что кукушка ведет скрытный образ жизни, днем прячется в глухих местах леса, летает по ночам; участник договора может долго ее не услышать. Ср. с примером индефинитизирующего преобразования в договоре, учитывающем условие получения денег: «коли до этого времени ты рассердишься, ты мне дашь тысячу рублей, я рассержусь – я тебе дам» (175). Условие базируется не на характеристике результатов работы и ее объективной оценке, а вновь обращается к опыту человека, на этот раз – эмоциональному.

Исследователи отмечают, что индефинитизирующее преобразование в практике естественно-языковой коммуникации нередко осуществляется при поддержке фингирующего преобразования, вводящего в описание ситуации некоторые не содержащиеся изначально факты [19]. Когда работник возвращается с поля затемно, хозяин возражает: «Солнце-то закатилось, зато его брат выглянул, месяц» (175), хотя работа при месяце как заменителе солнца словесно не оговаривалась, но демагогически навязывается коммуникантом. Модальное преобразование осуществляется через введение идеи гипотетичности, оценки, рефлексии, напр.: «А ты *вроде бы* сердисься» (177); «Ты *сердишься, что ли?*» (176); «Нам надо немного вздремнуть. Так *или не так?*» (177); «Ты *часом не сердисься?*»

(177). Идея гипотетичности передается отрицательными и вопросительными конструкциями, сочетанием частиц *вроде* и *бы*. В целом многообразие преобразований нейтрального описания положения дел в сказке обусловлено тем, что они включены в развитие сюжета; механизмы ВИД в данном произведении выполняют сюжетообразующую функцию.

Активным приемом речевого воздействия является «навязывание» в пресуппозициях, см. пример, где хозяин побуждает работника работать ночью, при свете месяца: (О месяце) «*Чем он хуже светит?*» (175). Благодаря этому приему адресату речи внушается: при свете месяца тоже светло, а значит, нужно продолжить работу в поле.

В следующем примере представлена манипуляция замены ассертивной части и пресуппозиции с позиции адресата речи. Работнику (младшему брату) велят: «*зарезь овцу. – Которую? – Которая попадется*» (177). Работник зарезал все стадо, мотивируя, что «*мне все попались, я всех и зарезал*» (177). Устойчивое сочетание (об объекте речи) *который первый попадется (на глаза)* имеет значение 'любой из объектов'. Особенность естественно-языковой коммуникации, имитируемой в литературной сказке, состоит в том, что здесь представлено ненамеренное аннулирующее преобразование нейтрально описываемой ситуации. В «нейтральном описании» с наибольшей полнотой представлены все участники и все компоненты ситуации [19]. Применительно к анализируемой ситуации нейтральный ответ таков: Любую или: Первую из тех, что попадет на глаза. Поскольку в примере аннулирована ассертивная часть высказывания (говорящий руководствуется максимой способа изложения «будь краток»), адресат речи вправе рассматривать «оставшуюся» часть как достаточную для коммуникации, поскольку в устной разговорной речи активно представлена тенденция к экономии языковых средств. Адресат с целью воздействия на сознание осуществляет замену в частях пресуппозиции и ассерции, игнорируя имплицатуры дискурса. Теперь по воле адресата коммуникации ассерцией высказывания принимается не компонент *любую*, а компонент, входивший в пресуппозицию, – *попадется*. Образный характер устойчивого сочетания, раздельнооформленность его компонентов обуславливают семантическое окказиональное преобразование на основе актуализации словного признака лексики *попасться* (ср. [28: 61]).

ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Таксономический аспект предполагает характеристику значимого варьирования с уче-

том уровней языка. В сказке ВИД представлена на уровне лексики за счет аксиологических окказиональных синонимов в «интерпретативном» дискурсе. Речевые ситуации, выводящие высказывание на «метауровень», В. В. Лабутина условно относит к «интерпретативному» дискурсу, а номинации, по-разному оцениваемые с позиции механизмов ВИД, предлагает называть антосинонимами [17]. Полагаем, что подобные номинации вернее считать контекстуальными аксиологическими синонимами (разделяем точку зрения на такие обозначения проф. М. А. Кулинич, В. М. Савицкого). Так, в литературной сказке хозяину важно назвать свое поведение не гневом, а сожалением или жалостью (контекстуальные аксиологические синонимы: *сердиться – жалеть*).

Согласно договору, провоцирующий вопрос *Ты сердишься?* грозит участнику «трудового договора» окончанием и проигрышем, то есть необходимостью заплатить. В ответ на эти реплики старший брат, а в других ситуациях – хозяин отвечают сначала пропозициональным способом искажения истины (*Нет, не сержусь*), квалифицируют свою речь как констатацию, лишённую эмоции гнева: *Нет, просто говорю*. Но затем хозяин применяет окказиональный аксиологический синоним, когда работник (хитроумный младший брат) перерезал все стадо овец, хозяин говорит: «*Просто жалко стало: столько добра ни за что пропало...*» (177).

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Данный аспект исследует речевое воздействие, взаимосвязанное с процессом познания, сбоем в процессе восприятия. На уровне «персонаж – персонаж» в имитации естественно-языковой коммуникации в анализируемой сказке можно говорить об эффекте инертности восприятия, сбое в процессе функционирования когнитивной системы старшего брата (первого работника). Работник сосредоточился на ситуации не сердить хозяина, упуская вторую часть договора (хозяин тоже не может рассердить работника так, чтобы не проиграть), что в когнитивном аспекте именуется как эффект фокусировки: сосредоточенность на деталях в ущерб общей картине ситуации; при этом неверные суждения о ситуации (в данном случае – договора) порождают негативные последствия.

ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Творчество О. Туманяна, согласно сведениям директора Дома-музея Ованеса Туманяна в Ереване А. Егиазарян, переведено более чем на 50 языков мира⁸. На русский язык сказку «Хозяин и работник» переводили Я. Хачатрянц,

А. Тадеосян, А. Баяндур, Р. Каффриелянц, Г. Кубатьян – переводы перечислены в хронологическом порядке, ср.: [7: 55]. Г. Г. Молчанова, исследуя специфику перевода художественного текста с учетом выявления механизмов ВИД, отмечает особую значимость социокультурных факторов [23: 9]. Поскольку «перевод может лишь бесконечно сближаться с подлинником»⁹ и «художественному переводу присущ феномен множественности» [21: 46], полагаем, что переводоведческий аспект изучения ВИД в литературном произведении может дать нетривиальные результаты, выявляя стратегию переводчика, его интенции при создании перевода.

Переводчик – это проводник читателя в иную лингвокультуру. Передавая семантику исходного текста, переводчик может решать задачу сохранения лингвокультурной специфики оригинала либо, напротив, задачу устранения элементов этой специфики, по какой-то причине мешающих трансляции текста в иную культурную среду. Для переводоведческого аспекта исследования мы обратились к переводам А. Баяндур, Г. Кубатьяна, Я. Хачатрянца. В исходном тексте литературной сказки были представлены такие культурно маркированные языковые единицы, как 1) название армянской денежной единицы *փիլիք*; 2) междометие *вай* в значении возражения, несогласия; 3) непереводимый фразеологизм *սրբ լիւս*, который произносят в ситуациях сообщения радостной вести; 4) *լրկփիլիք* – специфическое название обуви простолюдинов из грубой кожи.

Как же поступили переводчики с безэквивалентной лексикой? В переводах сказки на русский язык представлены оба вида решения переводоведческих задач. Что касается названия денег, то во всех переводах дана замена на номинацию *рубли*. Специфическое междометие *вай* в переводах А. Баяндур и Г. Кубатьяна подвержено элиминированию, то есть осуществлено аннулирующее преобразование исходного текста. В переводе Я. Хачатрянца сохранено два примера национально-маркированного междометия *вай* (*վայ*) из четырех примеров исходного текста: в менее драматичных эпизодах междометие дважды элиминировано (аннулирующее преобразование). Что касается фразеологизма *սրբ լիւս* (дословный перевод: свет глазу твоему!), не имеющего аналога в русском языке, то во всех переводах дано только его значение: *Радуйся! Подражай!*

Безэквивалентная лексика, представленная номинацией *լրկփիլիք* в значении «грубая обувь», поставила перед переводчиками интересную лингвистическую задачу. Я. Хачатрянц (1945 год) применяет аннулирующее преобразование, со-

общая, что младший *начинает обуваться*, при этом элиминирует название обуви. А. Баяндур (1969 год), стремясь сохранить специфику национального текста, обращается к такому приему ВИД, как подмена-переобозначение объекта, вводя в текст экзотизм *постолы*. Это слово со значением 'сандалии из сыромятной обуви' не имеет отношения ни к армянской, ни к русской лингвокультурам, следовательно, экзотизм неоправданно усложняет текст перевода. Г. Кубатьян (1988 год) пишет, что работник натягивает *обувку*, применяя слово с широкой семантикой и отступая от буквальной передачи информации. С процедурной точки зрения на механизм ВИД можно отметить, что Я. Хачатрянц и Г. Кубатьян при переводе безэквивалентной лексики в данном примере применили такой механизм воздействия на сознание, как варьирование степени детальности описания ситуации.

Сравнительный метод переводов (вариантов исходного текста) в аспекте выявления механизмов ВИД позволяет отслеживать стратегии и интенции того или иного переводчика. Так, в переводе Г. Кубатьяна просматривается ведущая интенция упрощения, простой и почти дословной подачи исходного текста. Напротив, ведущей интенцией перевода А. Баяндур является совершенствование языковой формы для наилучшей репрезентации смысла, иногда и с отступлением от исходного текста.

Сопоставим два перевода одного эпизода. В подлиннике и переводе Г. Кубатьяна о договоре сказано: «...срок определяют до поры, покамест кукушка не закукует» (174). А. Баяндур о договоре пишет: «...работать до весны, до первого кукушкиного крика» (159). В данном переводе представлено фингирующее преобразование, добавляется деталь *первый кукушкин крик*, которая отсутствует у О. Туманяна, но способствует лучшей подаче содержания. Стремясь усилить прагматический эффект в имитации естественно-языковой коммуникации, А. Баяндур при переводе сказки применяет риторический прием «да, но...», см.: «Солнце-то, **верно**, зашло, **но** гляди: его братец-месяц на небе, чем он хуже светит?» (160). В примере представлено модальное преобразование (введен вводно-модальный компонент *верно*) и фингирующее преобразование, выраженное приемом «да, но...». Эти средства воздействия отсутствуют в исходном тексте, но усиливают содержание при переводе на русский язык. Можно заключить, что А. Баяндур в переводе стремится передать не букву, но дух исходного текста литературной сказки. В целом заключаем, что в переводах сказки на русский язык представлены обе переводоведческие стра-

тегии, сформированные еще в античные времена и противопоставляемые как переводы «слово в слово» (*verbumdeverbo*) и «смысл в смысл» (*sensumdesensu*). Из вышерассмотренных переводов можно заключить, что переводчикам удалось глубоко проникнуться авторской эстетикой Туманяна и в новом языковом бытии представить ее художественную суть.

Отметим, что армянские переводчики, в отличие от русских, которым приходилось переводить армянские тексты по подстрочникам [2], владели русским языком на высоком уровне, что и позволило им с максимальной близостью воспроизвести и смысл, и стиль подлинника. В переводах А. Баяндур, Г. Кубатьяна, Я. Хачатрянца отражено национальное своеобразие подлинника, они созвучны подлиннику и своей ярко-интонационной окраской. Комплексный анализ показал, что армянские переводчики создали такие варианты подлинника, которые в функциональном, смысловом и структурном отношении выступают в качестве полноправной замены, являясь умелым проводником в иную лингвокультуру, что свидетельствует о решении переводоведческих задач на высоком уровне.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данный аспект учитывает фактор влияния общества на язык; фокус внимания сосредоточен на идейном (идеологическом) воздействии на языковое сознание механизмами ВИД. Л. В. Щерба считал важным показ «тех лингвистических средств, посредством которых выражается <...> идейное содержание» [30: 97]. Сопоставляя исходный текст с его вариантами – переводами на русский язык и поликодовым образованием – кинофильмом (автор сценария – Е. Манарян), наблюдаем, что послереволюционные переводы литературной сказки подверглись механизмам ВИД на идеологических основаниях. Так, в переводах на русский язык обнаружена табуизация языковых единиц религиозной (христианской) семантики; в сильных текстовых позициях вариантов литературной сказки обнаружен прием переобозначения объектов. Интерес представляет динамика употребления религиозных номинаций в оригинале и переводах с учетом экстралингвистических факторов XX века: послереволюционный период – это время запрета на религию и номинации религиозной семантики.

Итак, в оригинале сказки О. Туманяна (1908) представлены три единицы христианской семантики. Это традиционный зачин сказки: *Մարգարէի փառքով իմ քով եմ, երկու փառքով եմ*; номинация *մարգարէ* в значении 'безбожник; бога на тебя нет!' и устойчивое сочетание *մարգարէ փառքով* в значении мольбы, 'ради бога!'

В издании 1945 года переводчика Я. Хачатрянца все номинации с данной семантикой элиминированы (аннулирующее преобразование). В издании 1969 года переводчика А. Баяндур представлены уже две языковые единицы с религиозной семантикой. Сохранен традиционный зачин: «*Да будет бог милостив и к вам и к двум братьям, о которых сказ пойдет*» (159) и применено устойчивое сочетание: «– *Бога ради, – кричит, – не убивай*» (161). В издании 1988 года, периода перестройки, переводчик Г. Кубатьян «наверстывает упущенное» другими переводчиками в отношении номинаций религиозной семантики; здесь представлены семь языковых единиц. Зачин: «*Дай бог удачи и вам, и двум братьям!*» (174). Междометное употребление фразеологизма *бог с тобой* в значении возражения (четыре примера; этого нет в подлиннике, значит, представлено фингирующее преобразование); «*Бога над тобой нет!*» (177), дан описательный вариант лексемы *безбожник*; употребление устойчивого сочетания: «*не стреляй ради бога!*» (178).

Иронию динамики языковых единиц христианской семантики можно увидеть в числах: в оригинале сказки таких номинаций **3**; в переводах Я. Хачатрянца и А. Баяндур в сумме элиминировано: $(-3) + (-1) = -4$ языковые единицы; в переводе Г. Кубатьяна помимо языковых единиц, соотносимых с оригиналом (**3**), добавлено **4** единицы (**+4**); восстановлена «числовая справедливость» единиц, изъятых из предшествующих переводов.

В сильных текстовых позициях сказки и ее вариантов выявлен прием переобозначения объекта, осуществленный с целью идеологического воздействия на сознание. В подлиннике название сказки дословно переводится как «Хозяин и слуга». В связи с послереволюционными переименованиями, связанными с изменениями в общественной жизни и идеологии, номинация *слуга* стала восприниматься как имеющая негативную мотивировку и была заменена лексемой с нейтральной окраской *работник*. Отметим: во всех переводах сказки на русский язык значится название «Хозяин и работник».

Между тем экранизация называется «Хозяин и слуга» (1962). Но и здесь все не так просто с сильными текстовыми позициями. Уже в первых кадрах кинофильма даны титры: «Сценарий Е. Манаряна по одноименному рассказу О. Туманяна». С одной стороны, в кинофильме возвращено оригинальное название («Хозяин и слуга»), с другой стороны, прием переобозначения объекта по идеологическим основаниям перешел на жанр: номинация *сказка* как нередко вызывающая критику ревнителей советского воспитания детей [22] заменена на более

идеологически «безупречную» – *рассказ*. Можно предположить взаимообусловленность этих двух переобозначений в сильных текстовых позициях на том основании, что поодиночке в отношении репрезентации оригинального текста они не представлены¹⁰: допуская «послабление» в одной идеологически спорной номинации (*слуга*), создатели фильма восстанавливают идеологическое влияние в другой (не *сказка*, а *рассказ*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный подход при изучении механизмов ВИД в сказке О. Туманяна позволил создать многомерную картину особенностей этих механизмов в пяти аспектах. Выявлено, что в семиотическом аспекте на уровне коммуникации «персонаж – персонаж» активен прием «навязывания» в пресуппозициях. «Нейтральное описание» положения дел подвергается преобразованиям аннулирующего, индефинитизирующего, фингирующего и модального характера, речевые уловки вплетены в сюжет сказки и способствуют его динамическому развитию. При таксономическом аспекте исследования обнаружено, что вариативная интерпретация в сказке на уровне лексики представлена посредством аксиологических окказиональных синонимов, выступающих в контексте в функции антонимов. Посредством данного речевого феномена персонажи осуществляют речевое манипулирование, стремясь реализовать задуманное в своих интересах. Когнитивный аспект исследования позволил проанализировать сказку с позиции «автор – читатель», и здесь очевиден сбой в процессе восприятия у одного из персонажей. Персонаж «старший брат» сосредоточен на детали, не видя всю картину в целом (эффект фокусировки, инертности восприятия). Сказка на уровне «автор – читатель», таким образом, выполняет воспитывающую функцию, учит, что если не поддаваться обстоятельствам, то под силу переиграть любую сложную ситуацию. Переводоведческий аспект выявил противоположные стратегии переводчиков сказки на русский язык: сохранение культурно маркированных элементов (ведущая интенция такой стратегии – совершенствование языковой формы) или их устранение (ведущая интенция – упрощение).

Среди аспектов изучения вариативной интерпретации впервые осуществлен экстралингвистический, учитывающий идейно-идеологическое воздействие на языковое сознание посредством механизмов ВИД. Анализ сказки под данным углом зрения показал устранение слов и выражений христианской тематики в переводах советского периода, наращение

подобных языковых единиц в послесоветский период. При экстралингвистическом аспекте анализа обнаружено переобозначение объектов переводчиками, вызванное идеологическим воздействием.

В целом комплексный характер изучения механизмов ВИД обещает нетривиальные результаты при обращении к значимым художественным текстам, имеющим варианты в виде переводов и экранизаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гусева Е. В. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности во французских и русских рекламных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.
- ² Туманян О. Избранные произведения: В 3 т. / Предисл. С. Зорьяна; Примеч. Л. О. Ахвердян. Т. 2: Рассказы. Сказки. Письма. Ереван: Айастан, 1969. 360 с.
- ³ Туманян О. Хозяин и работник / Пер. Г. Кубатьяна // Сказки армянских писателей: Сборник. Ереван: Советакан грох, 1988. С. 174–178.
- ⁴ Туманян О. Хозяин и работник / Пер. Я. Хачатрянца // Туманян О. Избранное: М.; Л.: Гос. изд-во дет. лит. Наркомпроса РСФСР, 1945. С. 92–98.
- ⁵ Манарян Е. Сценарий кинофильма «Хозяин и слуга» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/169955/> (дата обращения 12.03.2022).
- ⁶ Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории переводов): Учебник. М.: Международные отношения, 1975. С. 8.
- ⁷ Здесь и далее, если это специально не оговаривается, цитаты из сказки приводятся в переводе Г. Кубатьяна как наиболее позднем по времени создания с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁸ Сказка «Барекендан» Ованеса Туманяна переведена на хинди // Арменпресс. 2017. 26.06 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://armenpress.am/rus/news/896328/tumanyani-barekendan-y-targmanvel-e-hndkeren-tragrutyan.html> (дата обращения 12.03.2022).
- ⁹ Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): Учеб. пособие. М.: Изд-во ин-та общего и среднего образования РАО, 2001. С. 24.
- ¹⁰ Отметим, что в XXI веке переводчики возвращают сказке номинацию «слуга». Посол мира индианка Сантош Кумари Арора перевела эту сказку на хинди как «Господин и слуга».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрян З. Искусство поэтического перевода в творчестве русских поэтов II пол. XX – нач. XXI века (на примере армянской поэзии). Ереван: GSMSTUDIO, 2012. 300 с.
2. Айрян З. Г. Языковые и стилистические особенности поэзии Ованеса Туманяна в переводах А. Тарковского и Б. Ахмадулиной // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т. 8, № 1 (26). С. 67–77.
3. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. М.: ИНИОН, 1986. С. 100–143.
4. Блэккар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сб. ст. М.: Прогресс, 1987. С. 131–169.
5. Боллинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 23–43.
6. Бэкон Фр. Новый органон // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 5–482.
7. Гончар Н. А. О сказках Ов. Туманяна в контексте проблем перевода // Вестник Ереванского государственного университета. 2009. № 2 (128). С. 49–64.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, 2022. 308 с.
9. Жумабекова А. К. Лингвокультурологические особенности прямого и косвенного перевода рассказа Ауэзова «Красавица в трауре» на русский и английский языки // Язык и культура. 2019. № 7. С. 21–35.
10. Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. 2-е изд. М.: Флинта, 2015. 328 с.
11. Иванян Е. П. Повесть М. Булгакова «Собачье сердце» в парадигме приемов русской художественной литературы: лингвопоэтический аспект // Русистика без границ. 2020. Т. 4, № 1. С. 64–73.
12. Иванян Е. П., Айрян З. Г. Стихотворение Г. Алишана «Раздан»: поливариантность смыслов, интерпретаций, переводов // Научный диалог. 2020. № 12. С. 133–150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-133-150
13. Иванян Е. П. Анекдоты армянского радио: тематические группы с этническим субстратом, способы реализации национального субстрата // Русистика без границ. 2021. Т. 5, № 3. С. 45–53.
14. Иванян Е. П. Онтология этнического субстрата в анекдотах армянского радио: генезис и структурно-семантическая организация // Русистика без границ. 2021. Т. 5, № 2. С. 47–54.
15. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. Очерк лингвистического учения о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
16. Кричун Ю. А. Лингвориторические механизмы вариативной интерпретации действительности // Культурная жизнь юга России. 2009. № 4 (33). С. 104–107.
17. Лабутина В. В. «Антосинонимия» как средство вариативной интерпретации действительности // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 3 (69). С. 168–173.
18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 126–172.

19. Левин Ю. М. О семиотике искажения истины // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Наука, 1998. С. 594–605.
20. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
21. Маругина Н. И. Когнитивный аспект перевода (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык) // Язык и культура. 2008. № 4. С. 42–52.
22. Маслинская С. Г. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н. Крупской) // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1. С. 172–186.
23. Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9–21.
24. Николаева Т. М. «Лингвистическая демагогия» – мощное средство убеждения коммуниканта // От звука к тексту. М., 2000. С. 155–161.
25. Ованесян С. Жизнь О. Туманяна. Ереван: Гитутюн, 2019. 864 с.
26. Паршин П. Б., Сергеев В. М. Об одном подходе к описанию средств изменения моделей мира // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1984. Вып. 688. С. 127–143.
27. Плотникова С. Н. Человек и персонаж: Феноменологический подход к естественной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 89–104.
28. Рыжкина Е. В. Усиление многозначности фразеологических единиц как тенденция развития английской фразеологии на современном этапе // Тенденции развития английского лексикона: вариативность и многозначность единиц языка. М.: Рема, 2008. С. 58–74. (Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 544. Сер. Лингвистика).
29. Тарбеева О. В. Деформация пословиц как реализация когнитивного принципа вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. С. 86–90.
30. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 97–109.

Поступила в редакцию 14.04.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Elena P. Ivanyan, Dr. Sc. (Philology), Professor, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-4782-0658; ivanyan@pgsga.ru
Zarui G. Ayryan, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)
 ORCID 0000-0002-7558-5889; nerses91@rambler.ru

VARIABLE INTERPRETATION OF REALITY IN A LITERARY FAIRY TALE: AN INTEGRATED APPROACH TO RESEARCH

Abstract. The purpose of the article is to implement a comprehensive approach to the analysis of mechanisms and techniques of variable interpretation of reality in Hovhannes Tumanyan's fairy tale "The Master and the Worker" and its variants (namely its translations into Russian and into the language of cinema). The tasks are to analyze the mechanisms of interpretation from the semiotic, taxonomic, cognitive, translation, and extralinguistic perspectives. Well-developed methodologies of the cognitive theory of variable interpretation of reality and translation studies indicate the relevance of the conducted research. The research methods included comparison and introspection; the empirical material was collected by continuous sampling. The authors developed an integrated approach to the analysis of the mechanisms of the alternative interpretation of reality. The paper also reviews the theory of variable interpretation, emphasizing the importance of studying this theory in the context of translational comparisons of literary text variants. From the semiotic perspective, it is determined that at the "character-character" level these mechanisms perform a plot-forming function in a fairy tale. From the translational perspective, the mechanisms are investigated as those implementing the translator's strategies. Taxonomically, the paper characterizes the lexical level of the existence of alternative interpretation mechanisms, while cognitively it reveals such perception bias as the focusing effect. Special attention is paid to the extralinguistic aspect of determining the features of post-revolutionary translations. The novelty of the research is in the implementation of the extralinguistic aspect and the newly interpreted cognitive aspect. The development of an integrated approach to studying the mechanisms of alternative interpretation of reality will be useful for the research on significant literary texts with various translations and film adaptations.

Keywords: mechanisms of variable interpretation of reality, translators' strategies, extralinguistic aspect, taxonomic aspect, cognitive aspect, object redesignation

Acknowledgements. The authors express their gratitude to A. Yeghiazaryan, the Director of the Hovhannes Tumanyan House-Museum in Yerevan (Republic of Armenia), for providing information on Tumanyan's works.

For citation: Ivanyan, E. P., Ayryan, Z. G. Variable interpretation of reality in a literary fairy tale: an integrated approach to research. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):85–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.821

REFERENCES

1. Ayryan, Z. The art of poetic translation in the works of Russian poets during the second half of the XX and the early XXI centuries (Armenian poetry). Yerevan, 2012. 300 p. (In Russ.)
2. Ayryan, Z. G. Language means and stylistic features of Hovhannes Tumanyan's poetry in A. Tarkovsky's and B. Akhmadulina's translations. *Vestnik of Samara State University of Social Sciences and Education*. 2020;8(1(26)):67–77. (In Russ.)
3. Baranov, A. N., Parshin, P. B. Linguistic mechanisms of variable interpretation of reality as a means of influencing consciousness. *The role of language in mass media*. Moscow, 1986. P. 100–143. (In Russ.)
4. Blakar, R. M. Language as an instrument of social power. *Language and social interaction modeling: Collection of research papers*. Moscow, 1987. P. 131–169. (In Russ.)
5. Bolinger, D. Truth is a linguistic question. *Language and social interaction modeling*. Moscow, 1987. P. 23–43. (In Russ.)
6. Bacon, F. The new organon. *Works: In 2 vols*. Vol. 2. Moscow, 1978. P. 5–482. (In Russ.)
7. Gonchar, N. A. Hovhannes Tumanyan's fairy tales in the context of translation issues. *Bulletin of Yerevan State University*. 2009;2(128):49–64. (In Russ.)
8. Issers, O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow, 2022. 308 p. (In Russ.)
9. Zhumabekova, A. K. Linguoculturological features of direct and indirect translation into Russian and English languages of the story "Beauty in Mourning" by M. Auezov. *Language and culture*. 2019;7:21–35. (In Russ.)
10. Ivanyan, E. P. Semantics of non-disclosure and the means of its expression in the Russian language. Moscow, 2015. 328 p. (In Russ.)
11. Ivanyan, E. P. The story of M. Bulgakov "The Heart of a Dog" in the paradigm of methods of Russian fiction: linguopoetic aspect. *Russian Studies Without Borders*. 2020;4(1):64–73. (In Russ.)
12. Ivanyan, E. P., Ayryan, Z. G. Alishan's poem "Hrazdan": polyvariety of meanings, interpretations, translations. *Nauchnyi Dialog*. 2020;12:133–150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-133-150 (In Russ.)
13. Ivanyan, E. P. Ontology of ethnic substratum in the anecdotes of the Armenian radio: thematic groups and ways to implement the ethnic substratum. *Russian Studies Without Borders*. 2021;5(3):45–53. (In Russ.)
14. Ivanyan, E. P. Ontology of ethnic substratum in the anecdotes of the Armenian radio: genesis and structural-semantic organization. *Russian Studies Without Borders*. 2021;5(2):47–54. (In Russ.)
15. Komissarov, V. N. A word on translation. An essay on the linguistic theory of translation. Moscow, 1973. 216 p. (In Russ.)
16. Krichun, Yu. A. Linguarhetorical mechanisms of variational interpretation of reality. *Cultural Studies of Russian South*. 2009;4(33):104–107. (In Russ.)
17. Labutina, V. V. "Antosynonymy" as a means of various interpretation of reality. *Vestnik of Samara State University*. 2009;3(69):168–173. (In Russ.)
18. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. *Language and social interaction modeling*. Moscow, 1987. P. 126–172. (In Russ.)
19. Levin, Yu. M. On the semiotics of truth distortion. *Levin, Yu. I. Selected works. Poetics. Semiotics*. Moscow, 1998. P. 594–605. (In Russ.)
20. Locke, J. An essay concerning human understanding. *Locke, J. Works: In 3 vols*. Vol. 1. Moscow, 1985. 621 p. (In Russ.)
21. Marugina, N. I. The cognitive aspect of metaphor translation (on the basis of the story by M. Bulgakov "The Heart of a Dog" and its translations into English). *Language and Culture*. 2008;4:42–52. (In Russ.)
22. Maslinskaya, S. G. A tireless fighter against fairy-tale (criticism of children's literature in writings by N. Krupskaya). *Historical and Pedagogical Journal*. 2017;1:172–186. (In Russ.)
23. Molchanova, G. G. Communicative-functional theory of translation as a type of variative interpretation of reality. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 2015;3:9–21. (In Russ.)
24. Nikolaeva, T. M. "Linguistic demagogy" – a powerful means of persuading a communicant. *From sound to text*. Moscow, 2000. P. 155–161. (In Russ.)
25. Hovhannisyan, S. The life of H. Tumanyan. Yerevan, 2019. 864 p. (In Russ.)
26. Parshin, P. B., Sergeev, V. M. One approach to describing the means for changing the models of the world. *Proceedings of the University of Tartu*. Tartu, 1984. Issue 688. P. 127–143. (In Russ.)
27. Plotnikova, S. N. Man and character: Phenomenological approach to natural and artistic communication. *Man in communication: concept, genre, discourse*. Volgograd, 2006. P. 89–104. (In Russ.)
28. Ryzhkina, E. V. Strengthening the ambiguity of phraseological units as a trend in the development of English phraseology at the present stage. *Trends in the development of the English lexicon: variability and ambiguity of language units*. Moscow, 2008. P. 58–74. (Vestnik of Moscow State Linguistic University. Issue 544. Series Linguistics). (In Russ.)
29. Tarbeeva, O. V. Deformation of proverbs as the realization of the cognitive principle of variable interpretation of reality. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 2008;4:86–90. (In Russ.)
30. Shcherba, L. V. Experiments of the linguistic interpretation of poems: "Pine" by Lermontov in comparison with its German prototype. *Shcherba, L. V. Selected works on the Russian language*. Moscow, 1957. P. 97–109. (In Russ.)

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ma-cher@yandex.ru

ЛАДА НИКОЛАЕВНА НАУМОВА

аспирант кафедры русской литературы филологического факультета
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vselennaya.1997@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОВРЕМЕННОСТЬ» В ПРОЗЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

А н н о т а ц и я . Целью статьи является выявление особенностей прозы Виктора Пелевина в контексте понимания автором понятия «современность». Трансформация этого понятия рассматривается на протяжении тридцати лет творчества Пелевина (с конца 1980-х годов до 2021 года). Основными методами исследования были выбраны сравнение и анализ современных реалий, отраженных в произведениях Пелевина в разные периоды (выделено три основных периода) его творчества. Особое внимание уделено понятию «современность» как сложному и противоречивому философскому понятию, связанному с возникновением и циркуляцией идей в едином интеллектуальном пространстве, и его трансформации в разных текстах Пелевина. Показано, что в последнюю четверть века русская литература впервые столкнулась с мощными социокультурными вызовами (кризис литературоцентризма, трансформация литературного поля, требования новой постгуттенберговской эпохи, ревизия культурных ценностей, коммерциализация литературы, новые писательские и читательские стратегии и др.), практически все эти вызовы современности так или иначе интересуют Пелевина и достаточно дискуссионно представлены на страницах его произведений. Жесткость и стабильность творческого метода дают основания говорить не только об эволюции писателя, но и об индивидуальной манере «сканирования» современности. Новизна проведенного исследования заключается в выявлении специфики отражения Пелевиным современности и ее трансформации. Делается вывод, что упоминание Пелевиным современных общественных реалий и идей вне зависимости от периода творчества – это не монолог, а в большей степени художественный диалог с современностью, который постоянно усложняется и трансформируется вместе со стремительно изменяющейся действительностью.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, современная литература, современность, современный герой, постмодернизм, метамодерн, постирония

Д л я ц и т и р о в а н и я : Черняк М. А., Наумова Л. Н. Трансформация понятия «современность» в прозе Виктора Пелевина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.822

ВВЕДЕНИЕ

Виктор Пелевин вот уже 30 лет является одной из самых обсуждаемых фигур современной литературы, каждый его новый роман (в 2021 году вышел уже восемнадцатый), с одной стороны, вызывает совершенно противоположные реакции читателей, а с другой – довольно репрезентативно иллюстрирует тенденции современного литературного процесса. Намеренно создавая вокруг своей биографии, своего местонахождения, свое-

го образа эффект информационной пустоты (любимый образ писателя), Пелевин с неизменной пунктуальностью каждый год осенью выпускает новый роман. Жесткость и стабильность творческого метода дают основания говорить не только об эволюции писателя, но и об особой манере «сканирования» современности. Проблемами актуальности и современности произведений Пелевина занимались О. В. Богданова, С. А. Кибальник, Л. В. Сафронова и другие современные

литературоведы. Поиск ответов на вопрос «Современен ли Пелевин?» продолжается и сейчас.

Необходимо отметить, что «современность» – достаточно сложное и противоречивое философское понятие, связанное с возникновением и циркуляцией идей в более или менее едином интеллектуальном пространстве. Например, современность в трактовке И. П. Смирнова совпадает со сферой идеократии, наделяющей идею сакральной властью и творческим потенциалом [10: 19]. Реальность в этом случае предстает как множественность позиций, что предполагает учет эпистемологических и ценностных ориентиров рефлексии современности. Эпистемологическая неопределенность, соотносимая с иерархией ценностей, понуждает к определению стратегий формирования субъективности в конкретных событийных ситуациях. Таким образом, формирующееся сознание современности при всей множественности его проявлений складывается во взаимодействии определенности и неопределенности, что ставит вопрос о силах и ценностных смыслах рефлексии и существования.

Если модерн с его принципиальной установкой на будущее как бы пренебрегает настоящим, то (пост)современная ситуация еще более усложнена некой фантазматической ирреальностью, где «реальные» законы права, нравственности и жизненного поведения оказались во многом смещенными. Если в иных литературных периодах так или иначе прослеживались схожие черты общих героев эпохи, то в современной литературе практически невозможно выделить литературного героя, отвечающего единой проблематике нашего слишком противоречивого времени. Так, поэт М. Степанова, описывая нашу современность, говорит о своеобразной скудости оперативного словаря:

«Ощутимый неуют заставляет обитателей нашей *не-современности* сбиваться во что-то вроде легкой ситуативной пены, в летучее мы, которое образуется по тому и другому поводу и разлетается через несколько часов или дней. То, что Блок называл “событиями”, – очень грубо говоря, тот язык, на котором история говорит с человеком, – обращено именно к множествам, приводит *мы* в движение, их смещениями питается. Надо как-то объяснить себе, что это с нами такое делается, и тут оказывается, что для этого нет новых слов. Мы – я – их не наработали за 90-е и нулевые; похоже, что единственная работа, которая была проведена, – работа по эксгумации и оживлению старого. Так теперь и есть; мы молчим, *оно* говорит – что умеет и как умеет. Такое ощущение, что в оперативном словаре нету слов и конструкций, что позволили бы говорить о том, что происходит сегодня, не опираясь на сложное прошлое, не применяя портативный цитатник» [11: 30].

Литература движется в пространстве, в котором существует множество различных языков и кодов, и современность оказывается надежным инструментом, позволяющим улавливать

колебания общественной среды и новые параметры стиливого потока. Писатель Ш. Идиатуллин убежден в том, что

«литература должна помогать обществу нащупывать себя *здесь и сейчас*. Чтобы люди понимали, что происходит, чем сегодняшний день отличается от вчерашнего, чего мы хотим от дня завтрашнего и что грозит на пути к будущему» [3].

Действительно, словарь современных понятий пополняется постоянно и стремительно: мультикультурализм, феминизм, токсичность, толерантность, абьюз, буллинг, стеклянный потолок, цифровизация и т. д. и т. п. Может ли писатель столь же стремительно отражать эту меняющуюся реальность? Представляется, что для иллюстрации трансформации понятия «современность» в творчестве одного автора наиболее подходит В. Пелевин, произведения которого можно отнести и к модернизму, и к постмодернизму, и к метамодернизму, к массовой и элитарной литературе одновременно. Его произведения наполнены глубиной философией и не менее глубокой сатирой над обществом, а популярность у достаточно неоднородной аудитории нередко объясняют «абсолютной доступностью и непроницаемостью одновременно» [12], а также постоянными изменениями вектора социальной повестки, исходящими из запросов современного общества. Можно вслед за критиком В. Пустовой предположить, что Пелевин предлагает своего рода

«иероглифы современности – некоторые сгущения смысла, которые вполне вербализовать не получается, но которые ощущаются как пульсирующие жизнью, существенные для нашего самосознания» [9].

В. Пелевина часто сравнивают с В. Сорокиным или противопоставляют ему. Действительно, этих писателей, ворвавшихся одновременно в постсоветскую литературу, можно назвать живыми классиками, которым на протяжении трех десятилетий удается по-разному, но с одинаковым упорством ставить диагноз своему времени. Е. Добренко, размышляя о творчестве Сорокина, высказал важную мысль, которая может быть абсолютно применима и к эволюции Пелевина:

«Если ранее исходным текстом был *соцреализм* – и именно его конвенции подлежали дискурсивной деконструкции, то теперь на его место пришла *реалистически выписываемая актуальная современность* <...> смещение писательского интереса к непосредственному контакту с современностью связано не только с изменением материала, но с изменением самой природы приема» [4: 88–100].

В конце 1960-х – начале 1970-х годов в литературе начинает господствовать постмодернизм, его особенности мировосприятия в русской литературе отразил жанр так называемого нелинейного романа, в котором возникают восприятие мира как текста, акцентирование идеи лабиринта, по-

скольку прямой выход из ситуации тотального отрицания невозможен, а также развитие идеи децентрации – отказа от основополагающих идей и ориентиров, ранее выстраивавших вокруг себя картину мира и структуру личности [14: 103]. Благодаря этому герои, сюжеты и проблематика романов современной литературы стали неоднозначными и более противоречивыми. Как пишет сам В. Пелевин в одном из своих романов «Числа», «в постмодернистскую эпоху главным становится не потребление материальных предметов, а потребление образов, поскольку образы обладают гораздо большей капиталоемкостью»¹. В то время когда В. Пелевин публикует свои первые произведения (конец 1980-х годов), жанровые особенности постмодернизма в России достигают своего наивысшего расцвета.

Следует принять во внимание, что само понятие «современность» (как понятие философии культуры) обозначает такую проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей «картины мира» у членов этих обществ и воспринимались ими в качестве высшей и объективной «онтологической» реальности (представляемой мифологически, религиозно в виде универсальных моральных «законов природы» или иначе)².

* * *

Для того чтобы проследить трансформацию понятия «современность» в произведениях В. Пелевина, представляется важным выделить в творческом пути писателя определенные смысловые отрезки времени, в которые происходит изменение этого понятия:

- 1) конец 1980-х – середина 2000-х годов;
- 2) середина 2000-х – середина 2010-х годов;
- 3) середина 2010-х – 2021 год.

Чтобы в полной мере раскрыть эту тему, дадим характеристику всем периодам, опираясь на наиболее знаковые тексты автора, а также рассмотрим, как именно произведения Пелевина соотносятся с понятием «современность». Следует отметить, что те или иные черты могут встречаться в произведениях любого из периодов, мы указываем на них с целью продемонстрировать наиболее характерные черты каждого периода.

Для текстов Пелевина конца 1980-х – середины 2000-х годов свойственно показывать героев советского или постсоветского пространства, их жизнь и противостояние обществу. В ранних произведениях Пелевина («Затворник и Шестипалый», «Жёлтая стрела», «Жизнь насекомых» и др.) философия, очевидно, преобладает над сатирой.

«Омон Ра» (1991) – очень важная и показательная повесть Пелевина, в которой можно наблюдать

становление постмодернистской поэтики с непредсказуемостью сюжета, оригинальностью символики и гротескным изображением советской мифологии. Е. С. Биберган отмечает свойственный постмодернизму «слом повествования», заключавшийся в стилистической имитативности текста и действующем внутри него механизме разрушения стиливого единства произведения [2: 20].

Омон Кривомазов, герой романа «Омон Ра», с малых лет мечтает о космосе. В погоне за мечтой вместе с другом Митей он поступает в летное училище им. А. Мересьева, где учат «подвигам» – всецело и безотказно отдаваться воле родины. Сюжетная линия построена на взрослении Омона, познании им окружающего мира, но на первый план выступает тоталитарная реальность, от давления которой главный герой по мере взросления пытается освободиться. Государство в «Омоне Ра» – всепоглощающая антиутопичная система, создающая миф о социалистических подвигах путем тотального обмана и мистификации, не отличающая живых людей от автоматки, где растворяется все личное, превращаясь в единицу всеобщего. Произведение наполнено символами тоталитарного режима, рифмующегося у писателя с темой космоса. Все вокруг главного героя окрашено космической тематикой, даже обыденные вещи:

«Из своего детства я запомнил только то, что было связано <...> с мечтой о небе <...> Я жил недалеко от кинотеатра “Космос”. Над нашим районом господствовала металлическая ракета, стоящая на сужающемся столбе титанового дыма, похожем на воткнутый в землю огромный ятаган...»³

Действительность того времени Пелевин описывает как печальную и безвыходную советскую реальность, неспособность человека выбраться из нее даже путем отказа от коммунизма. Уже здесь определяется маршрут, заданный спецификой художественного метода писателя, обращенностью его художественного мира к легко опознаваемым, архетипическим знакам социокультурного контекста.

«Постмодернизм настаивает на мнимости объективной (несемантизированной) действительности, единственной реальностью, в которой обретается искусство, признается культурное пространство “симулякров”. Как стратегия тотального скепсиса, постмодернизм осуществляет ревизию всего пространства культуры, особенно значима его работа по сокрушению “симулякров” советской тоталитарной ментальности и канонов соцреалистического искусства» [5: 3–47],

– эти слова Н. Лейдермана прекрасно иллюстрирует роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996), который состоит из множества современных мифов, складывающихся в индивидуальную картину мира «объективной реальности». В середине 1990-х годов русский постмодернизм наполняется

экзистенциальными проблемами. Произведения, написанные в этот период, констатируют утрату реальности, а также стараются найти ориентиры в образовавшейся пустоте. Пелевин использует характерные для постмодернизма приемы: игру стереотипами массового сознания, архетипами мировой культуры, философскими концепциями; обращение к культурным кодам разных народов и эпох; фантастические и мистические абберрации действительности; отсутствие различия между «своим» и «чужим» в тексте. Сюжета в обычном понимании у постмодернистского романа может и не быть. «Ложная личность» поэта-декадента Петра Пустоты доминирует в его сознании. Петр Пустота живет в 1919 году и одновременно в современности девяностых, знакомится с Чапаевым – гуру, учителем духовного освобождения, своего рода Бодхисаттвой. В раннем периоде своего творчества Пелевин пишет романы о душевной пустоте людей. Его герои постепенно осознают иллюзорность «реальности» и устремляются навстречу истинному бытию.

В пелевинской прозе середины нулевых годов лирические отступления и проповеднические религиозные мотивы практически упраздняются. Меняются представления о духовном идеале, о «другой реальности», автор начинает выбирать все более нереалистичных персонажей и использовать в прозе тематику мистики. В текстах фигурируют антропоморфные мистические существа, роботы, оборотни, вампиры. Примечательно, что в произведениях этого периода сатира начинает значительно преобладать над философией.

Роман «Числа» (2003) – яркий пример емкой сатиры первого периода, попытка автора высмеять концепцию чисел как носителей каких-либо идей, которая была задана обэриутами в начале XX века. Особое внимание Пелевин уделяет эзотерическим учениям, каждое из которых присутствует в виде определенных знаков в жизни главного героя Степы Михайлова, который выбрал число 34 своей «путеводной звездой» и пытается связать с ним все события своей жизни. В тексте романа есть 17 чисел во взаимодействии, некоторые из них появляются несколько раз, всегда передавая разное значение. На основе именно этих значений формируется мотив постоянного пути из «ниоткуда» в «никуда». Поиск истины через ложные факты и идеи передается несколькими способами: «называние вещей своими именами» («ГКЧП» – «Городской клуб чайных перемен») и постоянное наложение разных имен персонажей (Степа – Татьяна – Пикачу). Каждый из примеров представляет собой игру чисел, целью которой, по словам М. Бахтина, является насмешка, пародия и практически «наслаивание масок персонажей, а потом постепенное их срывание» [1: 188].

Таким образом, концепция книги во многом построена на пародировании идей обэриутов и диалоге с их утверждением «Мир есть ложь». Так, представляется показательной интертекстуальная перекличка с А. Введенским: «Вот так придумывал телегу я / О том, как пишется элегия»⁴ [4: 72]. Ср.: «Так сочинилась мной элегия, / о том, как ехал на телеге я»⁵. Связь с «Элегией» А. Введенского очевидна: набор лексем остался тем же, но структура фразы изменена. Пелевин активно иронизирует над идеей воплощения пути через ложные суждения.

Творчество периода с середины 2000-х до середины 2010-х годов заметно отличается от ранних текстов Пелевина, в которых отражается специфика жизни в советской или постсоветской России, метаморфозы, происходящие с народом и страной в целом. В романе «Священная книга оборотня» (2004) автор рассматривает абсолютно другую тему – тему двойничества и оборотничества людей. Эти символы (изнанка, двойное дно, тайна), заимствованные из древних мировых культур, оказались предельно точными для описания ментальных сдвигов современного человека.

Лиса – это не только пелевинская метафора писателя-творца, это его взгляд на кризис литературоцентризма. Здесь Пелевин сближается с Сорокиным, письмо которого вырастает из кризиса гуманистической традиции, обозначенной еще В. Шаламовым; это письмо,

«возникающее *после литературы* (или Литературы с заглавной буквы), заново открывает безграничность ее поля, проверяя литературу на ее способность сопротивляться насилию» [4: 51].

Образ девушки-лисы – устойчивый в китайской и японской мифологии, у Пелевина он приобретает особые черты. Лисы в романе Пелевина с помощью хвоста внушают людям придуманный ими другой мир, трансформируют восприятие, дурачат и играют одновременно. Наваждение или морок, который они наводят, – метафорическое понимание процесса творчества. В «Священной книге оборотня» Пелевин отходит от высказанной еще в романе «Чапаев и Пустота» мысли, что процесс творчества полностью подвластен автору-демиургу. Писательство – это тайна, его механизм загадочен и необъясним. Героиня-оборотень говорит:

«Хвост – орган, с помощью которого мы создаем наваждения. Как мы это делаем? С помощью хвоста. И больше тут ничего не скажешь. Разве человек, если он не ученый, может объяснить, как он видит? Или слышит? Или думает? Видит глазами, слышит ушами, а думает головой, вот и все. Так и мы – наводим морок хвостом. А объяснить механику происходящего в научных терминах я не берусь»⁶.

Последние четверть века русская литература впервые столкнулась с мощными социокультур-

ными вызовами времени (кризис литературоцентризма, трансформация литературного поля, требования новой постгуттенберговской эпохи, ревизия культурных ценностей, коммерциализация литературы, изменение писательских стратегий и читательских ожиданий), практически все эти вызовы современности так или иначе интересуют Пелевина. Актуальность основных произведений второго периода его творчества заключается в том, что автор высмеивает современные концепции познания, которые не вписываются, по его мнению, в логические рамки.

Для периода с середины 2010-х до 2021 года характерна эволюционная смена эстетической парадигмы, писатель практически полностью меняет вектор своего развития, оставляя лишь немного из раннего творчества. Он иронизирует уже над новыми модными веяниями, такими как феминизм, мультикультурализм, трансгуманизм, политические игры, следование трендам и др. Стоит отметить, что на передний план выходят женские персонажи, они чаще становятся объектом сатиры и постиронии, чем мужские. Важно подчеркнуть, что, формируя новые точки входа в горячие современные тенденции, Пелевин не занимается лишь фиксацией поэтики повседневности, его интересуют ментальные сдвиги, маркеры современной культуры.

«Тайные виды на гору Фудзи» (2018) – психологический роман третьего периода, высмеивающий феминизм и антифеминизм. Герои его родом из девяностых: олигарх Федор, разбогатевший из-за случайной удачи, и его школьная любовь красавица Таня, которая не преуспела в карьере, растолстела и утешается женскими романами и популярной психологией. Каждый из героев встречает собственного Мефистофеля, предлагающего короткий путь к счастью. При помощи высоких технологичный мозг Федора подключают напрямую к мозгу монаха, позволяя без долгих медитаций достичь просветления. Но он не может попасть в тот самый рай из-за своих деяний, срываясь с высот просветления в ужасную депрессию. А отчаявшаяся и озлобленная на весь род мужской Таня встречает Жизель – трансгендерную женщину, которая зовет героиню в секту боевых феминисток («Охотниц») и дает ей власть над патриархальным миром. В романе счастье обоих оказывается иллюзией. Герои страдают не от каких-то неудовлетворенных потребностей и неосуществленных желаний, они тоскуют по временам, когда у них были эти самые желания.

Практически в каждом произведении Пелевина можно обнаружить по-разному описываемые параллельные миры, зеркально отражающие реальность. Мотивы двоимирия всегда поясняют какую-то актуальную российскую или мировую ситуацию.

«Современные реалии, узнаваемые в повествовании, – увлечение всевозможными “жизненными тренингами” с коучами, мистическими практиками, создание компьютеров-писателей, и все это на фоне чудовищных политических провокаций – таков, по мнению писателя, современный мир господства цифровых технологий: человек все так же внушаем, беззащитен, но неисчерпаемо креативен в своих стремлениях подчинить себе других людей» [14: 26].

Информационные шумы, общая «инволюция» культуры влияют на трансформацию авторской субъектности. Нельзя не согласиться с мнением критика С. Оробия:

«...словесность становится чудовищно болтлива, потому что за перо ныне берется не только Человек пишущий, но и Человек говорящий. Вопреки опасениям, настоящая угроза “большой литературе” – не литература массовая, а сетевая “болтовня”, что выплеснулась из экранов на бумагу. Положим, в самой “болтовне” нет ничего плохого, все-таки живем в новой реальности, где скорость информации увеличивается в геометрической прогрессии» [7].

Вовлеченность современного писателя в широкий спектр коммуникативных практик и множественность информационных потоков создают новые контуры литературного поля. На наших глазах возникают новые режимы распределения внимания. Выстраивание новой культурной парадигмы цифровой эпохи влечет за собой изменения на разных уровнях системы культуры (см. об этом: [13]).

«iPhuck 10» (2017) – детективный роман, написанный литературным и полицейским алгоритмом в Российской империи конца XXI века. Алгоритм называется Порфирий Петрович, и он арендован Марухой Чо для исследования арт-рынка. Порфирий добывает нужную Марухе информацию, попутно создает литературный продукт из всего происходящего, общается с работодательницей с помощью «айфака» – новейшего и супердорогого гаджета для киберсекса, изобретенного в эпоху, когда секс в обычном телесном смысле уже не актуален, а порядочные люди все решают цифровым способом. Основное же содержание романа составляют не рабочие или личные отношения Марухи и Порфирия, а типичные для автора философские и сатирические мотивы: «Что, спрашивается, действует, когда человек читает книгу? Его ум. Только ум. Это и есть единственное возможное действие»⁷. И здесь видны соответствующие Пелевину приемы: геополитический гротеск, уничижительные шутки знатока постмодернизма и лингвофилософии, многостраничные пародии на арт- и кинокритику, ярмарка неpolitкорректных острот, неизменные сценарии рекламных роликов, инсталляций, телешоу и немного буддизма. Философия буддизма, как дань стилю, в романе присутствует, но отодвинута на задний план, поскольку постирония гораздо точнее передает состояние современного общества.

Критик Е. Писарева, комментируя выход романа «Непобедимое солнце», иронически задает вопрос:

«Где еще можно прочесть на семиестах страницах о Грете Тумберг, Black Lives Matter, diversity, некро-эмпатах, гендерном терроре и цифровом капитализме и не уснуть между строк. И, конечно, фирменные пелевинские гэги никто не отменял: тут тебе и “раскулачивание зулеек”, и порабощение эмодзи, и роман из кликбейтных заголовков и прочее – будет что растащить на цитаты» [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нетрудно заметить, что на протяжении тридцати лет понятие «современность» в творчестве Виктора Пелевина трансформируется в соответствии с общественными реалиями. Автор является своего рода зеркалом эпохи, иронически отражающим социальные проблемы, общественные настроения и тренды. Он умело подстраивается под ожидания среднестатистического читателя современной литературы, для которого важен отстраненный взгляд на реальность. Если обратить внимание на вектор изменений, то можно обнаружить, что с каждым годом его произведения все больше теряют психологичность и обретают сарказм; в связи с запросом общества в про-

зе Пелевина ставятся феминистские проблемы, главными героинями становятся самодостаточные женщины.

Упоминание Пелевиным в романах современных общественных реалий и идей вне зависимости от периода творчества – это не монолог, а в большей степени художественный диалог с современностью, непрерывающийся диалог, который постоянно усложняется и трансформируется вместе с нашей стремительно изменяющейся действительностью.

«“Реальность” – внутримозговое наваждение, как сон. Знакомый нам мир существует только внутри мозга. Запахи и цвета, вкусы и ощущения, идеи и смыслы, красота и безобразие, ненависть и любовь – их во внешнем мире нет. Все это фабрикуется человеческим мозгом из одинаковых по своей природе импульсов, приходящих по нервным волокнам. Так не все ли равно, откуда они придут?»⁸ –

задает вопрос Пелевин в своем последнем романе «TRANSHUMANISM INC». Очевидно, что писатель находится в творческом развитии, и выносить итоговые оценки представляется преждевременным, однако есть основание полагать, что ключевые проблемы современности не оставят его равнодушным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пелевин В. О. Числа. М.: Эксмо, 2016. 288 с.

² Новая философская энциклопедия / Ред.: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2000. Т. 1–4. 2659 с.

³ Пелевин В. Омон Ра. М.: Эксмо, 2015. 160 с.

⁴ Пелевин В. О. Числа. М.: Эксмо, 2016. 288 с.

⁵ Введенский А. Элегия, поэма. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.: Гилея, 1993. 266 с.

⁶ Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2007. 384 с.

⁷ Пелевин В. О. iPhuck 10. М.: Эксмо, 2017. 416 с.

⁸ Пелевин В. О. Transhumanism inc. М.: Эксмо, 2021. 608 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 262 с.
- Биберган Е. С. Концептуальность и философия в рассказе Владимира Сорокина «Настя» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2011. Вып. 4. С. 19–27.
- Идиатуллин Ш. Не писать о современности – хуже чем ошибка, это преступление [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oblgazeta.ru/culture/books/101069/> (дата обращения 10.10.2021).
- Добренко Е., Калинин И., Липовецкий М. «Это просто буквы на бумаге...». Владимир Сорокин: после литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 712 с.
- Лейдерман Н. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 3–47.
- Мережинская А. Ю. Русский «нелинейный роман» в контексте европейской постмодернистской традиции // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX–XXI вв.). М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 253–265.
- Орбий С. Рождение романа из музыки блога? // Homo Legens. 2012. № 1. С. 75–77.
- Писарева Е. Секс, бессмертие, матриархат. «TRANSHUMANISM INC.» Виктора Пелевина: книга на выходные от Екатерины Писаревой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/26/seks-bessmertie-matriarkhat> (дата обращения 10.10.2021).
- Пустовая В. О границах современной литературы // Литература. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litteratura.org/publicism/1448-o-granichah-sovremennoy-literatury.html> (дата обращения 12.10.2021).
- Смирнов И. П. Кризис современности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 296 с.
- Степанова М. М. Три статьи по поводу. М.: Новое издательство, 2015. 64 с.
- Филиппов Л. Что-то вроде любви: критическая статья по Пелевину [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-filip/1.html> (дата обращения 10.10.2021).

13. Черняк М., Пешкова О. Трансформация авторской и читательской субъектности в условиях творческой цифровой среды // *Культура и текст*. 2019. № 2 (37). С. 144–156.
14. Янь М. Творчество Виктора Пелевина в XXI веке: Монография. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 192 с.

Поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Maria A. Chernyak, Dr. Sc. (Philology), Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)
ma-cher@yandex.ru

Lada N. Naumova, Postgraduate Student, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)
vselennaya.1997@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF “MODERNITY” IN VIKTOR PELEVIN’S PROSE

Abstract. The purpose of the article is to identify the specific features of Viktor Pelevin’s prose in the context of his understanding of the concept of “modernity”. The transformation of this concept has been studied for the thirty years that Pelevin has been writing his books (from the late 1980s to 2021). The main research methods for this paper were the comparison and analysis of modern realities reflected in Pelevin’s works in different periods (namely three of them identified in the article). Special attention is paid to the concept of “modernity” as a complex and contradictory philosophical concept associated with the emergence and circulation of ideas in a single intellectual space, and to its transformation in different Pelevin’s texts. The article shows that over the past quarter century Russian literature for the first time faced great sociocultural challenges of the period (crisis of literary centrism, transformation of the literary space, demands of the new post-Gutenberg era, revision of cultural values, commercialization of literature, new strategies for writing and reading, etc.). Almost all of these challenges are of interest to Pelevin in one way or another and are presented on the pages of his books in a rather controversial way. The rigidity and stability of his creative method give reasons to speak not only about the writer’s evolution, but also about his special manner of “scanning” modernity. The novelty of the research is in identifying the specific characteristics of Pelevin’s reflection and transformation of modernity. The article concludes that Pelevin’s mentioning of modern social realities and ideas, regardless of the period of his writing career, is not a monologue, but rather an artistic dialogue with modernity, which is constantly becoming more complicated and transformed along with rapidly changing reality.

Keywords: Viktor Pelevin, modern literature, modernity, modern hero, postmodernism, metamodern, postirony

For citation: Chernyak, M. A., Naumova, L. N. Transformation of the concept of “modernity” in Viktor Pelevin’s prose. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.822

REFERENCES

1. Bakhtin, M. The works of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow, 1990. 262 p. (In Russ.)
2. Bibergan, E. S. Conceptualism and philosophy in the novel *Nastya* by Vladimir Sorokin. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9*. 2011;9(4):19–27. (In Russ.)
3. Idiatullin, Sh. Not writing about modernity is worse than a mistake, it’s a crime. Available at: <https://www.oblgazeta.ru/culture/books/101069/> (accessed 10.10.2021). (In Russ.)
4. Dobrenko, E., Kalinin, I., Lipovetsky, M. “These are just letters on paper...”. Vladimir Sorokin: after literature. Moscow, 2018. 712 p. (In Russ.)
5. Leiderman, N. Trajectories of the “experimenting era”. *Topics in the Study of Literature*. 2002;4:3–47. (In Russ.)
6. Merezhinskaya, A. Yu. The Russian “nonlinear novel” in the context of the European postmodern tradition. *Postmodernism: what’s next? (Literature at the turn of the XXI century)*. Moscow, 2006. P. 253–265. (In Russ.)
7. Orobey, S. Is this the birth of a novel from blog music? *Homo Legens*. 2012;1:75–77. (In Russ.)
8. Pisareva, E. Sex, immortality, matriarchy. “TRANSHUMANISM INC.” by Viktor Pelevin: a book for a weekend from Ekaterina Pisareva. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/26/seks-bessmertie-matriarkhat> (accessed 10.10.2021). (In Russ.)
9. Pustovaya, V. The boundaries of modern literature. *Litteratura*. 2015. Available at: <http://litteratura.org/publicism/1448-o-granichah-sovremennoy-literatury.html> (accessed 12.10.2021). (In Russ.)
10. Smirnov, I. P. The crisis of modernity. Moscow, 2010. 296 p. (In Russ.)
11. Stepanova, M. M. Three articles on the topic. Moscow, 2015. 64 p. (In Russ.)
12. Filippov, L. Something like love: a critical article about Pelevin. Available at: <http://pelevin.nov.ru/stati/ofilip/1.html> (accessed 10.10.2021). (In Russ.)
13. Chernyak, M., Peshkova, O. Transformation of author’s and reader’s subjectivity in creative environment of digital medium. *Culture and Text*. 2019;2(37):144–156. (In Russ.)
14. Yan’, M. Books of Viktor Pelevin in the XXI century: Monograph. Voronezh, 2021. 192 p. (In Russ.)

Received: 31 January, 2022; accepted: 25 July, 2022

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА ЛЫЗЛОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограмм-архивом) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Карельский федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0634-706X; alyzlova@illh.ru

ТЕРСКАЯ ПОМОРСКАЯ СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ (по экспедиционным записям Д. М. Балашова 1950–1960-х годов)

А н н о т а ц и я . Актуальность настоящего исследования обусловлена обращением к фольклористическому наследию Д. М. Балашова, связанным с отмечаемым в 2022 году 95-летием со дня его рождения. В статье анализируется сказочная традиция поморов Терского берега Белого моря (Мурманская область), известная благодаря Д. М. Балашову, который совершил несколько экспедиционных выездов на данную территорию во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов. Записи хранятся в фондах Научного архива КарНЦ РАН и Фонограмм-архива ИЯЛИ КарНЦ РАН. Значительный корпус материалов вошел в сборник «Сказки Терского берега Белого моря», подготовленный Д. М. Балашовым и опубликованный в 1970 году; частично сказки представлены в изданиях 1972, 1991 и 2017 годов, адаптированных для детей и юношества. В статье впервые осуществлено сопоставление сборников, ориентированных на детскую аудиторию, и произведена сюжетно-исполнительская соотнесенность сказок. Отдельные тексты в записях Д. М. Балашова до настоящего времени не были введены в научный оборот; публикация одной из архивных сказок также свидетельствует о новизне проводимого исследования. Статья подтверждает выводы о том, что зафиксированные на Терском берегу тексты во многом соответствуют севернорусской сказочной традиции, но обнаруживают влияние саамского фольклора; сказки наполнены деталями поморского быта, диалектными словами и нередко представляют собой особые версии как популярных сюжетных типов, так и очень редких. Все это является доказательством их безусловного своеобразия.

К л ю ч е в ы е   с л о в а : Терский берег Белого моря, сказочная традиция, Д. М. Балашов, поморы, фольклорные сборники, архивные тексты

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Балашовский треугольник», финансируемого Фондом грантов Главы Республики Карелия.

Д л я   ц и т и р о в а н и я : Лызлова А. С. Терская поморская сказочная традиция (по экспедиционным записям Д. М. Балашова 1950–1960-х годов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 101–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.823

ВВЕДЕНИЕ

В 2022 году отмечается 95-летие со дня рождения писателя, автора многочисленных произведений на историческую тематику, общественного деятеля, фольклориста Д. М. Балашова (1927–2000). Этому событию посвящен целый комплекс мероприятий, проводимых в рамках проекта «Балашовский треугольник»¹, инициированного КРОО «Содружество народов Карелии» (руководитель Л. Н. Давыдова) и объединяющего участников из трех регионов – Республики Карелия, Мурманской и Новгородской областей, связанных с жизнью и деятельностью писателя.

В 1960-е годы Д. М. Балашов работал в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР (в настоящее время – ИЯЛИ Карельского научного центра РАН) [11]. Он совершил пять экспедиционных выездов на Терский берег Белого моря в период с 1957 по 1964 год с целью сбора фольклорно-этнографического материала. Зафиксированные материалы хранятся в отдельных коллекциях в фондах Научного архива КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН) и Фонограмм-архива ИЯЛИ КарНЦ РАН, их подробная опись представлена Н. Л. Шибановой [13]. За время поездок удалось собрать свыше 200 ска-

зок в местах проживания терских поморов (Умба, Лесной, Оленица, Кузомень, Варзуга, Чаваньга, Тетрино, Стрельна, Чапама, Пялица). По замечанию Д. М. Балашова,

«записи из Умбы и Лесного – это в основном коллекция, собранная в 1947–1948 гг. школьниками и учителями местной школы, любовно обработанная, сбереженная и переданная нам учительницей-пенсионеркой Н. Е. Сергеевой» [1: 11].

Материалы были переданы в 1964 году и вошли в состав коллекции № 54 НА КарНЦ РАН в виде приложения, содержащего двенадцать тетрадей с фольклорными текстами, снабженного подробным физико-географическим очерком Терского района, вручную нарисованной картой и иллюстрированными обложками.

***

Часть сказок из пяти архивных коллекций была опубликована на страницах подготовленных Д. М. Балашовым сборников. Первый

вышел в 1970 году и включает в себя более 160 сказок, а также быличек – текстов, повествующих о встречах с нечистой силой (домовыми, лешими, водяными и т. д.). Он ориентирован прежде всего на специалистов: содержит подробную вступительную статью, словарь малопонятных слов, список сказочников и общую опись сказок, собранных на Терском побережье Белого моря². В 1972 году появился сборник, адаптированный для детей младшего и среднего школьного возраста³. В 1991 году вышло переиздание данного сборника, названное по заглавию одной из помещенных в книге сказок – «Птичка – железный нос, деревянный хвост»⁴. Несколько лет назад при непосредственном участии вдовы писателя О. Н. Балашовой появился еще один вариант книги, ориентированный на детскую аудиторию⁵. Существенные отличия в сборниках обобщены в таблице, где также восстановлены сведения об исполнителях и сюжетных типах:

1972 год = 1991 год	2017 год
1. Глиняшка (СУС ⁶ 2028 <i>Глиняный Иванушка (Пыхтелка)</i> ; Е. Д. Конёва)	1. Алёшка и ягишна (СУС 327С, <i>Ф Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма</i> ; А. И. Попова)
2. Девушка и медведь (СУС 311 <i>Медведь и три сестры</i> ; Е. Д. Конёва)	2. Волк-шадр ⁷ (СУС 314А* <i>Бычок-спаситель</i> + СУС 315 <i>Звериное молоко</i> ; Е. Д. Конёва)
3. Мышкин кораблик (СУС 283В* <i>Терем мухи</i> ; Е. Д. Конёва)	3. Глиняшка (СУС 2028 <i>Глиняный Иванушка (Пыхтелка)</i> ; Е. Д. Конёва)
4. Петушок и курочка (СУС 2021А <i>Смерть петушка</i> ; М. П. Дьячкова)	4. Девушка и медведь (СУС 311 <i>Медведь и три сестры</i> ; Е. Д. Конёва)
5. Как в триста три травы рассыпался (СУС 329 <i>Елена (Алена) Премудрая</i> – условно; Е. И. Сидорова)	5. Жар-птица (СУС 550 <i>Царевич и серый волк</i> ; П. А. Кузнецов)
6. Птичка – железный нос, деревянный хвост (СУС 563 <i>Чудесные дары</i> ; С. Д. Заборщиков)	6. Заварунушко ((СУС 56А <i>Лиса и дрозд (соловей, дятел)</i> ; А. В. Стрелкова)
7. Котя-Котя (СУС 61В <i>Кот, петух и лиса</i> ; О. Н. Приданникова)	7. Золота тетёрка ⁸ (СУС 1415 <i>Мена</i> ; А. П. Стрелкова)
8. Лиса и Журавль (СУС 60 <i>Лиса и журавль (аист)</i> ; О. Н. Приданникова)	8. Иван – медвежьи ушки (СУС 650А <i>Иван медвежье ушко</i> + СУС 301А, <i>В Три подземных царства</i> ; Е. И. Сидорова)
9. Колобок (СУС 2025 <i>Колобок</i> ; С. Д. Заборщиков)	9. «Как соль» (СУС 923 <i>Как соль</i> ; А. П. Стрелкова)
10. Алёшка и Ягишна (СУС 327С, <i>Ф Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма</i> ; А. И. Попова)	10. Колобок (СУС 2025 <i>Колобок</i> ; М. А. Семенихина)
11. Шла баба путем... (СУС 170 <i>«За скалочку – гусочку»</i> ; А. М. Клещова)	11. Кто глупее (СУС 1384 <i>Муж ищет людей глупее жены</i> + СУС 1540 <i>С того света выходец</i> + СУС 1540А* <i>Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости</i> ; Д. Е. Кузнецов)
12. Заварунушко (СУС 56А <i>Лиса и дрозд (соловей, дятел)</i> ; А. В. Стрелкова)	12. Лиса-исповедница (СУС 61А <i>Лиса-исповедница</i> ; Ф. С. Низовцева)
13. Золота тетёрка ⁸ (СУС 1415 <i>Мена</i> ; А. П. Стрелкова)	13. Присказка (О. Н. Приданникова)
14. Про стоптанные башмаки (СУС 306 <i>Ночные пляски</i> ; Е. И. Сидорова)	14. Про солдата (СУС 301D* <i>Солдат находит исчезающую царевну</i> ; Михайлова)
15. Соль (СУС 1651 <i>Соль</i> ; К. Л. Талых)	15. Про угольщика (СУС 930А <i>Предназначенная жена</i> ; Ф. Т. Еголаева)
16. Про Кашея (СУС 552А <i>Животные-зятья</i> + СУС 400, <i>Муж ищет исчезающую или похищенную жену</i> ; К. Л. Талых)	16. Пульница-слинница ⁹ (СУС 510А <i>Золушка</i> ; К. Л. Талых)
17. Земляная орда ¹⁰ (СУС 516 <i>Верный слуга</i> ; Е. И. Сидорова)	17. «Пусть так!» (СУС 571 <i>Диво дивное</i> ; А. А. Попов)
18. Озёрный жук-жених (СУС 425М <i>Жена ужа (змея, гада)</i> ; Е. И. Сидорова)	18. Сивка-бурка (СУС 530 <i>Сивко-Бурко</i> ; Д. Е. Кузнецов)
19. Про гнилу коробку (СУС 313А, В, С <i>Чудесное бегство</i> + СУС 313Н* <i>Бегство от ведьмы</i> ; Е. И. Сидорова)	19. Шиш ¹¹ московский, барма ¹² деревенский (СУС 950 <i>Дядя и племянник</i> ; Е. И. Сидорова)
20. Агар Агарович (СУС 405 <i>Иоринда и Иорингель</i> ; Е. И. Сидорова)	20. Шла баба путём (СУС 170 <i>«За скалочку – гусочку»</i> ; А. М. Клещова)
21. Пестреюшко (СУС 708 <i>Царевич-чудовище</i> ; А. П. Стрелкова)	
22. Камень-Латырь ¹³ (СУС 510А <i>Золушка</i> ; Е. И. Сидорова)	

В архивных коллекциях, посвященных Терскому побережью Белого моря, содержатся материалы, записанные от 43 исполнителей разного возраста обоих полов¹⁴. Д. М. Балашову не удалось здесь выявить крупных сказочников с большим репертуаром, но почти о каждом из них он более или менее развернуто рассказал во вступительной части своего первого сборника [1: 11–23]. Свыше десяти произведений сказочного жанра были записаны от Е. И. Сидоровой (27), Е. Д. Конёвой (23), А. П. Стрелковой (14), М. П. Дьячковой (13), П. Н. Кожиной (13), А. А. Мошниковой (13), Д. Е. Кузнецова (12).

Независимо от количества сообщенных текстов, каждый из исполнителей внес свой вклад в терскую сказочную традицию, в которой представлены все жанровые разновидности (сказки о животных, волшебные, новеллистические, легендарные, сказки-анекдоты), которые в целом соответствуют севернорусским народным сказкам. По сведениям Д. М. Балашова, на Терском берегу было записано около двадцати сюжетов сказок о животных, примерно сто сюжетов волшебных сказок [1: 25, 26]. «Из народных легенд тут распространена лишь одна – про ангела, сосланного на землю за то, что он пожелал вынуть душу из женщины (обработанная некогда Л. Н. Толстым)» [1: 28]. Незначительно представлены здесь новеллистические сказки [1: 29]. Скучны сатирические сказки и анекдоты, при этом «почти отсутствуют сюжеты о барине и мужике, так как бар здесь никогда не было» [1: 30].

Практически в каждой из указанных жанровых разновидностей встречаются сюжетные типы, которые существенно отличаются от сказочных произведений, записанных на других территориях Русского Севера. Чуть подробнее остановимся на некоторых терских сказках.

Одним из исполнителей сказок на Терском берегу был 13-летний подросток, Павел Кузнецов. Сказка «Звери у корыта»¹⁵, которую он сообщил в 1962 году, принадлежит к числу сказок о животных; в указателе сюжетный тип данной сказки зафиксирован под номером СУС 179В* *Звери у корыта*, представленным единственным вариантом, записанным и опубликованным Д. М. Балашовым. В ходе подготовки настоящего исследования удалось обнаружить похожий текст – «Корыто и звери»¹⁶, который был зафиксирован фольклористом-музыковедом Г. М. Науменко в Медвежьегорском районе Карелии от И. Р. Валенникова, 1890 г. р., примерно в то же самое время (с 1962 по 1974 год). В обеих коротких сказках сообщается, что старик делает корыто и решает

отдохнуть под ним; животные (заяц, лиса, волк и медведь) принимают корыто за стол и приносят еду (капусту, утку / «гуску», барана / поросенка, мед). Текст, записанный Г. М. Науменко, отличается ритмической организацией и включением песенных вставок. Существование сюжетного типа в двух вариантах является свидетельством его уникальности.

К сказкам о животных принадлежат также сказки, соотносимые в указателе с популярным сюжетным типом СУС 283В* *Терем мухи* («Теремок»), имеющим кумулятивную (цепную) композицию. Они в отличие от предыдущего текста представлены в нескольких терских записях; три из них были опубликованы в сборнике 1970 года. Примечательно, что два разных варианта сообщила Е. Д. Конёва в 1957 году. В ее сказке «Терем-теремок»¹⁷ мышка («мышевна-колоколовна, мóлода Снафидья»¹⁸ Давыдовна) использует в качестве жилья потерянное мужиком решето; к ней присоединяются «горносталя-шелкун»¹⁹, «зайко-белейко», «псец»²⁰ – молодец, «лисичка, всем вам сестричка», «волчище, серо хвостище» и «медведь, еще всех вас пригнэтишь», который наступает на решето и всех растаптывает. В сказке Е. Д. Конёвой «Краюшка хлеба»²¹ мышка, «коротеньки ножки, толсты стегóньца»²² находит забытую стариком в лесу краюшку хлеба, съедает мякиш и передвигается на ней впоследствии по озеру; ее спутниками опять же становятся «горносталя-шелкун», «зайко-белейко», «псец-молодец», «лисичка, всем вам сестричка», «волчище, серо хвостище» и «медведище, всех вас потяпище»²³, который наступает лапой на краюшку, в результате чего все тонут. В сборниках, адаптированных для детей, эта сказка называется «Мышкин кораблик»²⁴, в последнее издание²⁵ она не включена.

В сказке «Мышка-норúшка»²⁶, записанной в 1961 году от М. Ф. Заборщиковой, односельчанки Е. Д. Конёвой, «мышевна, колоколовна, мóлода Снафидья»²⁷ Давыдовна перемещается по озеру на «суденышке», и ей встречаются те же животные («горносталя-шулкúнко», «зайко-белейко», «псец-молодец», «лисичка-сестричка», «волчище, серый хвостище», «медвёдина-теплоёдина»). Медведь способствует тому, чтобы лодка перевернулась, но сказка на этом не заканчивается. Повествование далее развивается в соответствии с сюжетным типом 20А *Звери в яме*: все выплывают на берег, после чего лиса предлагает съесть того, кто поменьше. Поочередно съедают мышку, горносталя, зайца и песка. Волк убегает в лес. Далее повествование развивается в соответ-

ствии с сюжетным типом СУС 21 *Пожирание собственных внутренностей*: лиса, оставшись с медведем, хитростью заставляет его засунуть свою лапу глубоко себе в ж..., в связи с чем он не может дышать; она убивает медведя и съедает.

Еще одна сказка с заглавием «Кораблик мыши»²⁸, сохраняющая необычную контаминацию сюжетных типов СУС 283В* *Терем мухи*, СУС 20А *Звери в яме* и СУС 21 *Пожирание собственных внутренностей*, была записана от Е. И. Мошниковой в 1961 году и ранее не публиковалась (см. Приложение).

Попутно отметим, что сюжетный тип СУС 20А *Звери в яме* представлен также в сказке «Курочка и петушок»²⁹, упоминаемой ранее Е. Д. Конёвой, но является здесь продолжением другого сюжетного типа – СУС 20С *Звери бегут от кончины мира (войны)*, который обозначен Д. М. Балашовым как «Испуг зверей» [1: 25]. В этой сказке курочке попадает шишка в лоб; она, решив, что это пуля, бежит к петуху и сообщает, что «немцы на Русь наехали!»; птицы вместе бегут в лес и по пути встречают многих персонажей, действующих в сказках о мышке на кораблике: «горносталя», «псеца», зайца, лису, медведя; все они оказываются в яме и поочередно съедают самого маленького. Лиса тем же способом, что и в других текстах, обманывает медведя и съедает его.

Что касается сказок, относящихся к распространенному на Терском берегу сюжетному типу с участием мышки на кораблике, то, по словам Д. М. Балашова, «он известен, насколько мы могли установить, только здесь и, по-видимому, обязан своим происхождением саамскому фольклору» [1: 25]. Согласно данным аналитического каталога фольклорно-мифологических мотивов, подобный сюжет (187с1. *Мышка в лодке: Мышь делает себе лодку из небольшого предмета*) действительно встречается у саамов; известен этот сюжет также у коми, манси, кетов, юги и в Саудии [2]. В терской версии тоже фигурируют пушные животные, а мышка использует для передвижения по озеру краюшку хлеба. В таком своеобразном виде находит здесь отражение мореходство.

Отметим, что похожая сказка под названием «Кораблик»³⁰ была опубликована Г. М. Науменко, но в ней мышка передвигается в лапте; за время путешествия к ней присоединяются заяц, лиса, волк и медведь, который уничтожает судно. К сожалению, мы не располагаем сведениями о месте, времени записи и исполнителе.

Многие другие популярные сюжеты сказок о животных перечисляются Д. М. Балашовым во вступлении к академическому сборнику:

«...очень любима терчанами сказка “Волк (или медведь) и лиса” (“Ледяная и лубяная хатка”). Чуть ли не самой распространенной сказкой из раздела сказок о животных является на Терском берегу сказка “Кот, лиса и петух”. Также очень любимы сказки про медведя, пением выманивающего у старика скот» [1: 25].

К числу редких сказок о животных относятся тексты сюжетного типа о медведе и старухе, зафиксированного в указателе под номером –161А**, краткое содержание которого сводится к следующему: «старуха спасается от медведя, обещая ему “крепушку”, “теплушку” и “потомбалку”; потом толкует эти обещания» [12: 80], в них зафиксированы наречия «крепко», «тепло» и «потом». В белорусской и украинской сказочных традициях соответствия не обнаружены, сюжет представлен лишь у русских. Минус перед номером обозначает, что в мировом фольклоре данного сюжетного типа нет. Варианты, отмеченные в СУС, фиксировались преимущественно на Русском Севере (в Вологодской, Архангельской губерниях / областях и Карелии) и были опубликованы в изданиях 90-х годов XIX века, 10–30-х и 70-х годов XX века. Ряд текстов был обнаружен в НА КарНЦ РАН. В сборнике А. Н. Афанасьева данный сюжетный тип не представлен.

На Терском берегу подобная сказка с названием «Потомбалка»³¹ была записана в 1957 году от Е. Д. Конёвой, в ней старуха, встретив медведя в лесу, обещает ему «побрякушку», «потеплушку» и «потомбалку»; зверь трижды приходит к ней домой, но, поняв, что бабка его обманула, идет к ней

«ломать двери:

– Раз не отдаешь, я тебя сейчас съем!

В сенях двери ломает. Бабка не знает, что делать, куды скрыться. В сарай затенулась, под корыто. Медведь в сени двери проломал, в избы двери открыл, ходит, ищет, нигде бабки нет.

– Вот беда, куды старуха делась? В избы была, нигде старухи нет! Нету, хотя, под корытом-то?

Подошел к корыту-то, стал как открывать корыто, бабка как п... во всю ж... П..., и корыто раскололось, медведь как побежал, обдристался, и по сеням, и по избы, – все обдристал.

И так больше и не приходил к бабке»³².

По замечанию Д. М. Балашова, для сказок Е. Д. Конёвой характерны «сатирические, слегка озорные детали, с элементом неожиданного, как, например, конец сказки “Потомбалка” и пр.» [1: 16].

Целый ряд терских сказок о животных имеет параллели в саамском фольклоре. Помимо ранее упоминаемого сюжета «Мышкин кораблик», аналогии обнаруживаются в сказках о медведе и трех сестрах, о лисе-плачье. «Исключитель-

но полный и красочный вариант сказки “Баран, золотые рога”, записанный от Е. Д. Конёвой, почти текстуально совпадает с саамской сказкой “Олешка, золотые рожки”» [1: 26]. Этот текст опубликован Д. М. Балашовым под названием «Глиняшка»³³ и, согласно указателю, относится к категории «Разные дополнения к анекдотам»: СУС 2028 *Глиняный Иванушка (Пыхтелка)*. Отметим также, что сказка «Олешек золотые рожки» была опубликована на страницах одноименного детского сборника, включающего сказки северных народов, изданного под редакцией С. Я. Маршака в 1936 году³⁴.

По словам Д. М. Балашова,

«хотя сказок о животных записано на Терском берегу не так уж много, следует подчеркнуть их большую сохранность: тексты полны и стройны, исполняются “на голоса”, песенки в текстах поются рассказчицами, что соответствует древней традиции» [1: 26].

Особенно выделяет фольклорист сказки Е. Д. Конёвой из Варзуги.

Своеобразием отличаются не только сказки о животных, но и некоторые волшебные сказки, записанные на Терском берегу. Так, сказка «Озерный жук-жених»³⁵ была сообщена Е. И. Сидоровой в 1957 году. Она принадлежит к не слишком популярному сюжетному типу СУС 425М *Жена ужа (змея, гада)*, но вместо змеи в этом варианте фигурирует жук. В тексте девушка выходит замуж за жука, живущего в озере, который на самом деле является человеком по имени Осип; она навещает со своими детьми (сыном и дочерью) родных; мать выманивает зятя из озера и убивает его, отрубив голову топором; девушка превращает сына в голубочка, дочь в подкрапивную ласточку, а сама становится кукушкой. То есть сказка наполнена этиологическими мотивами, объясняющими происхождение трех птиц.

Один из первых вариантов такой сказки («Про ужака») был зафиксирован в Тульской губернии учителем А. А. Эрленвейном в рамках просветительской работы, проводимой Л. Н. Толстым, и опубликован в 1863 году³⁶. В тексте девушка становится женой ужака, которого зовут Осип; после его смерти она обращает дочь «птичкой подкрапивничкой», сына «соловейчиком», а сама становится кукушкой. Отметим, что Л. Н. Толстой поместил литературно обработанный текст этой сказки («Уж») в хрестоматию «Вторая русская книга для чтения», опубликованную в 1875 году³⁷. В произведении сохранена общая канва народной сказки, в нем мать становится кукушкой, превращая сына в «соловейчика», а дочь в ласточку. Публикация в хрестоматии, издаваемой большими тиражами, способствовала тому, что сказка получила книжное воплощение и могла оказать

воздействие на русскую устную народную традицию. Сюжетный тип СУС 425М *Жена ужа (змея, гада)* обстоятельно изучен в работах многих исследователей [3], [4], [5], [6], [8], [9], [14]. В терском варианте фигурирует не уж, а жук, видимо, поэтому у Д. М. Балашова этот текст был ошибочно соотнесен с сюжетным типом СУС 440 *Муж-рак*, но в указателе СУС эта неточность была устранена. Еще одна похожая сказка с участием жука была записана в Воронежской области³⁸.

Сказка, относящаяся к редкому сюжетному типу СУС 621 *Шкура вши (блохи)*, зафиксирована на Терском берегу в двух сказочных вариантах. В сказке «Вошья шкура»³⁹, сообщенной П. Н. Кожинной в 1964 году, младшая дочь попа находит у него вошь, которая начинает расти и сначала не помещается в коробок, а потом в ящик. Ее решают убить, высушить и отнести на базар, где предлагается отгадать, что это. Отгадывает медведь (заколдованный юноша), за которого дочь попа в итоге выходит замуж. Далее она уничтожает шкуру медведя и отправляется на его поиски – повествование продолжается в соответствии с сюжетным типом СУС 432 *Финист ясный сокол*. Вариант, имеющий такое же название – «Вошья шкура»⁴⁰, зафиксированный от А. П. Стрелковой в 1962 году, отличается от сказки П. Н. Кожинной. В нем дочь-царевна находит вошь у отца, вошь вырастает до размеров коровы. Ее убивают, шкуру вывешивают и предлагают потенциальному жениху угадать, что это. Царевна, которой нравится один молодой человек, просит старика сообщить ему правильный ответ, но старик угадывает сам таким способом. Девушка должна выйти за старика замуж. Далее присоединяется другой сюжетный тип, который условно можно назвать «Немая жена»: после свадьбы царевна и ее муж едут на лодке, она толкает его с борта; старик тонет, но прежде он делает так, что любое слово девушки повторяется кем-то, кто живет у нее за пазухой; девушка вынуждена молчать, пока не избавится от того, кто за пазухой; она варит его в супе. После этого снова может говорить и в итоге выходит замуж за царевича. Подобные мотивы, связанные с временной немотой жены, встречаются в карельских и вепсских сказках, контаминируясь с сюжетным типом СУС 510В *Свиной чехол* (см. о молчании: [7], [10]). Что касается сказок о шкуре вши, то их единичные записи представлены также в поморской сказочной традиции Карелии и фиксировались в Кемском⁴¹ и Беломорском⁴² районах.

Следующая волшебная сказка записана на Терском берегу в нескольких вариантах и принадлежит к популярному сюжетному типу СУС 510А *Золушка*, но отличается своеобразием, так

как представляет собой необычную версию. По замечанию Д. М. Балашова,

«терская Золушка – это третья сестра, “пульница-слинница”, неумелая грязнуля, но она не бросает встречного старика в дороге, обмывает и обихаживает его, за что и получает от старика чудесные дары, превращающие ее в красавицу (обычно волшебную ключечку, открывающую “камень Латырь”, в котором находятся богатства и чудесный конь)» [1: 28].

Прозвище «Пуля-слина» или «Пульница-слинница» связано с диалектными словами «пуля» (сопля) и «слина» (слюна). То есть это сопливая и слюнявая девочка, дурочка, замарашка, или золушка. Примечательно, что один из вариантов сказки о Пульнице-слиннице сообщил в 1961 году С. Д. Заборщиков⁴³. Обычно у мужчин были другие сказки в репертуаре, но у этого исполнителя несколько сказок из так называемой «робячьей» (детской) сказочной традиции. Два других текста были сообщены Е. И. Сидоровой в 1957 году («Пуля-слина, опойцата⁴⁴ шуба»⁴⁵ / «Камень-лэтырь»⁴⁶) и К. Л. Талых в 1964 году («Пульница-слинница»⁴⁷). С общеизвестной «Золушкой» эти сказки сближает поиск сбежавшей невесты по потерянной туфельке.

Вообще, по мнению Д. М. Балашова,

«затруднительно выделить в волшебных сказках Терского берега наиболее излюбленные сюжеты – столь обильна и разнообразна местная сказочная традиция. Очень упрощая, можно сказать, что особой популярностью пользуются сказки двух групп. Сюжет первой – поездка героя, совершающего ряд подвигов, заканчивающаяся его женитьбой на царевне <...>. Сюжет второй группы – поиски героиней исчезнувшего мужа (реже – героем жены) <...>» [1: 27].

Именно волшебные сказки представлены на Терском берегу полнее всего [1: 26].

Остановимся еще на двух примерах сказок, объединенных общей темой. В одной из них, записанной от А. П. Стрелковой в 1962 году и относящейся к редкому в русской сказочной традиции новеллистическому сюжетному типу СУС 923 *Как соль*, речь идет о том, что отец выясняет у дочерей, насколько сильно они его любят; когда младшая дочь говорит, что любит его, как соль, отец прогоняет ее из дома; впоследствии отец попадает на свадьбу, где на одном столе вся пища несоленая и отсутствуют солонки; узнав причину этого, просит прощения у дочери⁴⁸. Сюжет

этой сказки, согласно аналитическому каталогу фольклорно-мифологических мотивов, распространен по всему миру (**K92В. Люблю как соль**) и встречается в Северной Африке (у берберов, арабов Египта), в Южной Европе (у басков, итальянцев, мальтийцев, каталонцев, португальцев, латин, испанцев, корсиканцев, сардинцев), в Западной Европе (у англичан, фламандцев, французов, валлонов, немцев, голландцев, ирландцев, фризов), в Передней Азии (у арабов Сирии, в Саудии, Кувейте, Катаре, Йемене), в Бирме, в Южной Азии (у хинди), на Балканах (у румын, греков, венгров), в Средней Европе (у чехов, словаков, поляков, белорусов, украинцев, русских), на Кавказе (у адыгов, ингушей, азербайджанцев, турков, курдов), в Средней Азии (у персов), в Балтоскандии (у латышей, литовцев, финнов, шведов, исландцев) [2]. Еще одна сказка, связанная с упоминанием соли, принадлежит к сюжетному типу, имеющему, условно говоря, анекдотическое содержание, – СУС 1651А *Соль*. В тексте, записанном от К. Л. Талых в 1964 году, старик открывает одному из братьев соль и советует пойти с ней к царю; царь, попробовав голую соль, прогоняет героя, но, почувствовав соль в приготовленной пище, награждает юношу и отдает ему дочь в жены⁴⁹. Подобная сказка была опубликована в сборнике А. Н. Афанасьева⁵⁰, а сюжет «учтен в эстонских, русских, греческих и индийском вариантах»⁵¹. На Терском берегу существование отмеченных сюжетных типов обусловлено, видимо, отражением в них одного из древних поморских промыслов – добычания соли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Терская сказочная традиция, зафиксированная Д. М. Балашовым, безусловно, отличается своеобразием. В ней находят отражение редкие сюжетные типы или же представлены необычные версии популярных сюжетных типов. Тексты в целом соответствуют общерусскому фольклору, но наполнены диалектными словами и формами, а также отражают поморские реалии быта. Терскую сказочную традицию мы знаем только благодаря Д. М. Балашову, поскольку до 1950-х годов она не вызывала интереса у собирателей. Особенности ее состоят еще и в том, что в сказках находит отражение давнее соседство с карелами и саамами.

Приложение

Кораблик мыши

(Записано от Е. И. Мошниковой в 1961 году. Публикуется впервые)

Жил-был старик со старухой. Испекла старуха большой-пребольшой хлеб. Половину-то они съели, а половину вынесли на лабаз, в сени. (Лабаз – полочка такая). А мышка прибежала, мякиш-то весь выела, а корочку-то утащила, столкнула в речку и поехала. Едет да гребёт, песенки поёт, приговаривает. Ящерка бежит:

– Чье это суденышко по озеру бежит? Как эту хозяйку по имени зовут?

– Я мышка-норышка, а ты кто?

– Я ящурка, возьми-ка меня!

– Поди!

Едут да гребут, песенки поют, приговаривают. Бежит горносталько-задристалько (а между прочим у горносталья запах-то такой противный). Вот она кричит:

– Чье это суденышко по озеру бежит, как эту хозяйшку по имени зовут?

– Я мышка-норышка, да ящурка. А ты кто?

– Я горносталь-шелкун. Возьми-ка меня!

– Поди!

Бежит зайко-белейко:

– Чье это суденышко по озеру бежит? Как эту хозяйшку по имени зовут?

– Я мышка-норышка, да ящурка, да горносталь-шелкун. А ты кто?

– Я зайко-белейко. Возьми-ка меня!

– Поди!

Едут да гребут, песенки поют, приговаривают. Бежит псец-молодец.

– Чье это суденышко по озеру бежит? Как эту хозяйшку по имени зовут?

– Я мышка-норышка, да ящурка, да горносталь-шелкун, да зайко-белейко. А ты кто?

– А я псец-молодец. Возьми-ка меня!

– Поди! (Видать, мышь всех берет).

А бежит лисица, похила гузница.

– Чье это суденышко по озеру бежит? Как эту хозяйшку по имени зовут?

– Я мышка-норышка, да ящурка, да горносталь-шелкун, да зайко-белейко, да псец-молодец. А ты кто?

– А я лисица, похила гузница. Возьмите-ка меня!

– Поди!

Взяли лисицу. Бежит волчище, серый хвостиче.

– Чье это суденышко по озеру бежит? Как эту хозяйшку по имени зовут?

– Я мышка-норышка, да ящурка, да горносталь-шелкун, да зайко-белейко, да псец-молодец, да лисица, похила гузница. А ты кто?

– Я волчище, серый хвостиче!

– Поди!

И того взяли.

Бежит медведище-тяпоёдище.

– Чье это суденышко по озеру бежит? Как эту хозяйшку по имени зовут?

– Я мышка-норышка, да ящурка, да горносталь-шелкун, да зайко-белейко, да псец-молодец, да лисица, похила гузница, да волчище, серый хвостиче. А ты кто?

– Я медведище-тяпоедище. Возьмите-ка меня!

– Поди!

Медведь-то как стал к лодке-то заходить, лапой-то как засадил за один борт, лодку опрокинул, и все звери-то и поплыли, и все перемокли, развели огонь на берегу и стали сушиться. И вот они высохли, ись-то им и захотелось. А лисица похитрее, она и бежит вокруг:

– Посидим, посидим, кто поменьше – того и съедим!

Ну, мышку и съели. Ну, надолго ли хватит мышки? Опять лисица бежит:

– Посидим, посидим, кто поменьше – того и съедим!

Ну, вот. Ящурку и съели. Ну, надолго ли хватит ящурки? Лисица опять бежит:

– Посидим, посидим, кто поменьше – того и съедим!

Ну, вот, и горностальку съели. Лисица опять бежит:

– Посидим, посидим, кто поменьше – того и съедим!

Съели зайку. Лисица опять бежит:

– Посидим, посидим, кто поменьше – того и съедим!

Ну, и съели псеца-молодца. Ну, вот, эту мелюзгу все переели, опять лиса и говорит:

– Посидим, посидим, кто поменьше – того и съедим!

Те говорят:

– Ну, лиса, ты самая молодая.

– Нет, – говорит, – кум, я старше тебя.

Ну, и порешили волка съесть. Лисица толь не хитра, волк-то большой, она ест, да куски-то за жопу и пихает. А медведь, тот без задней мысли ест всё с краю, что досталось на егову половину, всё ест. Сидели-посидели, медведь проголодался опять. Теперь медведь говорит:

– Ну, кума, ты теперь не увернёшься, ты меня моложе! Я тебя съем!

А кума-то из-за жопы куски эти достает и поедает так, чтобы медведь видел.

– Ты, – говорит, – кума, там кого делаешь-то?

– А я, кум, – говорит, – лапу в жопу-то запихаю, а мясо-то там и есть. Вытяну кусочек, да и ем.

– Ну-тко, – говорит, – научи меня, как это ты лапу пихаешь?

– А так, – говорит, – пихай туда!

Медведь стал лапу в жопу пихать, а больно. Пихал, пихал, всю жопу разорвал, ревёт. А кума тем временем и убежала. Медведь до сих пор с лапой в жопы ходит.

Щука да елец – и сказке конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. об этом проекте: <https://sodruzhestvo.nubex.ru/5009/5011/15631/15633/> (дата обращения 25.07.2022).
- ² Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. 448 с. (далее – Балашов 1970).
- ³ Сказки Терского берега / Запись, лит. обработка сказок Д. М. Балашова. Мурманск: Мурман. книж. изд-во, 1972. 104 с. (далее – Балашов 1972).
- ⁴ Птичка – железный нос, деревянный хвост. Сказки Терского берега / Запись и обработка Д. М. Балашова. Мурманск: Мурман. книж. изд-во, 1991. 144 с. (далее – Балашов 1991).
- ⁵ Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря / Запись, обработка и предисл. Д. М. Балашова. Великий Новгород, 2017. 69 с. (далее – Балашов 2017).
- ⁶ СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 440 с.
- ⁷ Шадр-волк – шербатый волк, волк-людоед (Балашов 1970. С. 441).
- ⁸ Тетёрка золотая – от старинного «тетерь» – золотой; здесь: золотая монета (Балашов 1991. С. 60).
- ⁹ Пульница-слинница – сопливая, слюнявая (Балашов 1970. С. 440).
- ¹⁰ Орда («земляная орда») – страна, государство, царство (Там же. С. 438).
- ¹¹ Шиш – вор (Там же. С. 441).
- ¹² Барма – вор (Там же. С. 435).
- ¹³ Латырь-камень – алтарь, или бел-горюч камень; загадочный камень, поминаемый в сказках (Балашов 1991. С. 135).
- ¹⁴ См.: Балашов 1970. С. 32, 418–431.
- ¹⁵ Там же. С. 412–413.
- ¹⁶ Жаворонушки. Русские песни, прибаутки, скороговорки, считалки, сказки, игры / Сост. Г. М. Науменко. М.: Сов. композитор, 1977. Вып. 1. С. 43.
- ¹⁷ Балашов 1970. С. 249–250.
- ¹⁸ Ср.: «Снафйда, *бран*. О женщине: вялая, неповоротливая, нерасторопная, неразвитая» // Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2011. С. 383.
- ¹⁹ Горносталь – горноста́й (Балашов 1970: 436), шелкун – гладкошерстный, как шелковый (Там же. С. 441).
- ²⁰ Псец – песец (Там же. С. 439).
- ²¹ Там же. С. 256–257.
- ²² Стегони́це, стегно́ – бедро (Там же. С. 440).
- ²³ Потяпище – от слова «тяпать», ударять лапой, давить (Балашов 1991. С. 22).
- ²⁴ Балашов 1972. С. 15–16; Балашов 1991. С. 21–23.
- ²⁵ Балашов 2017.
- ²⁶ Балашов 1970. С. 325–327.
- ²⁷ См. примечание № 18.
- ²⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 39. № 10. Л. 23(об.)–27.
- ²⁹ Балашов 1970. С. 238–241.
- ³⁰ Золотой серпок. Русские народные сказки / Собрал и пересказал Г. М. Науменко. М.: Малыш, 1994. С. 39–41.
- ³¹ Балашов 1970. С. 254–256.
- ³² Там же. С. 256.
- ³³ Балашов 1970. С. 245–246; Балашов 1972. С. 7–9; Балашов 1991. С. 10–12; Балашов 2017. С. 13–15.
- ³⁴ Олешек Золотые Рожки. Сказки северных народов / Под общ. ред. С. Я. Маршака. М.; Л.: Изд-во дет. лит., 1936. С. 25–28.
- ³⁵ Балашов 1970. С. 137–139; Балашов 1972. С. 76–78; Балашов 1991. С. 102–106.
- ³⁶ Народные сказки, собранные сельскими учителями. Сборник А. А. Эрленвейна. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. Сборник Е. А. Чудинского. СПб.: Тропа Троянова, 2005. С. 130–131.
- ³⁷ Толстой Л. Н. Вторая русская книга для чтения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/168655-8-lev-tolstoy-vtoraya-russkaya-kniga-dlya-chteniya.html#book> (дата обращения 18.07.2022).
- ³⁸ Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI веков в записях Е. А. Самоделовой: Тексты. Т. 1 // Рязанский этнографический вестник. № 51. Рязань: ООО «Фирма РИНФО», 2013. С. 93–94.
- ³⁹ Балашов 1970. С. 109–115.
- ⁴⁰ Там же. С. 370–371.
- ⁴¹ Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1974. С. 153–154.
- ⁴² Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. С. 215–216.
- ⁴³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 38. № 31. Л. 86 об.–92 об.
- ⁴⁴ Опойча – опойка, кожа («опойчата шуба» – шуба, вытертая до кожи) (Балашов 1991. С. 134).
- ⁴⁵ Балашов 1970. С. 183–186.
- ⁴⁶ Балашов 1972. С. 96–101; Балашов 1991. С. 134–142.
- ⁴⁷ Балашов 1970. С. 86–88; Балашов 2017. С. 48–50.
- ⁴⁸ Балашов 1970. С. 371–372; Балашов 2017. С. 32–33.
- ⁴⁹ Балашов 1970. С. 80–81; Балашов 1972. С. 55–57; Балашов 1991. С. 72–74.
- ⁵⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 2. С. 215–217.
- ⁵¹ Там же. С. 424.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Д. М. Сказочники и сказочная традиция на Терском берегу // Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. С. 7–31.
2. Березкин Ю. Е., Дувакин Д. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения 18.07.2022).
3. Добровольская В. Е. История фиксации сказки «Жена ужа» (425М) у русских // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 133–142.
4. Добровольская В. Е. Поволжские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // Традиционная культура народов Поволжья: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань: Ихлас, 2016. С. 217–226.
5. Добровольская В. Е. В дополнение к указателю сказочных сюжетов: новые записи сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // Живая старина. 2017. № 1 (93). С. 4–7.
6. Добровольская В. Е. Тверские сказки об ужовой невесте (СУС 425М) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги: Сборник научных статей. М.: Центр культурных стратегий и проектного управления, 2017. С. 202–220.
7. Жепниковская И. Функционально-семантическая значимость молчания в волшебной сказке // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 1. С. 7–29. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10322
8. Каяниди Л. Г. Сказки типа 425М «Жена ужа» из Смоленской и Брестской областей // Живая старина. 2019. № 2 (102). С. 34–37.
9. Каяниди Л. Г. Структурно-семантическая типология метаморфозно-орнитологического сюжета восточнославянской сказки (СУС 425М) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3, № 1. С. 56–93. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-1-56-93
10. Лызлова А. С. Сюжетный тип 510В «Свиной чехол» в сказочной традиции Карелии // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 1. С. 31–42. DOI: 10.26158/ТК.2019.20.1.003
11. Марковская Е. В. Д. М. Балашов и Карелия: «Фольклорный период» в жизни писателя // Традиционная культура. 2012. № 4 (48). С. 129–139.
12. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 440 с.
13. Шибанова Н. Л. Опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, хранящихся в архиве Карельского научного центра РАН // Русский фольклор. Т. XXXII. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. С. 425–475.
14. Кабакова Г. Le mari-serpent ou Pourquoi le coucou coucoule // Eurasie: Oiseaux: Héros et devins. 2007. No 17. P. 127–142.

Поступила в редакцию 25.07.2022; принята к публикации 05.09.2022

Original article

Anastasia S. Lyzlova, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0634-706X; alyzlova@illh.ru

**THE TERSKY POMOR FOLK TALE TRADITION
(based on Dmitry Balashov's expedition records from the 1950s and the 1960s)**

Abstract. This study is of relevance today as it examines the folklore legacy of D. M. Balashov, whose 95th anniversary is celebrated in 2022. The article analyzes the folk tale tradition of the Pomors inhabiting the Tersky Coast of the White Sea (the Murmansk Region), which became known after several expeditions to this area undertaken by the writer during the second half of the 1950s and the first half of the 1960s. Records from these expeditions are stored in the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (KarRC RAS) and the Phonogram Archive of the KarRC RAS Institute of Linguistics, Literature and History. A significant body of the materials was included in the collected volume *Tales of the Tersky Coast of the White Sea*, compiled by D. M. Balashov and published in 1970. These folk tales are also partially represented in the 1972, 1991 and 2017 editions of the volume, adapted for children and youth. This article is the first paper that compares the child-oriented collected volumes and matches the plots and the performers of the folk tales. Some texts from Balashov's records have not been introduced into scholarly circulation yet. The publication of one of the archived folk tales also testifies to the research novelty. The article confirms the conclusions that the texts recorded on the Tersky Coast largely correspond to the northern Russian folk tale tradition, but they also show the traces of influence of the Sami folklore. These texts are filled with details about the Pomor daily life, dialectal words, and often are special versions of either popular or very rare plot types, which makes them unequivocally original and special.

Key words: Tersky Coast of the White Sea, folk tale tradition, D. M. Balashov, Pomors, folklore collections, archival texts

Acknowledgements. The article was written as part of the project “Balashovsky treugol’nik” (“Balashov Triangle”) funded by the Grant Foundation of the Head of the Republic of Karelia.

For citation: Lyzlova, A. S. The Tersky Pomor folk tale tradition (based on Dmitry Balashov’s expedition records from the 1950s and the 1960s). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):101–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.823

REFERENCES

1. Balashov, D. M. Storytellers and folk tale tradition of the Tersky Coast. *Tales of the Tersky Coast of the White Sea*. Leningrad, 1970. P. 7–31. (In Russ.)
2. Berezkin, Yu. E., Duvakin, D. N. Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by areas. Analytical catalog. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed 18.07.2022).
3. Dobrovolskaya, V. E. History of recording of folktale “Grass-Snake as a Husband (bathing girl’s garment kept until promise of marriage)” (425M) among Russians. *Traditional Culture*. 2015;4:133–142. (In Russ.)
4. Dobrovolskaya, V. E. The Volga Region variants of the fairy tale “Grass-Snake as a Husband” (SUS 425M). *Traditional culture of the peoples of the Volga Region: Proceedings of the III all-Russian research and practice conference with international participation*. Kazan, 2016. P. 217–226. (In Russ.)
5. Dobrovolskaya, V. E. Updates to the index of fairy-tale plots: new records of the fairy tale “Grass-Snake as a Husband” (SUS 425M). *Zhivaya starina*. 2017;1(93):4–7. (In Russ.)
6. Dobrovolskaya, V. E. Tver fairy tales about the snake’s bride (SUS 425M) in the context of the common Russian fairy-tale tradition. *Folklore of the Big Volga: Collection of research papers*. Moscow, 2017. P. 202–220. (In Russ.)
7. Rzepnikowska, I. Functional and semantic characteristics of silence in the fairy tale. *The Problems of Historical Poetics*. 2022;20(1):7–29. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10322 (In Russ.)
8. Kayanidi, L. G. Tales of the type 425M “Grass-Snake as a Husband” from the Smolensk and Brest regions. *Zhivaya starina*. 2019;2(102):34–37. (In Russ.)
9. Kayanidi, L. G. Structural and semantic typology of the metamorphic ornithological plot of an East Slavic tale (SUS 425M). *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2020;3:56–93. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-1-56-93 (In Russ.)
10. Lyzlova, A. S. Plot type 510B “Pigskin Cover” in the folktale tradition of Karelia. *Traditional Culture*. 2019;20(1):31–42. DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.003 (In Russ.)
11. Markovskaya, E. V. D. M. Balashov and Karelia: The “folklore period” in the writer’s life. *Traditional Culture*. 2012;4(48):129–139. (In Russ.)
12. Comparative index of plots. East Slavic folk tales. (L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov, Comps.). Leningrad, 1979. 440 p. (In Russ.)
13. Shibanova, N. L. Inventory of handwritten collections of folklore materials collected by D. M. Balashov stored in the Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Russian folklore. Vol. XXXII. Materials and studies*. St. Petersburg, 2008. P. 425–475. (In Russ.)
14. Kabakova, G. Le mari-serpent ou Pourquoi le coucou coucoule. *Eurasie: Oiseaux: Héros et devins*. 2007;17:127–142.

Received: 25 July, 2022; accepted: 5 September, 2022

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПЕТРОВ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

Д. М. БАЛАШОВ КАК СОБИРАТЕЛЬ ФОЛЬКЛОРА: ОТ НАУЧНОГО ПОИСКА К ЛИТЕРАТУРНОМУ МАСТЕРСТВУ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются экспедиционные записи Д. М. Балашова, сделанные в 1957–1960-х годах на севере Карелии и в Мурманской области, в настоящее время хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Предметом внимания являются не фольклорные тексты, а сопутствующие комментарии, отчеты и ремарки исполнителей и собирателя. Весь массив этих вспомогательных данных охватывает несколько тематических областей: сведения о сказителях с подробными словесными портретами литературно-художественного типа; сведения об истории, быте, культуре края; научные гипотезы, комментарии к текстам, позволяющие понять круг научных интересов исследователя. Часть ремарок и мини-эссе публикуются впервые. Делается вывод о том, что мастерство Д. М. Балашова как писателя начало формироваться еще во время экспедиционных выездов, задолго до профессиональной литературной деятельности. Собирателю было тесно в рамках строгой научной работы, поэтому многие сопутствующие комментарии уже носят зачатки художественного текста – даже в отчетах содержатся пейзажные зарисовки, бытовые сценки беллетризованного характера, воссозданы живые образы сказителей, с которыми общался будущий писатель. Знакомство с народными традициями Русского Севера повлияло на художественное мировоззрение Д. М. Балашова, архаические образы и мотивы севернорусского фольклора позже нашли отражение в серии исторических романов на древнерусскую тематику.

Ключевые слова: Дмитрий Балашов, литература, фольклор, фольклорная экспедиция, Русский Север, Карелия, Мурманская область

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Балашовский треугольник» с использованием гранта Главы Республики Карелия. Проект реализует КРОО «Содружество народов Карелии» в партнерстве с ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Для цитирования: Петров А. М. Д. М. Балашов как собиратель фольклора: от научного поиска к литературному мастерству // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.824

ВВЕДЕНИЕ

В многогранном творческом наследии Д. М. Балашова большое место занимают фольклорные записи, сделанные будущим писателем в экспедициях по Русскому Северу в 1950–1960-е годы. По словам Николая Коняева, «Россия больше знает Балашова как писателя, меньше – как фольклориста. Хотя, возможно, он как фольклорист значительнее» [8]. Хороший ученый и хороший писатель сочетаются в одном человеке редко. В этом смысле Д. М. Балашов был личностью универсального дарования: талантливый исторический романист и в то же время признанный исследователь народной культуры. Кроме того, и в фольклористике он состоялся в двух ипоста-

сях: как ученый-теоретик, способный ставить и решать на высоком уровне сложные научные проблемы, и как неутомимый «полевик», энтузиаст, подлинный знаток «своего» материала.

Д. М. Балашов обладал несомненным собирательским талантом: материал записывался с размахом, масштабно, фиксировались самые разнообразные аспекты бытования фольклора. Дневники, экспедиционные отчеты содержат не только записи текстов, но и наблюдения над этнографическим контекстом; исторические сведения о той местности, где записывался материал; предварительные наблюдения чисто теоретического характера; талантливые портретные зарисовки носителей народной традиции и многое другое. При этом Дми-

трию Михайловичу во время первой экспедиции (летом 1957 года) не было и тридцати лет.

В Научном архиве КарНЦ РАН хранятся оригинальные рукописные коллекции (также машинописные копии) с фольклорными записями Д. М. Балашова, сделанными во время экспедиций на Русский Север (преимущественно север Карелии и Терский район Мурманской области) в 1957–1964 годах [9: 140–142, 145]. Подробная опись материалов и некоторые предварительные наблюдения уже были опубликованы ранее [9], [10], [11], [14]. Предметом рассмотрения в настоящей статье станут преимущественно не фольклорные тексты, а те пометки, ремарки и прочие сопутствующие записи (в том числе бытового характера), которые рассыпаны по полевым дневникам собирателя, а также отчеты об экспедициях. Они интересны тем, что проясняют многие вопросы бытования фольклора в то время, проливают свет на некоторые аспекты и трудности собирательской работы, наконец, дают представление о методах работы самого Д. М. Балашова как фольклориста. Некоторые из этих ремарок публикуются впервые, хотя основная их масса уже давно введена в научный оборот самим Д. М. Балашовым (см., например, [1], [3], [4]), а также Е. В. Марковской в ее серии публикаций к 85-летию юбилею писателя.

Содержание архивных коллекций говорит о широком кругозоре Д. М. Балашова, о большом диапазоне его научных интересов. Ученый записывал если не всё, то почти всё: жанровый репертуар включает лирические песни, баллады, былины, духовные стихи, сказки, пословицы и поговорки, прибаутки, частушки, загадки, былички, предания, анекдоты, городские («жестокые») романсы, детский фольклор, любительские авторские сочинения носителей фольклорной традиции, песни-переделки, народные «версии» известных литературных произведений и т. д. Фиксировал собиратель и «потаенный», «низовой» срез неподцензурной народной культуры: в его записях иногда встречаются тексты эротического содержания, в том числе с obscene лексикой¹. Полноценное изучение таких текстов возобновилось лишь в 1990-е годы [13].

Все эти материалы, даже осколки традиции, зафиксированы с высочайшим качеством, с должной тщательностью, научной добросовестностью. Д. М. Балашов был одним из первых, кто начал использовать магнитофон, поскольку прекрасно понимал значение подлинной речи, напевов, интонационных нюансов исполнения фольклорных произведений – всего того, что запись «от руки» передать не в состоянии. Сделанные им и другими участниками экспедиций аудиозаписи хранятся в Фонограммативе ИЯЛИ КарНЦ РАН, значи-

тельная часть введена в научный оборот, другие еще ждут опубликования.

В 2012 году к 85-летию писателя и фольклориста был выпущен мультимедийный диск «Эпос и духовная лирика Усть-Цильмы в записях Д. М. Балашова» (<https://illh.ru/balashev>), снабженный солидным научным аппаратом. Здесь представлены варианты былин, духовных стихов, баллад, записанных в 1963–1964 годах, с расшифровками текстов, нотными приложениями, подробными комментариями, фотоальбомом и обширной вступительной статьей. Подобные комплексные издания ценны как для фольклористики, так и для этномузыкологии, лингвистики, стиховедения, краеведения и т. д.

ЗАМЕТКИ СОБИРАТЕЛЯ

Материалы рукописного архива КарНЦ РАН дают очень хорошее представление о Д. М. Балашове как исследователе фольклора. Заметки, сделанные им словно бы «на полях», на самом деле образуют своего рода метатекст, чрезвычайно важный для понимания не только отдельного произведения, но и в целом феномена народной культуры как таковой.

Уже во время первых экспедиционных выездов началось формирование взглядов Д. М. Балашова как ученого-фольклориста. Очевидно, что записи велись не стихийно: собирательская работа была поставлена на прочные научные рельсы, что, по-видимому, является немалой заслугой Ленинградской (Петербургской) филологической школы. В экспедиционных тетрадях можно обнаружить попутные замечания научного характера, которые говорят о том, что теоретическое освоение собранного материала происходило подчас в процессе фиксации текста. Удивляют точность и глубина понимания важнейших теоретических проблем фольклористики начинающим исследователем. С самого начала Д. М. Балашов неукоснительно следовал определенным принципам записи фольклора. Позже они были сформулированы в отдельной брошюре, вот, на наш взгляд, важнейшие: «записывать нужно все произведения народного словесно-музыкального искусства» [5: 18], при этом записывать «совершенно точно, не сглаживая диалектных особенностей речи и не стесняясь “грубых” выражений, а также кажущейся нескладности отдельных фраз» [5: 20]. Как уже было упомянуто, отдельным «героем» балашовских экспедиций был магнитофон, без которого собиратель не мыслит полноценной работы. Например, в отчете 1964 года по итогам экспедиции на Терский берег Белого моря техническим трудностям, связанным с магнитофоном, уделено немало внимания:

«Экспедиция проходила в очень тяжелых условиях – был получен мною неисправный магнитофон, поэтому на ходу пришлось перестраивать всю работу, менять маршруты <...> Из Оленицы бегал в Кашкаранцы встречать пароход, чтобы получить магнитофон»².

Собиратель тщательно фиксировал любые ремарки исполнителя, которые, например, поясняют, откуда информант усвоил текст, ср. краткое предисловие к былинне «Сухман», записанной в 1957 году от Пелагеи Степановны Югоровой, 62 г., в с. Шуерецкое: «Когда-то на веках у меня книга была, так пела и запомнила еще в ребячестве»³. Или пояснение Анны Васильевны Галашкиной, 61 г., с. Шуерецкое, к духовному стиху «Егорий Храбрый»: «Кондратьевна меня научила. 12 годов мне было, я этот стих запомнила...»⁴.

Д. М. Балашов отмечал всё, что сопутствует основному тексту и раскрывает, каким-либо образом комментирует его:

«Исполнительница говорит, что этот стишок не пели, а говорили словами»⁵; «Это всё из жизни взято, так же люди жили, так же сватались, так же она бросалась на ножички»⁶ (комментарий Екатерины Михайловны Каллиевой, 71 г., с. Шуерецкое, к балладе «Домна»).

Интересны реплики исполнителей о современном бытовании фольклора на эстраде: «По радио многие старинные песни поют. Я говорю: “Ребята, смотрите, наши песни. Мно-о-го старинных”»⁷ (Анастасия Петровна Логинова, 53 г., с. Шуерецкое).

Краткие ремарки, сделанные Д. М. Балашовым, со всей очевидностью обнаруживают потенциальный круг важных для него научных проблем: «Интересно – не литературного ли происхождения рассказ?»⁸, а также: «Забыл сейчас писателя»⁹. Эти комментарии были сделаны к фольклорной переделке рассказа Л. Н. Толстого «Чем люди живы». В тетради Д. М. Балашова народная версия, близкая уже к легендарной сказке, озаглавлена «“Как с церкви крышу снял...” (ангел-сапожник)». Или (реплика исполнителя): «Где уж они эти сказки знали? В книжках вычитывали, верно. А нынче прибаутки эти и знаю только...»¹⁰.

Молодого ученого, очевидно, интересовала сложная проблема фольклоризма художественной литературы. Отсюда повышенное внимание к самодельным, дилетантским произведениям, сочиненным самими носителями фольклорной традиции. Подобные тексты (их не следует смешивать с «фейкlorом», то есть с искусственным фольклором, от англ. *fake* – «фальшивка», «подделка») привлекли специалистов сравнительно недавно, но Д. М. Балашов, в соответствии со своими принципами («переписываю всё подряд»¹¹), зафиксировал и эти материалы. См., например, стихотворение Василия

Павловича Стрелкова, Терский р-н Мурманской обл., с. Чаваньга, зап. в 1961 году¹²:

*Люблю кататься на оленях!
По тундре – белому простору,
Где нет препятствий никаких.
Люблю кататься на оленях
В саамских нартах расписных!
Там голос северной Авроры
Могу услышать на бегу,
Когда оленьих ног копыто
Звонит на искристом снегу.
А сполох – северное диво,
Там играет в час ночной,
И тройка шустрая несётся
По тундре-матушке с тобой!*

Любопытно также стихотворение в народном стиле, похожее на причитание¹³:

*Ой ты берег родной – гавань Чаваньга!
Ой отец ты родной, Сил Данилович!
Ой ты маменька, Дарья Ниловна!
И пошто вы меня – чадо милое
Апраксию замуж выдали
За не нашего, за не милого,
Не на свой бережок, а за морюшко,
Ой за морюшко, ой за Белое!? и т. д.*

Стихотворение довольно объемное, в конце дается пояснение: «Посвящено беломорской сказительнице [е] Аграфене Матвеевне Крюковой (1855–1921). Зимний берег. Составил дальний родственник, уроженец Терского берега Стрелков В. П., г. Минск. 20 декабря 1959 года»¹⁴.

Однако помимо фольклорных текстов и ремарок к ним Д. М. Балашова интересовали и сами сказители. Собирателю было не все равно, что за человек перед ним, как и чем он жил, что чувствовал. Экспедиционные записи содержат ряд ярких словесных портретов. Эти портреты создаются двумя способами: автобиографические сведения (прямая речь исполнителя, взгляд изнутри) и свободное описание собирателем, часто в художественно-публицистической манере (своего рода внешнее наблюдение). Собиратель не ограничивается сухими «паспортными данными», которые принято указывать для каждого фольклорного варианта. Как верно отметила Е. В. Марковская,

«в его описания во время работы со сказителями входил большой объем дополнительной информации, который дает несопоставимо более полное представление о человеке» [11: 229]. «Полевые записи Д. М. Балашова отличает большое внимание, уважение и профессиональный интерес к личности исполнителя» [10: 130].

Информантам предоставляется простор и свобода повествования. Например, в экспедиции 1957 года в с. Шуерецкое Кемского района Д. М. Балашов записал автобиографические сведения Александры Павловны Куроптевой, 65 л. Собиратель отметил, что Александра Павлов-

на родом из Мурманской области (что важно для лучшего понимания возможных связей между локальными фольклорными традициями), и привел ее полный рассказ о себе. Рассказ совсем небольшой и уместился в 16 строчках, однако в нем отразились многие, преимущественно драматические, страницы истории отдельной семьи и «большой истории». Рассказчица из бедной семьи, рано («на 11 году») лишилась отца, который «потонул в Архангельске». Еще ребенком работала на заводе по 12 часов, «а после 5-го году, после забастовки, 10 часов. Маленьки, силы-то ведь нету, тяжело приходилось». Трагедией стала война: «Сын один убит на фронте. Другой служит 10 годов уж». Женщина сожалеет, что, имея способности, не смогла, в силу исторических обстоятельств, как следует выучиться: «Я в 1907 г. сельскую школу кончила. Нам, беднякам, трудно было <...> У меня способности были учиться, если бы как сейчас, то две грамоты у меня остались похвальны. Только чистописание мне не далось». Как это часто бывает, прежняя жизнь, пора юности, вспоминается с ностальгией:

«Сейчас молодежь обленилась, только на танцах их много. Мы-то застрельщиками были. Тут встреча была трех поколений, ну я немножко критикнула молодежь, рассказала, как мы работали. А теперь – поля все затравеют, а на прополку нет никого, а на танцах много. Теперь только стали маленько работать»¹⁵.

Так Д. М. Балашов пытался уловить ускользающее эхо прошлого, по крупицам собирал воспоминания еще живых свидетелей и участников трагических событий первой половины XX века: на долю того поколения, с которым общался собиратель, выпало немало тягот и невзгод. Такие пометки полезны не только для фольклористов, но и для историков: они представляют хороший материал для изучения, например, проблемы исторической памяти по устным рассказам очевидцев.

Необходимо обратить внимание на ту лингвистическую щепетильность, с которой записывались автобиографические сведения: собиратель зафиксировал многие черты идиолекта рассказчицы (лексики, морфологии, синтаксиса); передал особенности спонтанной устной речи со всеми ее огрехами. Поэтому такие мини-тексты могут быть полезны и лингвистам, в том числе диалектологам.

В 1961 году Д. М. Балашов был в экспедиции в Мурманской области (Терский район). Помимо ценных фольклорных материалов он привез и замечательные словесные портреты исполнителей. Также собиратель создал интересные бытовые зарисовки: привел некоторые занимательные отрывки из разговоров жителей, дал описания их взаимоотношений и т. п. Например, с боль-

шой теплотой он рассказал о Евдокии Дмитриевне Конева, 63 г., из села Варзуга:

«В Варзуге Конева несомненно – лучший знаток фольклора <...> У Е. Д. очень тонкая наблюдательность и драматический талант: рассказывая о прошлом, она иногда изображает то или иное событие, всегда мастерски. На людях, однако, она стесняется, рассказывать сказку в присутствии студента ей уже было трудно <...> У Е. Д. очень развито чувство юмора. Это сказывается на ее сказочном репертуаре, но также то и дело проявляется в разговорах, замечаниях, наблюдениях. Так, в 1957 г. она сидела у окна, рассказывая, а я записывал. Вдруг перед домом появился мальчик с удочкой, комически серьезный в огромных отцовских сапогах – он шел на рыбалку. Е. Д. не могла удержаться и выглянула в окно: “Эй, больше рыбы лови! В сапоги накладывай!” и добавила, повернувшись ко мне: “Каки больши сапоги!”»¹⁶.

Также собиратель представил подробный портрет Марины Поликарповны Дьячковой, 62 г., с. Варзуга:

«М. П. очень любознательная женщина, ходит в кино, слушает передачи радио, в Мурманске, где она была несколько лет назад, М. П. старалась всё посмотреть, всюду побывать и попросту разглядывала городских жителей <...> В 1957 г., записывая от нее частушки, я записал и такую, [про] которую М. П. сказала мне с некоторым смущением: “Эту я сочинила, сама...”»:

*Мы на севере живем,
Хлеб у нас не родится,
А родная партия
О нас заботится.*

Нынче она вновь вспомнила ее и рассказала следующее: “Тут приезжали из Мурманска двое, ну и пристали как смола – сочини да сочини что-нибудь про современную жизнь, уж я отвязаться не могла и эту частушку сложила”. Факт, как мне кажется, любопытный для любителей разнообразных “новин”... Ряд сказок М. П. непосредственно “литературного” происхождения (из прочитанных книг)»¹⁷.

Здесь, еще задолго до обращения российских фольклористов к проблеме «фейклора», Д. М. Балашов предпринимает первые осторожные наблюдения над истоками и сутью этого явления.

Имеется в экспедиционной тетради и портрет жителя с. Варзуга Сергея Дорофеевича Заборщикова, 54 г.:

«Слепой сказочник и знаток песен. Ослеп в результате ранения на фронте. Лежал в госпитале, в Иркутске, написал домой... Многие жены отказывались от слепых мужей, он также боялся, как его встретят? Жена написала: “Приезжай, какой есть, хоть кость одно осталось”. Жена и мать, ухаживавшая за ним в послевоенные годы (теперь умерла), помогли С. Д. вновь [в]стать на ноги душевно. Он работал, научился читать по алфавиту для слепых и выписывает журнал. Его сказки слушают сельчане, и это также помогает ему жить...”»¹⁸.

Позже Д. М. Балашов переработал, дополнил и опубликовал эти и другие художественные портреты сказителей Варзуги во вступительной статье к сборнику сказок Терского берега [4].

Тонкость, деликатность передачи портрета исполнителя присущи и очерку, написанному Д. М. Балашовым после двух поездок на Печору, предпринятых в 1963–1964 годах [2]. Исследователь воссоздал подробные образы Гаврилы Васильевича Вокуева, Василия Игнатьевича Лагеева, Еремея Прововича Чупрова и Леонтия Тимофеевича Чупрова.

Отдельные, зачастую случайные, реплики помогают полнее представить картину жизни и быта людей. Например, Александра Ивановна Лёвина, 75 л., из с. Шуерецкое Кемского района не только исполнила песню «Шкатулка», но и поделилась сведениями «о делах колхозных и рыбацких», об этнографических реалиях, о каликах: «Как калики пойдут петь стихи, так я убегала, не любила стихов. Калики эти, прости Господи, не нравились мне»; о колхозе: «Стары остарели, а молодые туда-сюда, не идут в колхоз. Есть могутны, да не идут»¹⁹ и т. д. Валерия Ивановна Курицына, 61 г., также из с. Шуерецкое, прерывала чтение стихотворений (по-видимому, самодельных: «говорил мне папаша: сами слóжили») поясняющими комментариями:

«На Белом море по рекам – семга ловилась, после, как канал провели, ей и повредило. Теперь разводят в Выге-реке и Сороке. Так селедку в Белом, а здесь – навагу и камбалу»²⁰.

Оба примера – из экспедиции 1957 года, когда Д. М. Балашов был еще аспирантом Пушкинского Дома. Чрезвычайно интересен подробный отчет об этой экспедиции²¹, позднее частично опубликованный [1]. Этот отчет не является простым реестром, каталогом записанного материала. Он содержит описания местности и природы, сведения об истории края, о жителях и их хозяйственных занятиях, носителях фольклора, жанровом составе и современном состоянии фольклорной традиции; имеются острые замечания по поводу снабжения экспедиции и т. д.

В опубликованную краткую, суховатую и более формальную версию отчета [1] не вошли многие любопытные детали, тем интереснее смотрится этот текст в архивном деле. Так, Д. М. Балашов сетует на отсутствие звукозаписывающей аппаратуры:

«К величайшему сожалению, Сектор²² не смог снабдить меня магнитофоном никакой конструкции, что весьма нерасчетливо. Если у нас мало денег, тем более нужно посылать людей с магнитофонами. Это будет ровно вдвое дешевле, чем снаряжать потом отдельную экспедицию за напевами. Экспедиция К. В.²³ тоже не была снабжена магнитофоном. Я буквально вырвал в филиале²⁴ любительский магнитофон “Эльфа-6” и две кассеты с пленкой, которые и исписал целиком в первом пункте моей работы – в Шуерецкой. Так что вместо трехсот-четырехсот музыкальных записей, которые я мог бы сделать при наличии хорошего прибора и пленки, я сделал 59 – столько, сколько уместилось на моих

двух кассетах, и то в одном месте, на Карельском берегу. Сверх того – пусть те, кто знаком с этим Эльфом, скажут, что это за система. Не говоря о конструкции, весом он приближается к той сумочке переметной, в которой была заключена тяга земная. А не взять его совсем я не мог по соображениям научной честности. Когда я поступил в аспирантуру, у меня произошел памятный для меня разговор с Флавием Васильевичем²⁵, который сказал мне: “На словах-то вы все за то, чтобы изучать и собирать песни с напевами, а вот на деле...” Ну и я не хотел, чтобы у меня расходились слова и дела»²⁶.

Д. М. Балашов подошел к составлению отчета, что называется, «с душой», он снабдил его живописными картинками северной природы:

«Белое море изумительно красиво. (Возможно, мне повезло – нынче там было необыкновенно жаркое лето). Фиолетовые граниты, обшитые ледником, сползают в воду, на них щетина соснового леса. Голубые горы вдали. Удивительно нежные и тонкие тона и необыкновенные белые ночи с цветным непотухающим небом»²⁷.

Здесь увлеченный делом ученый-фольклорист выступает уже практически в качестве писателя-пейзажиста, настолько красочно его мини-эссе. Интересно сравнить это описание Белого моря с тем, которое позднее, в 1972 году, уже будучи профессиональным литератором, Д. М. Балашов опубликует в предисловии к сказкам Терского берега, обработанным для детей:

«Белое море приходит и уходит. Отступая, оставляет на песке мелкие розовые ракушки и покрупнее – бороздчатые, с пестрым рисунком. Иногда – винно-красных медуз. Умирая, медузы теряют цвет, бледнеют, становятся прозрачными, как студень, и медленно высыхают на песке <...> Коротко северное лето. Вот уже грозно ревет море, ветер срывает с волн сердитые гребни. Короче стали дни, темнее ночи. Падает снег. Белое море становится черным. Чуть проглянет обмороженное красное солнце, прокатится по самому краю воды, и опять долгие ночи темны...» [6: 3].

Особо он отметил влияние произведений классической литературы и, в целом, текстов массовой культуры на фольклорную традицию края:

«Явно сказывается тяготение к обогащению репертуара произведениями профессионального искусства. Поют Пушкина, Лермонтова. Беда в том, что между народным искусством и классикой стояла и стоит – я знаю провинциальных гастролеров-эстрадников достаточно хорошо, чтобы говорить об этом, – мутная волна невообразимой мешанской пошлости, которая усваивается в деревне под маркой городской культуры. Когда я ехал на пароходе в Кижы и обратно, репродуктор безостановочно обливал меня столь низкопробными “штучками”, что я за эти несколько часов приобрел неврастению и самые мрачные мысли о будущем нашей советской песенной культуры»²⁸.

С восхищением Д. М. Балашов писал о материальной культуре и нравственных качествах жителей северного края. В его дневниковых записях словно конкурируют беспристрастный исследо-

ватель, фиксирующий «экспедиционный материал», и обычный человек, который даже в формальном научном отчете не может не поделиться своими личными впечатлениями об увиденном и услышанном:

«В одежде – старинных сарафанов и повойников держатся старухи, они очень красивы и величественны в этих сарафанах. Молодежь и женщины средних лет все носят современные костюмы; жители культурны, много ездят, много видели, живут зажиточно и очень чисто, в поморские избы приятно заходить. Такая же чистота и на тонях. Народ замечательно приветливый, гостеприимный, честность там поразительная. Пробыв на Белом море меньше двух месяцев, я возвращался оттуда, как будто бы уезжал из родных мест»²⁹.

Из экспедиции в Терский район Мурманской области 1962 года Д. М. Балашов привез, помимо ценнейшего фольклорного материала, и записи историко-бытового характера, например (рассказ Евдокии Анисимовны Мошниковой, 68 л., с. Умба):

«Бесёду собирали по 25 копеек за избу, да и то деньгами не давали, муки или крупы наберешь чашку, старухи и довольны. Раньше и не пили так, не стаканами пили, а рюмочками маленькими. Соберутся – по пять суток гуляли, а пьяного не видать. И не дрались, вот только мудьюжана те приходили драться, любую беседу разобьют. А то и не дрались, тихо жили по деревням, спокойно...»³⁰.

Бытовой, автобиографический рассказ может незаметно переходить в фольклорный нарратив: таков, например, рассказ о вещем сне Анны Архиповны Кузнецовой, 64 г., из с. Пялица[ы]:

«Сон приснился – меня понесло ветром и принесло в военный город. Много-много военных ходит, и старичок седатый, и повел меня. А стоит дом маленький, как моя избушка, и оттуда ревут, слышу. А что там, говорю, ревут? Захожу туда, а там озеро и плавают, только головы видать, и Далматушко мой там. Мама, говорит, не плачь, много плачешь, так мне тяжело, не выбраться из озера. Потом я его достала, и очутился он в шубе белой. И пошли. И идём, а вдруг глянула – и он исчез, как и нет, а дорога идет к морю, к горю, значит. И потом узнала, что убит»³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы привели лишь крупницы из нескольких объемистых томов архивных коллекций Д. М. Балашова. Материалы, которые сам собиратель считал наиболее важными, уже введены в научный оборот, в частности сказки, свадебные песни, баллады, былины, духовные стихи. Однако многое в экспедиционном наследии Д. М. Балашова еще требует пристального внимания фольклори-

стов. Как мы постарались показать, к числу таких материалов относятся записи, сопровождающие фольклорный текст, пояснения, словесные портреты исполнителей, отчеты и т. п. Они позволяют не только лучше понять контекст бытования фольклорного произведения (что достаточно очевидно), но и, как нам кажется, обнаружить истоки будущего писательского мастерства.

Отметим важную вещь: едва ли Д. М. Балашов сознательно подбирал «фактуру» для будущих произведений. Экспедиции носили строго научный характер, а сам он в то время еще не помышлял о будущей судьбе. Однако обстоятельства сложились так, что научными находками он не ограничился. Уже в первых поездках ученый-фольклорист, очевидно, пропитался духом старины, нашел яркие, необычные для представителя городской культурной среды интонации русской народной речи. Впоследствии это, может быть и поневоле, подтолкнуло его к созданию целого мира Древней Руси, в котором он нашел свое предназначение, свой жизненный смысл. Экспедиционные заметки исподволь формировали Д. М. Балашова как писателя: на Русском Севере он нашел и живые образы, и живой язык, и историю, и богатую традиционную культуру. В этом убеждают талантливо выполненные художественно-литературные портреты сказителей, пейзажные зарисовки, бытовые сценки и т. д. При чтении полевых дневников возникает ощущение, что это и не дневники вовсе, а черновики будущих сочинений, проба пера, уже здесь замечен литературный дар, видно бережное отношение к русскому слову. От научного отчета не требуется насыщенных эпитетами и метафорами описаний Белого моря или портрета сельского мальчишки, «комически-серьезного в огромных отцовских сапогах». Однако у Д. М. Балашова все это есть. Вероятно, создание мини-очерков имело для фольклориста такое же значение, как для начинающего музыканта исполнение этюдов, необходимое для освоения инструмента. В литературном творчестве писателя весь опыт собирания и изучения фольклора нашел самое непосредственное воплощение, причем исследователи отмечают

«умение растворить фольклорные традиции в литературе, познать дух народного творчества, его эстетику и этику, протянуть “звенья памяти” от народного эпоса в сегодняшний день, к нравственным исканиям современного человека» [7: 236].

Экспедиции на Русский Север помогли Д. М. Балашову обрести свое призвание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 46. Л. 129; НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 4. Л. 10; НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 54. Ед. хр. № 7. Л. 27; НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 54. Ед. хр. № 13. Л. 43.

- ² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 54. Л. 1.
- ³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 36. Л. 49.
- ⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 39. Л. 56.
- ⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 33. Л. 44.
- ⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 49. Л. 80.
- ⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 48. Л. 78.
- ⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 3. Л. 21.
- ⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 3. Л. 20.
- ¹⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 2а. Л. 7.
- ¹¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 41. Л. 203.
- ¹² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 42. Л. 205–206.
- ¹³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 45. Л. 208.
- ¹⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 39. Ед. хр. № 45. Л. 209–210.
- ¹⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 27. Л. 35.
- ¹⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 8. Л. 35–36.
- ¹⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 14. Л. 42–43.
- ¹⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 38. Ед. хр. № 27. Л. 70.
- ¹⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 38. Л. 55.
- ²⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 36/1. Ед. хр. № 78. Л. 139.
- ²¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1.
- ²² По-видимому, речь идет о секторе народного творчества ИРЛИ (Пушкинский Дом).
- ²³ Кирилл Васильевич Чистов.
- ²⁴ Видимо, имеется в виду Карельский филиал АН СССР.
- ²⁵ Флавий Васильевич Соколов, музыковед-фольклорист, в 1953–1957 годах заведующий Фонограммархивом Пушкинского Дома. См. [12].
- ²⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1. Л. 2–3.
- ²⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1. Л. 5.
- ²⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1. Л. 18.
- ²⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 44. Ед. хр. № 1. Л. 8.
- ³⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 41. Ед. хр. № 2. Л. 3.
- ³¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 41. Ед. хр. № 12. Л. 41–42.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Д. М. Новые записи фольклора на побережьях Белого моря // Русский фольклор. Т. IV. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 418–421.
2. Балашов Д. М. Печора и ее сказители // Север. 1965. № 3. С. 73–84.
3. Балашов Д. М. Предисловие // Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л.: Музыка, 1969. С. 3–9.
4. Балашов Д. М. Сказочники и сказочная традиция на Терском берегу // Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. С. 7–31.
5. Балашов Д. М. Как собирать фольклор (руководство по сбору произведений устного народного творчества). М.: Знание, 1971. 39 с.
6. Балашов Д. М. Как сказки попали в книжку // Сказки Терского берега / Запись, литературная обработка сказок Д. М. Балашова. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1972. С. 3–6.
7. Дюжев Ю. И. Д. М. Балашов (1927–2000) // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2000. С. 233–245.
8. Коржов Д. Кольчуга памяти и любви // Мурманский вестник. 17.11.2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mvestnik.ru/culture/pid2007111723731/> (дата обращения 25.05.2022).
9. Марковская Е. В. Описание фольклорных коллекций Научного архива КарНЦ РАН // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов: Материалы V научно-практического семинара. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2012. С. 127–274.
10. Марковская Е. В. Д. М. Балашов и Карелия: «Фольклорный период» в жизни писателя // Традиционная культура. 2012. № 4. С. 129–139.
11. Марковская Е. В. Сказители Русского Севера 1960-х годов в исследованиях Д. М. Балашова // Человек в истории: героическое и обыденное. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 226–231.
12. Марченко Ю. И. Флавий Васильевич Соколов – собиратель напевов Печорского былинного эпоса // Рябининские чтения – 2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 424–426.
13. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и науч. ред. А. Л. Топоркова. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1995. 640 с.
14. Шибанова Н. Л. Опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, хранящихся в архиве Карельского научного центра РАН // Русский фольклор. Т. XXXII. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. С. 425–475.

Поступила в редакцию 27.05.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Alexander M. Petrov, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

DMITRY BALASHOV AS A FOLKLORE COLLECTOR: FROM SCHOLARLY INQUIRY TO LITERARY MASTERY

Abstract. The article deals with the expedition records of D. M. Balashov made in 1957–1960s in the north of Karelia and in the Murmansk Region. They are currently stored in the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The subject of the study is not the folklore texts themselves, but the accompanying comments, reports and remarks of the performers and the collector. The entire array of these auxiliary data covers several thematic areas: information about storytellers with detailed verbal literary portraits; information about history, life, and culture of the region; scientific hypotheses, comments on texts that help to understand the range of the scholar's research interests. Some remarks and mini-essays were not previously published. It is concluded that the skill of D. M. Balashov as a writer began to take shape during his expedition trips, long before he started his professional literary career. Balashov felt cramped within the framework of purely research work, therefore many accompanying comments already have the features of a literary text: the reports contain landscape sketches, depict some scenes of people's everyday life, and create the vivid images of storytellers with whom the future writer communicated. Acquaintance with the folk traditions of the Russian North influenced Balashov's literary worldview. Archaic images and motifs of northern Russian folklore were later reflected in a series of his historical novels about ancient Russia.

Key words: Dmitry Balashov, literature, folklore, folklore expedition, Russian North, Karelia, Murmansk Region

Acknowledgements. The paper was written as part of the project “Balashovsky treugol'nik” (“Balashov Triangle”) funded by the Grant Foundation of the Head of the Republic of Karelia. The project is implemented by the Karelian regional public organization “Sodruzhestvo narodov Karelii” (“Community of the Peoples of Karelia”) in partnership with the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Petrov, A. M. Dmitry Balashov as a folklore collector: from scholarly inquiry to literary mastery. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.824

REFERENCES

1. Balashov, D. M. New folklore records on the coasts of the White Sea. *Russian folklore. Vol. 4. Materials and studies*. Moscow, Leningrad, 1959. P. 418–421. (In Russ.)
2. Balashov, D. M. Pechora and its storytellers. *Sever*. 1965;3:73–84. (In Russ.)
3. Balashov, D. M. Preface. *Balashov D. M., Krasovskaya Yu. E. Russian wedding songs of the Tersky Coast of the White Sea*. Leningrad, 1969. P. 3–9. (In Russ.)
4. Balashov, D. M. Storytellers and fairy tale tradition on the Tersky Coast. *Tales of the Tersky Coast of the White Sea*. Leningrad, 1970. P. 7–31. (In Russ.)
5. Balashov, D. M. How to collect folklore (a guide to collecting oral folklore). Moscow, 1971. 39 p. (In Russ.)
6. Balashov, D. M. How fairy tales got into the book. *Tales of the Tersky Coast*. (D. M. Balashov, Ed.). Murmansk, 1972. P. 3–6. (In Russ.)
7. Duzhev, Yu. I. D. M. Balashov (1927–2000). *History of Karelian literature*. Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. P. 233–245. (In Russ.)
8. Korzhov, D. Chain armor made of memory and love. *Murmansk Vestnik*. 17.11.2007. Available at: <https://www.mvestnik.ru/culture/pid2007111723731/> (accessed 25.05.2022). (In Russ.)
9. Markovskaya, E. V. Description of the folklore collections from the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Field research and archiving of folklore and ethnographic materials: Proceedings of the V research and practice seminar*. Petrozavodsk, 2012. P. 127–274. (In Russ.)
10. Markovskaya, E. V. D. M. Balashov and Karelia: The “folklore period” in the life of the writer. *Traditional Culture*. 2012;4:129–139. (In Russ.)
11. Markovskaya, E. V. Narrators of the Russian North in the 1960s in D. M. Balashov's research. *Man in history: the heroic and the ordinary*. Petrozavodsk, 2012. P. 226–231. (In Russ.)
12. Marchenko, Yu. I. Flaviy Vasil'evich Sokolov, a collector of melodies of the Pechora bylina epics. *Ryabini Readings – 2019: Proceedings of the VIII Conference on the Study and Updating of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2019. P. 424–426. (In Russ.)
13. Russian erotic folklore. Songs. Rites and ritual folklore. Folklore theatre. Incantations. Riddles. Chastushkas. (A. L. Toporkov, Ed.). Moscow, 1995. 640 p. (In Russ.)
14. Shibanova, N. L. Inventory of handwritten collections of folklore materials collected by D. M. Balashov stored in the Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Russian folklore. Vol. 32. Materials and studies*. St. Petersburg, 2008. P. 425–475. (In Russ.)

Received: 27 May, 2022; accepted: 25 July, 2022

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

natshar@mail.ru

Рец. на кн.: Андрей Белый и Наташа Тургенева: Роман в письмах / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Т. Байера и М. Спивак. – М.: Рутения, 2020. – 384 с.

Для цитирования: Шарапенкова Н. Г. Рец. на кн.: Андрей Белый и Наташа Тургенева: Роман в письмах / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Т. Байера и М. Спивак. – М.: Рутения, 2020. – 384 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 119–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.825

В 90-е годы XX века на волне возвращенной в читательский и научный оборот литературы возрос интерес к творчеству одного из ярчайших писателей, поэтов, новаторов и идеологов Серебряного века Андрея Белого, практически ушедшего в тень и полузабвенье в 40–80-е годы XX века. Стали выходить в свет и переиздаваться романы, сборники стихотворений, публицистические, критические работы, переписка, автобиографические сочинения (дневники, путевые заметки и т. д.) Андрея Белого. Достаточно сказать, что в свет вышли три тома «Литературного наследства»: т. 105 «Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов»; т. 111 «Андрей Белый. Жезл Аарона. Работы по теории стиха 1916–1927 гг.»; т. 112: в 2 кн. «Андрей Белый. История становления самосознающей души» и многие другие издания. Были изданы переписки с Ал. Блоком, Ивановым-Разумником, А. Петровским и М. Морозовой и др.

Большим научным и издательским свершением стал выход книги «Андрей Белый и Наташа Тургенева: Роман в письмах» (М.: Рутения, 2020), которая является предметом данной рецензии. История ее подготовки уже достойна отдельного разговора. Благодаря усилиям одного из крупнейших исследователей Андрея Белого Томаса Байера (США) и директора Мемориальной квартиры Андрея Белого М. Л. Спивак стало возможным прочитать письма писателя к Наталье Алексеевне Тургеневой (в замужестве Поццо)¹ и приоткрыть еще одну тайну в его биографии.

Сама переписка была обнаружена в швейцарском Дорнахе, в архиве Гётеанума, в фонде Н. А. Тургеневой. Переписка Андрея Белого с Наташей Тургеневой издана в России впервые

в 2020 году. Данный издательский проект – явление во многом уникальное. М. Л. Спивак и Т. Байер на презентации книги в Москве приоткрыли завесу тайны и рассказали, как непросто было получить разрешение опубликовать в русском издательстве «Рутения» данный том переписки, охватывающий период с 1913 по 1917 год.

В книге раскрываются ранее малоизвестные или практически недоступные факты биографии Андрея Белого во время его пребывания в Дорнахе в 1914–1916 годах, где писатель вместе с другими русскими антропософами принимал участие в строительстве храма-театра «Гётеанум».

Книга содержит несколько разделов:

1. Вступительная статья М. Спивак и Т. Байера «*Между Асей и Наташей: сестры Тургеневы в судьбе Андрея Белого*». Авторы воссоздают историю взаимоотношений писателя с сестрами Тургеневыми (Анной, женой писателя, Натальей и Татьяной) и историю нарастания напряжения и переживаний писателя касательно Наташи Тургеневой. История («точка слома») подана с сохранением такта и с пониманием глубины личности писателя, с опорой на ряд других источников, к примеру «Материалы к дневнику», «Ракурс к дневнику» Андрея Белого.

2. Непосредственно переписка под обескураживающим своей «простотой» названием «*Что есть любовь?*».

3. Приложение, которое занимает большое место в данном издании. Сюда вошли и письмо Андрея Белого жене Р. Штайнера М. Я. Сиверс от 1916 года, переписка литератора, издателя журнала «Мусагет», некоторое время наставника писателя – Э. К. Метнера с Наташей Тургеневой от 1916 и 1917 годов, а также письма Аси Тургеневой, жены писателя, к сестре Наташе 1917 года. Завершает это Приложение письмо М. Сабашниковой Наташе Тургеневой

1917 года. Каждое из приложений имеет свой заголовок, взятый из самих писем. К примеру, «Между нами есть самая настоящая связь» и др.

Читая интимную переписку Андрея Белого, помогающую воссоздать его «историю несчастливой влюбленности»², мне приходили на ум слова Э. Канетти по поводу изданной переписки Ф. Кафки к Фелисии Бауер:

«Что до меня, то могу сказать лишь одно: в меня эти письма вошли как некая особая, своя жизнь, и отныне стали мне такими родными во всей своей загадочности, словно принадлежат мне давным-давно, с той поры, как я пытаюсь вбирать в себя людей целиком, дабы снова и снова постигать их во всей их непостижимости»³.

Книга снабжена обширнейшими источниковедческими комментариями, уводящими читателя далеко за пределы истории одной любви, указателем имен, а также, как пишут издатели, «уникальными иллюстрациями» из фондов Мемориальной квартиры Андрея Белого, «Архива Гётеанума» (Дорнах), Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Государственного Дарвинского музея. Следует особо отметить, что издание сделано «с любовью», имеет на форзаце фрагмент «чертежа» самого писателя. Это во многом уникальный экспонат, созданный самим Андреем Белым, – многоуровневый рисунок его жизни, где стрелками разного цвета показаны взлеты

и падения, где отмечены важнейшие вехи жизни и фамилии людей, с которыми в тот или иной период сталкивала судьба писателя. Для того чтобы прочитать весь рисунок, или чертеж жизни, надо войти во многое, многое узнать: как окружение Андрея Белого, так и основные вехи развития литературы, философии и культуры того времени. Индивидуальная судьба писателя предстает здесь как зеркало всей рубежной эпохи. На фрагменте чертежа, приведенном на форзаце, мы видим период, связанный с погружением в антропософию, здесь возникают имена Аси Тургеневой, Р. Штайнера, Н. А. Поццо и целый ряд понятий, таких как «София-Россия», «Атлант» и др. Сам Андрей Белый называет 1912–1915 годы кульминационным периодом своей жизни.

Данное издание – плод кропотливого и плодотворного сотрудничества директора «Мемориальной квартиры Андрея Белого» М. Л. Спивак и крупнейшего специалиста, американского филолога Т. Байера, труда многих ученых, музейных работников, о которых говорится в начале (М. Юнггрена, Е. В. Наседкиной, К. М. Азодовского и многих-многих других, кто помог данной книге стать поистине уникальным изданием). Книга рассчитана на специалистов в области филологии и тех, кто интересуется эпохой русского духовного Ренессанса – Серебряным веком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наталья Алексеевна Тургенева (Поццо) – сестра жены писателя, Анны Алексеевны Тургеневой.

² Андрей Белый и Наташа Тургенева: Роман в письмах / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Т. Байера и М. Спивак. М.: Рутения, 2020. С. 4.

³ Канетти Э. Другой процесс. Ф. Кафка в письмах к Фелиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.4italka.ru/dokumentalnaya_literatura_main/biografii_i_memuaryi/179053.htm (дата обращения 23.06.22).

Поступила в редакцию 23.06.2022; принята к публикации 25.07.2022

Review

Natalia G. Sharapenkova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
natshar@mail.ru

The book review: Andrey Bely and Natasha Turgeneva: Epistolary novel. (T. Bayer, M. Spivak, Eds.). Moscow, 2020. 384 p.

For citation: Sharapenkova, N. G. The book review: Andrey Bely and Natasha Turgeneva: Epistolary novel. (T. Bayer, M. Spivak, Eds.). Moscow, 2020. 384 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):119–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.825

Received: 23 June, 2022; accepted: 25 July, 2022

15 июня 2022 года исполнилось 75 лет доктору филологических наук, заслуженному деятелю науки Республики Карелия, члену Союза писателей России *Елене Ивановне Марковой*.

Celebrating the 75th birthday anniversary of *Elena I. Markova*.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА МАРКОВА

К 75-летию со дня рождения

Е. И. Маркова родилась в г. Петрозаводске. В 1970 году с отличием окончила Петрозаводский государственный университет им. О. В. Куусинена. В 1971 году поступила в аспирантуру к профессору И. П. Лупановой, под руководством которой в 1975 году защитила кандидатскую диссертацию «Творчество М. С. Шагинян в истории русской советской детской литературы». После окончания аспирантуры работала в вузах Ивано-Франковска и Стерлитамака. После возвращения в Петрозаводск в 1982 году Елена Ивановна преподавала в школе № 18, а в 1984 году перешла в Институт языка, литературы и истории КФ АН СССР (ныне – КарНЦ РАН), где с 2007 года стала возглавлять сектор литературы.

Круг научных интересов Елены Ивановны включает исследование литературы Карелии и Европейского Севера, литературно-фольклорные связи. Многие годы она посвятила изучению творчества Н. Клюева, опубликовав в 1997 году монографию «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства», которая легла в основу докторской диссертации, успешно защищенной в 2000 году в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. В последующие годы были опубликованы статьи в сборниках материалов «XXI век на пути к Клюеву: материалы Международной конференции, «Николай Клюев: путь от речи на Кургане до поэмы “Кремль”» и в коллективной монографии «Теория Традиции: христианство и русская словесность», а также монография «Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты».

Значительный вклад Е. И. Маркова внесла в изучение художественной словесности Карелии. Не осталась без внимания и детская литература Карелии, специфика развития которой отражена в монографии «История русской детской словесности Карелии».

Е. И. Марковой опубликовано свыше 150 научных трудов по литературе, что, безусловно, говорит о значительном вкладе ученого в изучение художественной словесности. Под руководством Е. И. Марковой успешно защищены две кандидатские диссертации.

Желаем Елене Ивановне научных и творческих успехов!

*М. В. Казакова, к. филол. н., доцент
Петрозаводский государственный университет*

*О. А. Колоколова, к. филол. н.,
мл. науч. сотр. ИЯЛИ КарНЦ РАН*

13 сентября 2022 года исполнилось 70 лет профессору, доктору филологических наук, члену редакционной коллегии нашего журнала *Андрею Евгеньевичу Кунильскому*.

Celebrating the 70th birthday anniversary of *Andrey E. Kunilsky*.

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

К 70-летию со дня рождения

А. Е. Кунильский родился в г. Белгороде. В 1970 году поступил на филологическое отделение историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена. В университете занимался изучением творчества Ф. М. Достоевского под руководством профессора М. М. Гина. После окончания работал в газете «Олонецкая правда», был корреспондентом отдела партийной жизни, исполнял обязанности ответственного секретаря. Был избран внештатным секретарем райкома комсомола, награжден Почетным знаком ЦК ВЛКСМ в честь 60-летия организации.

С 1976 по 1980 год учился в заочной аспирантуре, в 1984 году защитил кандидатскую диссертацию «Принцип “снижения” в поэтике Ф. М. Достоевского (романы “Преступление и наказание”, “Идиот”))» в ЛГУ. С 1978 года начал работу в Петрозаводском госуниверситете как внештатный преподаватель, в штате – с 1983 года, с 1987 года – в должности доцента, с 2008 года – профессора. В 2001–2013 годах исполнял обязанности заведующего кафедрой, в 2004–2016 годах – декан филологического факультета.

В 2006 году Андрей Евгеньевич защитил докторскую диссертацию «Христианские основы мировосприятия и изображения героя в произведениях Ф. М. Достоевского». Автор более 40 научных и учебно-методических работ. В 2019 году его книга «Тема “жизни” в русской литературе XIX века и у Достоевского» стала лауреатом Всероссийского конкурса научных монографий «Фундамент науки».

А. Е. Кунильский – участник многочисленных научных конференций, в том числе симпозиумов Международного общества Достоевского (IDS) в Женеве (2004), Будапеште (2007), Неаполе (2010), Москве (2013), конференции по русской литературе в Пекине (2011). Награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2007), благодарностью Президента РФ (2014), медалью «За вклад в реализацию государственной политики в области образования» (2021), памятной медалью «Великий русский писатель Ф. М. Достоевский. 1821–2021» (2022).

Поздравляем Андрея Евгеньевича с юбилеем и желаем здоровья!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА НОВИНСКАЯ

(21.10.1937 – 15.09.2022)

Кандидат филологических наук, литературовед

Л. П. Новинская, доцент кафедры литературы Карельского государственного педагогического института / университета, литературовед-стиховед по преимуществу. Путь в стиховедение для Лидии Петровны был предопределен встречей с учителем, известным стиховедом Петром Александровичем Рудневым. С ним в середине 1960-х годов она вошла в стиховедческую группу Института мировой литературы (ИМЛИ) им. М. Горького, где под руководством Л. И. Тимофеева и М. Л. Гаспарова создавался понятийный аппарат, стиховедческий метаязык для готовящегося справочника по метрике и строфике. С 1968 по 1972 год Л. П. Новинская, работая на кафедре литературы Тартуского университета, читала вместе с Ю. М. Лотманом спецкурс по анализу стихотворного текста и вела стиховедческий спецсеминар. В 1982 году ею была защищена кандидатская диссертация «Стих Тютчева в историко-литературном и теоретическом аспектах». В 2003 году в издательстве Карельского педагогического университета вышло учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов «Введение в стиховедение. Метрика. Ритмика. Строфика. Стих и смысл» с посвящением «Светлой памяти учителя, друга, мужа Петра Александровича Руднева».

С середины 1970-х годов до 2004 года, работая на кафедре литературы Карельского педагогического института, Лидия Петровна читала курсы лекций по дисциплинам: «Введение в литературоведение», «Теория литературы», «История литературы XIX в.», спецкурсы и спецсеминары по стиховедческой проблематике. Она любила преподавание, которое было для нее своеобразным диалогом и общением с теми, кто ей внимал. Мы не встречали другого человека, кто бы так знал и уважал студентов, кто был бы так близок

с ними. Когда П. А. Руднев из-за болезни оставил преподавание, важнейшей задачей для Лидии Петровны стало продолжение его дела. Главное – работа со студентами: та же тщательность, строгость, но и доброжелательность.

Дом Новинской – Руднева был притягательным научно-культурным центром Петрозаводска. Здесь витал дух учителя Руднева – Алексея Федоровича Лосева, идеи которого нередко становились предметом дискуссий. Отличавшийся особым гостеприимством и хлебосольством, дом был открыт для коллег и студентов, и не только своих, но и других факультетов, и консерватории. Доклады на студенческом научном обществе, на конференциях, дипломные работы сначала обсуждались за чаем с пирогами. В этом доме побывали известные ученые: Б. Я. Бухштаб, М. Л. Гаспаров, Е. В. Душечкина, А. Ф. Белоусов, М. Ю. Лотман, Р. Папаян, Ю. Г. Кон, К. М. Азадовский, В. С. Бавевский, Р. М. Лазарчук, В. Ш. Кривонос и др.

И все же сколько ни вспоминаем Лидию Петровну сейчас, недостает каких-то очень важных качеств, характерных только для нее. Потрясающая мать и бабушка, и это не преувеличение: особая *доброкачественность*, подлинность, невероятная чистота, порой детская непосредственность. А какой она была друг – преданный, верный, надежный, всегда готовый прийти на помощь и разделить радость. Она трепетно относилась к природе, обожала вылазки в лес, любила животных, умела их выхаживать. Очень тяжело, когда уходят такие люди. Светлая память!

С. М. Лойтер,
доктор филологических наук, профессор

И. М. Нилова,
преподаватель Петрозаводского музыкального
колледжа им. К. Э. Раутио

CONTENTS

Editorial note 7

LINGUISTICS

Petrova Z. Yu., Severskaya O. I., Fateeva N. A.

LEXICO-SEMANTIC GROUP “ABSENCE OF
SPEECH” IN RUSSIAN POETRY: CONSTRU-
CTIONS OF PERSONIFICATION 8

Prokopova M. V., Ermakova E. N.

HYPERBOLE AND LITOTES AS A WAY OF SE-
MANTIC METAMORPHOSIS IN THE SPHERE
OF PHRASE FORMATION 19

Davidova T. S.

SOME DIFFICULTIES OF TRANSLATING
FYODOR DOSTOYEVSKY’S WORKS INTO
ENGLISH. 27

Prikhodko S. A.

THE CONCEPT OF *LAUGHTER* IN VLADIMIR
LENIN’S POLEMIC BOOK *MATERIALISM AND*
EMPIRIO-CRITICISM 34

Pukita A. P.

PROFESSIONAL MARINE VOCABULARY
IN YEVGENY BOGDANOV’S NOVEL *THE PO-*
MORS 41

Issues of karelian dialectology

Pashkova T. V.

COMPOSITION AND SEMANTICS OF COOR-
DINATING CONJUNCTIONS IN THE KARE-
LIAN PROPER DIALECTS FROM THE LAN-
GUAGE CONTACTS PERSPECTIVE 48

Novak I. P.

“VOICED” AND “VOICELESS” KARELIAN LAN-
GUAGE: DIALECTAL MARKERS ON CLUSTER
MAPS 54

Rodionova A. P.

COLLECTIONS OF LUDIC DIALECTAL MATE-
RIALS IN THE PHONOGRAM ARCHIVE OF
THE INSTITUTE OF LINGUISTICS, LITERA-
TURE AND HISTORY OF THE KARELIAN RE-
SEARCH CENTRE OF THE RUSSIAN ACADE-
MY OF SCIENCES 64

Celebrating the 130th anniversary of Matvey I. Pigin

Patroeva N. V.

ARCHAIC FORMS OF THE LINKING VERB *TO*
BE IN THE POETIC SPEECH OF THE XVIII CEN-
TURY: GRAMMATICAL AND STYLISTIC CHA-
RACTERISTICS 71

Lebedev A. A.

NEGATIVE IMPERSONAL CONSTRUCTIONS
AND THEIR ROLE IN MIKHAIL LOMONO-
SOV’S POETRY 79

LITERARY STUDIES

Ivanyan E. P., Ayryan Z. G.

VARIABLE INTERPRETATION OF REALITY IN
A LITERARY FAIRY TALE: AN INTEGRATED
APPROACH TO RESEARCH. 85

Chernyak M. A., Naumova L. N.

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF
“MODERNITY” IN VIKTOR PELEVIN’S PROSE. . . . 94

Celebrating the 95th anniversary of Dmitry M. Balashov

Lyzlova A. S.

THE TERSKY POMOR FOLK TALE TRADITION
(BASED ON DMITRY BALASHOV’S EXPEDITION
RECORDS FROM THE 1950S AND THE 1960S) . . . 101

Petrov A. M.

DMITRY BALASHOV AS A FOLKLORE COL-
LECTOR: FROM SCHOLARLY INQUIRY TO
LITERARY MASTERY. 111

Reviews

Sharapenkova N. G.

The book review: Andrey Bely and Natasha Turge-
neva: Epistolary novel 119

Anniversaries

Celebrating the 75th anniversary of Elena I. Markova. . 121

Celebrating the 70th anniversary of Andrey E. Kunilsky. . 122

Memory

Loyter S. M., Nilova I. M.

In memory of Lydia P. Novinskaya 123

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И НАТАША ТУРГЕНЕВА: РОМАН В ПИСЬМАХ

В книге раскрываются ранее малоизвестные или практически недоступные факты биографии одного из ярчайших представителей русского символизма Андрея Белого во время его пребывания в Дорнахе (1914–1916 гг.), где писатель вместе с другими русскими антропософами принимал участие в строительстве храма-театра «Гётеанум». Благодаря усилиям одного из крупнейших исследователей Андрея Белого Томаса Байера (США) и директора Мемориальной квартиры М. Л. Спивак, получивших доступ к архивным документам, а также многих ученых, музейных работников, о которых говорится в начале издания (М. Юнггrena, Е. В. Наседкиной, К. М. Азадовского и других), читатель получил возможность прикоснуться к письмам Андрея Белого к Наталье Алексеевне Тургеневой (в замужестве Поццо), к сестре жены, и приоткрыть еще одну тайну в биографии писателя. Книга снабжена обширнейшими источниковедческими комментариями, уводящими читателя далеко за историю одной любви.

Данное издание рассчитано на специалистов в области филологии, философии, культурологии и для всех, кого интересует эпоха русского духовного Ренессанса – Серебряный век.

Андрей Белый и Наташа Тургенева: Роман в письмах / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Т. Байера и М. Спивак. – М.: Рутения, 2020. – 384 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

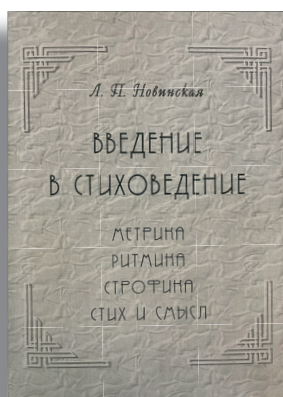

КНИЖНОСТЬ И СЛОВЕСНОСТЬ: СВЯЗЬ ВРЕМЕН Сборник статей к юбилею профессора Александра Валерьевича Пигина

Издание приурочено к юбилею известного российского медиевиста доктора филологических наук, профессора Александра Валерьевича Пигина. Представленные в сборнике статьи посвящены вопросам, которые входят в круг интересов ученого: русская фольклористика, древнерусская книжность и словесность, старообрядчество, текстология, творчество русских писателей XIX–XX вв. (Ф. М. Достоевского, П. И. Мельникова-Печерского, А. М. Ремизова), карельского автора В. И. Пулькина, финских писателей и поэтов XIX–XX вв.

Издание предназначено для специалистов-литературоведов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей литературы и культуры.

Книжность и словесность: связь времен: Сборник статей к юбилею профессора Александра Валерьевича Пигина / отв. ред. И. С. Андрианова. – Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2022. – 464 с.

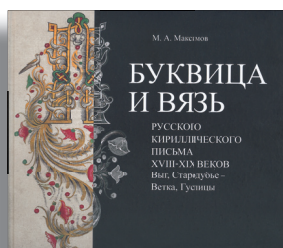
Л. П. Новинская

ВВЕДЕНИЕ В СТИХОВЕДЕНИЕ: МЕТРИКА, РИТМИКА, СТРОФИКА, СТИХ И СМЫСЛ

Учебное пособие посвящено систематическому изложению актуальных проблем русского стихосложения (метрика, ритмика, строфика) в историко-типологическом аспекте. Особое внимание уделяется семантике стиховых форм в целостности художественного текста (особенно часть IV «Стих и смысл»). В пособии использованы результаты авторских исследований по стиху Ф. И. Тютчева и других поэтов.

Книга адресована студентам-филологам, учащимся педучилищ, гимназий, лицеев и школ с гуманитарным уклоном.

Новинская, Л. П. Введение в стиховедение: Метрика, ритмика, строфика, стих и смысл: Учеб. пособие / Л. П. Новинская; КГПУ. – Петрозаводск, 2003. – 134 с.

М. А. Максимов

БУКВИЦА И ВЯЗЬ РУССКОГО КИРИЛЛИЧЕСКОГО ПИСЬМА XVIII–XIX ВЕКОВ Выг, Стародубье – Ветка, Гуслицы

Научно-художественное издание, посвященное специфике изображения буквиц, написания вязи и общей стилистике декоративного оформления русской рукописной книги XVIII–XIX вв. Издание впервые объединяет три основных старообрядческих книгописных центра, создавших собственные школы и художественные стили в оформлении рукописных кодексов. В альбоме подробно представлено графическое наследие и эволюция книжного оформления в искусстве поморского Выго-Лексинского обществства, регионов Стародубья, Ветки и подмосковных Гуслиц. Материалом к изданию послужили около 300 изображений фрагментов рукописных памятников конца XVIII – начала XX в. из собрания автора, большинство из которых публикуется впервые.

Издание рассчитано на широкую аудиторию читателей.

Максимов М. А. Буквица и вязь русского кириллического письма XVIII–XIX веков. Выг, Стародубье – Ветка, Гуслицы. – СПб., 2022. – 148 с.